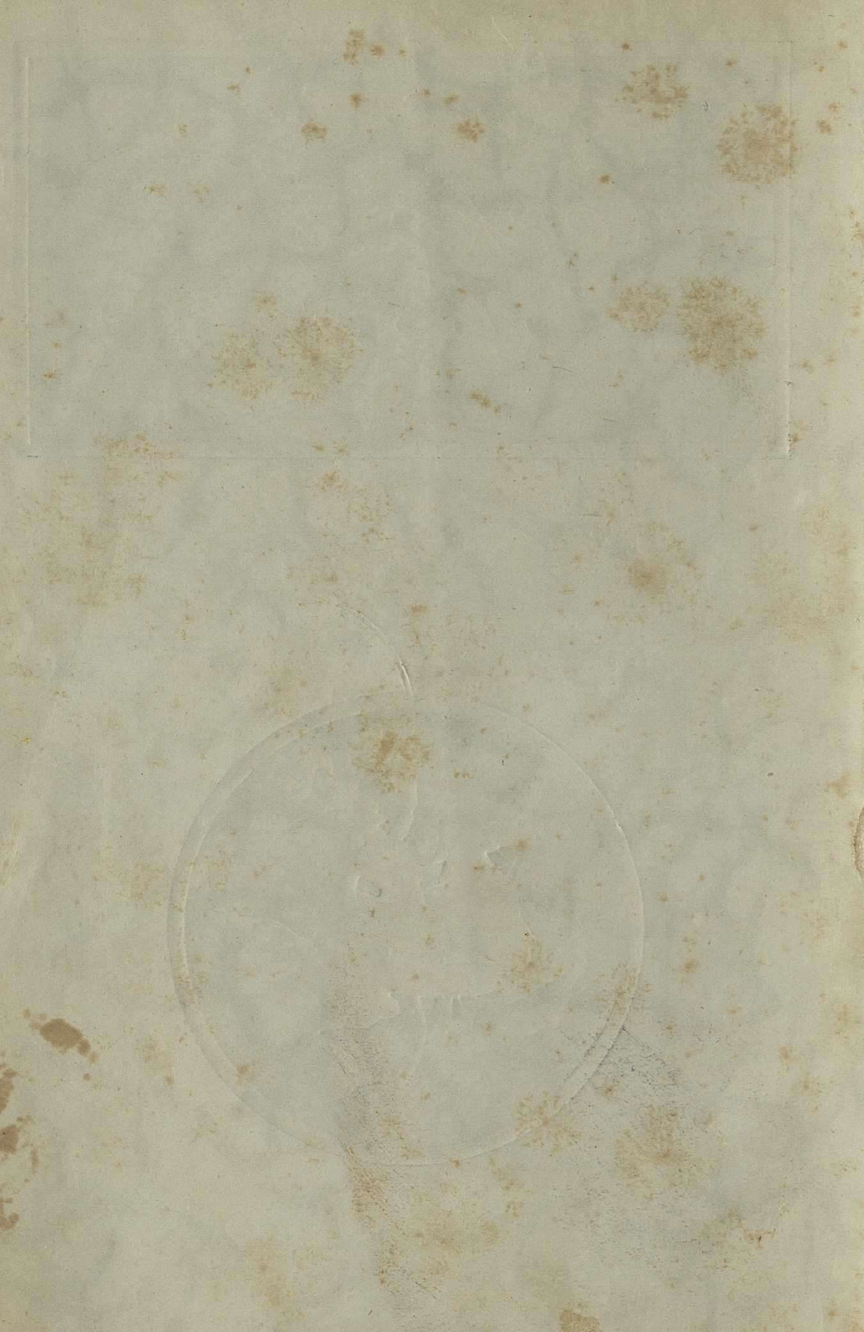

Suum cuique
Всякому свое
ИЗ КНИГ А.М.МАКАРОВА.

Юрій Галичъ.

Легкая Кавалерія

БИБЛІОТЕКА НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Томъ XXXI

ЮРІЙ ГАЛИЧЪ

ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРІЯ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ"
РИГА, ПЕТРОЦЕРКОВНАЯ ПЛОЩАДЬ № 37
1 9 2 8

Эта книга напечатана
въ типографіи „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ"
Рига, Петроцерковная площадь 25-27.

»Прощай, крылатый летъ феллуки,
Миражъ пустыни африканской,
Гафиза сладостныя чары
И сонный бѣгъ жемчужныхъ строфъ!
Меня влекутъ иные звуки,
Иныя пѣсни — полкъ уланскій,
Бряцанье сабель, дымъ пожаровъ,
И храпъ коней, и шумъ костровъ . . .»

ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРІЯ

ЛИЛІАНЪ ГРЕЙ.

1.

Миссъ Лиліанъ Грей — это было настоящее имя. Обыкновенно же звали ее — Мисюсь...

Она обладала кроткимъ характеромъ, была чиста сердцемъ и подобно каждой красивой дѣвушкѣ, имѣла многихъ поклонниковъ. Что касается внѣшности, на этомъ слѣдуетъ остановиться.

Миссъ Лиліанъ — англичанка, настоящая англійская миссъ. Ея родители, занесенные въ пятнадцатый томъ англійскаго „Studboock'a", носили родовой гербъ лорда Грея и считались представителями высшей аристократіи.

Къ Миссъ Лиліанъ перешли по наслѣдству лучшіе признаки расы — хорошій ростъ, необыкновенная сухость фигуры, стройныя ножки, строгіе очертанія профиля. Большіе глаза смотрѣли ласково и умно. На тонкой кожѣ проступали нѣжныя жилки. Только хвостъ, одинъ только хвостъ, съ жесткимъ волосянымъ покровомъ, по закону случайнаго атавизма, былъ унаслѣдованъ отъ дикихъ норманскихъ предковъ.

Миссъ Лиліанъ была ровной свѣтло-гнѣдой масти, съ единственною отмѣтиной — бѣлымъ, круглымъ, совершенно напоминавшимъ серебряный рубль, пятнышкомъ на правой сторонѣ шейки. Эта родинка придавала особую прелесть...

Трехлѣтнимъ ребенкомъ Миссъ Лиліанъ покинула туманную родину и попала въ Россію. Съ большимъ

успѣхомъ дебютировала на коломяжскомъ ипподромѣ. Въ срединѣ сезона взяла „Императорскій Призъ“, пріобрѣла рядъ новыхъ владѣльцевъ и легкое растяженіе сухожилія, послѣ чего попала въ провинцію.

Новый хозяинъ, штабсъ-ротмистръ лейбъ-павлоградскаго полка Левенецъ, чрезвычайно гордился этимъ пріобрѣтеніемъ, и не считалъ три тысячи золотыхъ рублей цѣною преувеличенной.

Миссъ Лиліанъ оправдала возлагавшіяся надежды.

Полковыя скачки выиграла шутя, самымъ блистательнымъ образомъ. Дивизіонные состязанія прошли съ тѣмъ же успѣхомъ. Наконецъ, на окружной скачкѣ, имѣя такихъ конкурентовъ, какъ дербиста „Вандимена“ улана Шпадковскаго, какъ „Ясновельможнаго“ драгунскаго поручика Золотухина и знаменитую „Гляву“, Миссъ Лиліанъ Грей пришла первой къ столбу.

Это было незабываемое спортивное зрѣлище.

Общій фаворитъ „Вандименъ“ закинулся на канавѣ и потерялъ темпъ. Имѣвшій весьма крупные шансы „Ясновельможный“, былъ пойманъ у самаго выхода на прямую и брошенъ не менѣе, какъ на восемь корпусовъ. А „Глява“ знаменитая „Глява“, скакала въ послѣдній разъ. На ирландскомъ банкетѣ, находясь въ жестокомъ посылѣ, кобыла неожиданно оступилась, сломала бабку на лѣвой передней ногѣ и была пристрѣлена тутъ же, на ипподромѣ, своимъ злополучнымъ хозяиномъ.

Къ Миссъ Лиліанъ перешла вполнѣ заслуженная слава.

Побѣда увѣнчала ее тріумфомъ. Подъ грохотъ рукоплесканій, порывисто дыша запотѣвшими боками, пугливо озираясь и слегка дрожа отъ волненія, Миссъ Лиліанъ сошла на паддокъ. Предсѣдатель жюри, начальникъ кавалерійской дивизіи, съ большимъ умиленіемъ потрепалъ ее по „серебряному рублю“ и подъ звуки полкового марша, вручилъ побѣдителю золотой жетонъ вмѣстѣ съ денежною наградой.

2.

Гусарскій штабсъ-ротмистръ былъ спортсменомъ въ полномъ значеніи слова. И въ азартной игрѣ смотрѣлъ на противниковъ съ точки зрѣнія непобѣдимаго стиплера, привыкшаго бить почемъ зря своихъ соперниковъ, при выходѣ на прямую.

Но Фортуна — женщина. И какъ каждая женщина — перемѣнчива и жестока.

На скаковомъ полѣ штабсъ-ротмистръ стяжалъ славу счастливаго ѣздока. На карточномъ полѣ его постигла крупная неудача.

Банкъ срывался одинъ за другимъ. Въ понтировкѣ карта билась за картой, какъ скаковая кобыла безъ тренинга. Съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, штабсъ-ротмистръ не сдавалъ оружія, пока не проигрался въ пухъ и прахъ.

Игра закончилась на разсвѣтѣ и прямо изъ клуба, раздосадованный, въ отвратительномъ настроеніи, штабсъ-ротмистръ отправился спать. Черезъ сутки стало извѣстнымъ, что штабсъ-ротмистръ продаетъ скаковую конюшню . . .

Въ сѣрое февральское утро я зашелъ въ манежъ учебной команды. Штабсъ-ротмистръ, верхомъ на Лиліанъ Грей, стоялъ посерединѣ манежа и щелкалъ бичомъ. Пропустивъ смѣну черезъ препятствіе, слѣзъ съ кобылы, закурилъ папиросу.

Я обратился съ вопросомъ и завязалъ разговоръ. Голосъ штабсъ-ротмистра звучалъ мрачно и хмуро.

Бѣдный Жора!

Чувствовалъ-ли онъ въ эту минуту, что черезъ какихъ нибудь восемь лѣтъ, въ такой же сѣрый февральскій день, будетъ разорванъ на клочья взбунтовавшейся петроградскою чернью? . . .

Нѣтъ, онъ ничего въ эту минуту не чувствовалъ, кромѣ жестокой обиды отъ карточнаго проигрыша . . .

— Покупай Мисюсь! . . . Дешево уступлю! . . .

Я принялъ равнодушный видъ, но все же полюбопытствовалъ:

— Напримѣръ?

Жора на минуту задумался, набралъ воздуха и, слегка заикаясь, выдавилъ:

— Три ар-рхіерея!...

— Мой милый, три тысячи за старую клячу? — расхохотался я самымъ вызывающимъ образомъ. — Да ты съ ума сошелъ!... Ножки тронуты! Хвостъ точно помело!... Нѣтъ этотъ номеръ, батенька, не пройдетъ!

— Ничего ты не п-понимаешь! — произнесъ съ сердцемъ штабсъ-ротмистръ. — Коб-былѣ семь лѣтъ... Самый возрастъ!... Брокъ давно раз-сосался, клянусь честью! А вмѣсто хвос-ста, взгляни лучше на ска-кательные суставы... Это же экспрессъ, а не лошадь... Жел-лѣзо!...

Я умышленно спорилъ и находилъ всевозможные недостатки.

Потомъ, какъ добрый барышникъ, обошелъ кобылу со всѣхъ сторонъ, заглядывая ей въ зубы, прощупывая сухожилія на переднихъ ногахъ и, съ нѣкоторою осторожностью, хлопая по костистому крупу. Ибо, при всѣхъ обстоятельствахъ, помнилъ крѣпкую гусарскую поговорку:

„Бойся женскаго переда и конскаго зада!“

Я торговался, какъ жидъ, какъ цыганъ на конской ярмаркѣ въ Ярмолинцахъ. Жора съ трехъ тысячъ быстро спустилъ до двухъ. Въ свою очередь, я накинулъ нѣсколько сотенъ и съ семисотъ доѣхалъ до тысячи.

На пятнадцати попахъ мы ударили по рукамъ.

— Только, какъ другу! — сказалъ съ облегченнымъ вздохомъ штабсъ-ротмистръ. — Смотри же, никому не б-болтай!... Сыгралъ въ чис-стый уб-бытокъ!...

Я ликовалъ.

Черезъ четверть часа, мы спрыснули сдѣлку въ ресторанѣ Машевскаго...

3.

Мисюсь стала моей.

Первымъ дѣломъ, я чикнулъ ей хвостъ. Операція прошла благополучно и надъ „петлей“ торчала теперь граціозная черная кисточка, длиною въ четыре вершка, отчего внѣшній видъ чрезвычайно выигралъ въ общемъ рисункѣ.

Во вторыхъ, поставилъ ее на хорошіе гарнцы.

Наконецъ, задалъ ежедневную систематическую работу.

Черезъ какой нибудь мѣсяцъ, Мисюсь стала неузнаваемой. Она раздалась въ бедрахъ, крупъ округлился, тщательный туалетъ придалъ кожѣ глянцовитость и блескъ . . .

Въ майскій день, когда пахнуло первымъ тепломъ и каштаны городского бульвара выкинули бѣлыя свѣчи, я выѣхалъ на прогулку. Въ желтыхъ ногавкахъ, подъ англійскимъ сѣдломъ, сверкая ремнями убора, Мисюсь эффектно выплясывала стройными ножками по упругой, еще сыроватой землѣ. Компанія офицеровъ, въ красныхъ гусарскихъ чакчирахъ, остановила меня на углу:

— Ффа-ффа-ффа! . . . Ну и красотка! . . .

— Кобыла большой цѣны! . . .

— Это — классъ!

— Ясно, какъ кофе! . . .

Я хохоталъ и умышленно поворачивалъ Мисюсь „серебрянымъ рублемъ“, отмѣтиной единственной въ мірѣ, по которой ее могъ бы узнать даже слѣпой. Цѣлый мѣсяцъ я морочилъ всѣмъ головы, пока не выдержалъ и не признался, что это — Лиліанъ Грей, что это — Мисюсь, взявшая когда-то „Императорскій Призъ“ и „Окружную“.

Никто не вѣрилъ.

Даже начальникъ дивизіи, генералъ Афанасій Андреевичъ Цуриковъ, на что тонкій знатокъ и лошадникъ, каждый разъ разводилъ руками и говорилъ:

— Не можетъ быть!

А когда начались эскадронные сборы, я оцѣнилъ Мисюсь въ полной мѣрѣ. Я крутился вокругъ эскадрона, какъ чортъ на пружинѣ, и въ два могучихъ прыжка выносился далеко впередъ. На полковыхъ и дивизіонныхъ ученьяхъ я почувствовалъ, что значитъ кровная англичанка. Мисюсь вела себя образцово, какъ подобаетъ строевой лошади, получившей хорошее воспитаніе.

Одинъ только разъ, во время атаки на кавалерію, Мисюсь вспомнила свою скаковую карьеру — звонокъ судьи, стартъ, призовой столбъ, сорвалась съ нарѣзовъ, подхватила и вынесла меня на три версты . . .

На спеціальномъ кавалерійскомъ сборѣ, переправившись вплавь черезъ Нѣманъ, били по тыламъ, въ друскеникскихъ лѣсахъ. Эскадронъ шелъ въ авангардѣ дивизіи, передвигаясь перемѣннымъ аллюромъ, соблюдая величайшую осторожность. Мисюсь едва не испортила музыку. Поминутно поворачивая свою маленькую головку, заливалась серебряной трелью:

— Іо-го-го-го-го . . .

Она успокоилась только тогда, когда рядомъ съ нею стала „Авторка“, ея сосѣдка по стойлу.

— Мисюсь! . . . Мисюська! . . . Моя капризная дѣвочка! — шепталъ я въ избыткѣ трогательнаго восторга, поглаживая ея нѣжную шейку . . .

Вдоль и поперекъ исхожена вся Литва, отъ Андронишекъ до Августова, отъ Вильковишекъ до Ивья . . . Дивизія изборороздила копытами нѣманскую долину, проходила дремучими дубовыми лѣсами, ночевала бивакомъ на коновязяхъ, стояла постоемъ въ глухихъ литовскихъ деревняхъ . . .

Въ Сорока Татарахъ, подъ Вильной, засталъ отбой . . .

4.

Я перебираю страницы войны и сердце мое наполняется горечью . . .

Снова Литва и колосящіяся нивы риго-шавельскаго

района... Пески и болота Мазуріи... Берега Вислы и равнины тихаго Буга... Еще такъ живы галиційскія воспоминанія!..

Мисюсь сохранила крѣпость и стройность могучаго стана, красоту своихъ дѣвичьихъ формъ. Крупнымъ, ровнымъ шагомъ она несетъ меня передъ драгунскимъ полкомъ, на переходахъ по всему фронту... Подъ жужжанье свинцовыхъ шмелей, широкимъ галопомъ перелетая, какъ птица, черезъ окопы и трупы, мчитъ меня въ кавалерійской атакѣ подъ Золочевскою Нивой... Или часами стоитъ на „стойкѣ", за пѣхотнымъ участкомъ, въ ожиданьи прорыва и, нервно прядая ушами, прислушивается къ грохоту пушекъ...

Когда же надъ головою свиститъ шрапнель, Мисюсь прижимаетъ уши и кисточку къ тѣлу и оборачивается:

— Господинъ полковникъ, когда же кончится эта война?..

Двѣ австрійскія пули оцарапали ея нѣжную кожу. Шестидюймовый осколокъ едва не зацѣпилъ ее въ смертоносномъ полетѣ.

Закончился галиційскій походъ...

Въ январѣ, командиръ кавалерійскаго корпуса, великій князь Михаилъ, сдѣлалъ бригадѣ прощальный смотръ. Я стоялъ, на этотъ разъ, передъ бригадой и, съ шашкой подъ-высь, скакалъ на Мисюсь короткимъ галопомъ...

Потомъ, подошла революція.

Ея ликъ былъ омерзителенъ и ужасенъ. И если люди, обезумѣвъ отъ братства, равенства и свободы, разбивали интендантскіе склады и помѣщичьи погреба, лошади не имѣли никакихъ привилегій. Понурыя и худыя, обросшія косматою шерстью, забытыя скребницей и щеткой, онѣ стояли на коновязяхъ, молча взирая на красное знамя, замѣнившее царскій штандартъ...

Мисюсь стала нервничать. Ея благородная кровь не выносила толпы, злобной ругани, распущенности, разгула. Каждый день я заходилъ къ ней въ станокъ, собственными руками задавалъ кормъ, поилъ, совершалъ

туалетъ. Мисюсь тихо ржала, теплымъ шершавымъ языкомъ лизала руки, лицо и шептала:

— Странные люди!.. Чему они радуются?.. Не понимаю!

Я обнималъ тонкую шейку и цѣловалъ въ мягкія губы:

— Мисюсь!.. Моя дорогая старушка!.. Кончена наша служба!

Въ августѣ я отправилъ ее на покой, въ родовую усадьбу...

5.

Мисюсь стояла въ общей конюшнѣ, на мягкой подстилкѣ, вмѣстѣ съ маленькими рабочими лошадьми.

Она казалась гигантомъ среди пигмеевъ, королевой среди доморощеннаго деревенскаго плебса, къ которому относилась, однако, съ покровительственною лаской и манерами истинной аристократки.

Рабочія лошади, незнакомыя съ ученіемъ Маркса и теоріей классовой борьбы, оказывали ей полное уваженіе.

Цѣлый день Мисюсь жевала овесъ и овсяную солому. Или же, съ радостнымъ ржаніемъ, носилась по сочнымъ лугамъ, въ головѣ табуна, который едва поспѣвалъ за ея просторнымъ галопомъ. Со всего размаха бросалась на траву и каталась на ней, вмѣстѣ съ своею свитой, выплясывая ногами забавный танецъ.

Иногда я совершалъ верховую прогулку.

Мисюсь вспоминала старую кавалерійскую службу и галиційскій походъ. Гордо согнувшись въ затылкѣ, красиво подобравъ задъ, она выбрасывала стройныя ножки, какъ на царскомъ парадѣ.

А революція углублялась...

Я познакомилъ Мисюсь съ сосѣдомъ—воронымъ жеребцомъ рысистой породы. Пятнадцать лѣтъ — бальзаковскій возрастъ даже для аристократической расы. Тѣмъ не менѣе, вороной жеребецъ отнесся къ знаком-

ству со всѣмъ пыломъ неистраченной юности и былъ плѣненъ съ перваго взгляда. Мисюсь отвѣчала взаимностью.

Я ликовалъ и строилъ разные планы:

— Если ты подаришь мнѣ сына, я назову его — Наль!.. Онъ будетъ вороной, весь въ отца, съ богатырскою грудью, съ огненными глазами... Если принесешь дочь, я назову ее — Дамаянти!.. Она будетъ тонкая и сухая, какъ мать, съ нѣжной гнѣдою окраской, съ такимъ же „рублемъ" на правой сторонѣ шейки...

Мѣсяцы проходили одинъ за другимъ.

— Нѣтъ, я назову лучше русскимъ именемъ... Сына я назову — Лель!.. А дочку Купавой!.. Это будетъ патріотичнѣй!..

Мисюсь стала задумчива.

Она не носилась больше по луговымъ пожнямъ, а стояла въ станкѣ. Ея поджарый животъ округлился. Набухали соски. Въ глазахъ появилось особое выраженіе, которое раньше не наблюдалось. Я гладилъ ее по упругому животу, прижимался къ тоненькой шейкѣ, называлъ нѣжными именами:

— Мисюсь!.. Мисюська!.. Мой вѣрный другъ!..

А революція углублялась и углублялась...

И вотъ...

Въ тусклый январьскій вечеръ, когда на снѣгъ легли синія тѣни и замигали первыя звѣзды, на дворѣ послышался топотъ. Сорвались и завыли собаки.

Я выглянулъ въ окно.

Группа вооруженныхъ солдатъ, въ папахахъ и полушубкахъ, грубымъ хохотомъ наполнила дворъ. Ворота конюшни были раскрыты настежь.

Страшная мысль сверкнула въ мозгу.

Я выхватилъ изъ подъ тюфяка наганъ и бросился въ кухню. Дверь была заперта на ключъ. Я пробѣжалъ анфиладу комнатъ и, черезъ веранду, выскочилъ въ садъ. Утопая по колѣно въ снѣгу, я бѣжалъ съ крикомъ къ конюшнѣ.

Снова раздался топотъ.

Хлопнуло нѣсколько выстрѣловъ въ воздухъ.

Знакомый голосъ, точно серебряный колокольчикъ, прозвенѣлъ въ послѣдній разъ, прощаясь со мной навсегда:

— Іо-го-го-го-го...

И когда я выбѣжалъ на дорогу, кавалькада скрылась за поворотомъ...

ОДУВАНЧИКИ.

Дѣтство — какъ одуванчики, желтенькіе цвѣточки съ бѣлымъ пушкомъ.

Свѣженькіе и ясные, они смѣются на зеленомъ лугу, тянутся къ солнцу, киваютъ золотыми головками.

Но коротки ихъ весенніе дни.

Отцвѣтетъ свѣтлый май... Наступитъ лѣто... Одуванчики доживаютъ свой вѣкъ, какъ мгновенье...

Дунешь — и ничего не останется.

Только — воспоминанія...

Май, свѣтлый май, стоитъ передъ глазами.

Въ саду голубѣетъ сирень. Въ воздухѣ тянетъ запахомъ бѣлыхъ акацій. Весенніе варшавскіе шумы разливаются воркующей музыкой.

Каштаны уже выкинули свои паникадила. Въ цвѣтникахъ, какъ принцессы, какъ гордыя, пышныя, ослѣпительныя красавицы, распускаются алыя розы. Посреди сада брыжжетъ фонтанъ. На зеркальномъ прудѣ величаво скользятъ черные лебеди.

И со всѣхъ сторонъ — дѣтскіе голоса, дѣвичій смѣхъ, несмолкаемый щебетъ...

На площади чернѣетъ гранитный памятникъ, напоминающій пирамиду, съ золотыми орлами и львами. Возлѣ памятника стоитъ разносчикъ съ лоткомъ. Онъ русскій, съ широкой рыжею бородой и хитрыми голубыми глазами, торгуетъ американской халвой. Это замѣчательная халва, твердая и блестящая, какъ алебастръ, съ синими жилками, изумительная на вкусъ.

А вотъ — дворъ. Сюда заходятъ разные люди.

Евреи, въ ермолкахъ и лапсердакахъ, съ длинными пейсами — покупатели стараго платья. Трубочисты, въ высокихъ цилиндрахъ на головѣ, съ вымазаннымъ сажей лицомъ, которыми няньки пугаютъ дѣтей. Нищіе, продавцы угля, шарманщики.

Они снимаютъ съ ремня инструментъ, утверждаютъ деревянную ногу на булыжникѣ мостовой и начинаютъ вертѣть рукояткой. Чаще всего играютъ вальсъ „Дунайскія волны“, или тирольскую польку, или веселую варшавскую пѣсенку:

„Съ тамтей строны Вислы
Компалася врона,
А поручникъ мыслялъ
Же то его жона...“

Сбѣгаются дѣти, мальчики, дѣвочки. Засунувъ палецъ въ ротъ, слушаютъ музыку, задумчиво смотрятъ на стараго музыканта. Сердобольныя женщины выглядываютъ изъ оконъ и швыряютъ шарманщику мелочь, завернутую въ бумажку.

Иногда, цокая копытами по камнямъ, во дворъ въѣзжаетъ конный конвоецъ. Онъ слѣзаетъ съ бураго жеребца, привязываетъ его къ стойкѣ и, скинувъ съ плеча сумку съ пакетами, скрывается въ штабномъ подъѣздѣ.

Иногда, изъ главнаго входа выходитъ генералъ, въ шинели съ красными отворотами, важный, сердитый, съ большимъ животомъ и усами. Дѣти украдкой слѣдуютъ за нимъ, перегоняютъ и становятся генералу во фронтъ.

Генералъ хмуритъ густыя брови и грозитъ указательнымъ пальцемъ:

— Я васъ!.. Въ карцеръ посажу, пострѣлята!.. Маршъ!..

Тогда дѣти бросаются вразсыпную...

Есть еще притягательный пунктъ — варшавскіе весенніе балаганы, съ каруселями, съ тирами для стрѣльбы по бутылкамъ, по картоннымъ индѣйцамъ, по страшнымъ размалеваннымъ рожамъ съ выпученными глазами... Съ лабиринтомъ и лотереей-аллегри, съ смазанной саломъ высокою мачтой...

Наверху мачты помѣщается небольшая площадка. Счастливецъ, добравшійся до верхушки, получаетъ серебряные часы, двадцать пять рублей преміи и анталакъ баварскаго пива...

А по Уяздовской Аллеѣ проходятъ уланы, на большихъ гнѣдыхъ коняхъ, подъ вальтрапомъ съ царскими вензелями, въ синихъ мундирахъ, въ лихо надѣтыхъ на бекрень блестящихъ кожаныхъ киверахъ, съ бѣлымъ развѣвающимся султаномъ.

„Улане, улане,
Малеваны дѣти,
Кажна паненка
За вами полéти!..“

На караковыхъ лошадяхъ, въ высокихъ бобровыхъ шапкахъ, въ нарядныхъ, расшитыхъ серебромъ, зеленыхъ доломанахъ и ментикахъ, въ малиновыхъ чакчирахъ, бряцая саблями, тропотятъ гродненскіе гусары.

Трубачи, сверкая мѣдными трубами, играютъ полковой маршъ. Храпятъ и фыркаютъ кони, и лоснятся на солнцѣ глянцовитыя, откормленныя, на диво вычищенныя тѣла. Публика останавливается, слѣдитъ восхищенными взорами, движеніе временно прекращается. И, какъ на радостный праздникъ, сбѣгаются со всѣхъ сторонъ дѣти...

А рядомъ — тихоструйная Висла, перетянутая песчаными отмелями и плесами, въ нѣжной голубоватой дымкѣ.

Прекрасенъ, чуденъ варшавскій май!..

Вечеромъ занимался наблюдательный пунктъ у конечной остановки.

Конка № 2, съ краснощекимъ Завадскимъ, под-

ходитъ къ столбу. Протягивая пару измятыхъ папиросъ, здороваюсь съ кучеромъ:

— Добры вечеръ, пане Завадски!

— Добры вечеръ, хлопчикъ! — говоритъ Завадскій, въ синемъ кафтанѣ, съ большими мѣдными пуговицами. Онъ уступаетъ мѣсто рядомъ съ своею треногой и передаетъ длинное кнутовище. Раздается звонокъ. Рыжая Ванда, съ рубленой рѣпицей и костистыми моклоками, натягиваетъ постромки, перебираетъ длинными, худыми ногами.

Время отъ времени, легонько касаюсь кнутомъ ея лоснящихся ляжекъ и чмокаю:

— Вье, вье, Вандюля! .. Цъ-цъ! ..

Потрухивая рысцой, кобыла, безъ особыхъ усилій, пробѣгаетъ по Уяздовской Аллеѣ, мимо открытыхъ, освѣщенныхъ кафе, мимо задумчивыхъ виллъ, мимо пестрой, шумной, веселой толпы. У Бельведерскаго дворца конка поворачиваетъ круто направо и останавливается.

Завадскій слѣзаетъ съ треноги, переноситъ рукоять тормаза, перепрягаетъ кобылу. Черезъ десять минутъ, конка двигается въ обратномъ направленіи, еще пустая. Завадскій, оглянувшись по сторонамъ, передаетъ широкія тесьмяныя возжи и закуриваетъ папиросу. Я щелкаю кнутомъ и возжами, задыхаясь отъ наслажденія, причмокивая изо всѣхъ силъ:

— Вье, вье, Вандюля! .. Цъ-цъ! ..

Это держалось въ секретѣ... Никто объ этомъ не зналъ... Кромѣ меня, Завадскаго и старой рыженькой Ванды...

Въ майскій вечеръ особенно хорошо въ Лазенкахъ.

Роскошный паркъ, съ таинственными аллеями, съ мраморными статуями, съ королевскимъ палацомъ и большими прудами, подходитъ къ самому берегу Вислы.

Въ прудахъ держатся карпы. Ихъ множество. По звонку цѣлыя стаи подплываютъ къ берегу, гдѣ ихъ

кормятъ горохомъ. Достаточно плюнуть съ горбатаго мостика въ воду, чтобы тотчасъ, на плевокъ, появились изъ темной воды жирные лоснящіеся тѣла, съ круглыми удивленными глазами...

Въ майскій вечеръ, когда загораются звѣзды, еще острѣе запахъ сирени. Аллеи наполнены публикой, смѣющейся, оживленной, съ фіалкой въ корсажѣ или въ петлицѣ, съ улыбкой на румяныхъ устахъ. По верховымъ дорожкамъ гарцуютъ амазонки и кавалеры. Шагомъ проѣзжаютъ коляски, шарабаны, щегольскія пароконныя дрожки.

Шумы города чуть долетаютъ.

Тихо дремлютъ вѣковые каштаны, отбрасывая синюю тѣнь... Слышется шопотъ и поцѣлуи... И въ любовной истомѣ, рокочетъ, чмокаетъ, надрывается соловей:

— Чвикъ-чвикъ-чвикъ!..

ПРИНЦЕССА И ПАЖЪ.

Эта маленькая романическая исторія связана съ именемъ королевы румынской Маріи, сочетавшей исключительно счастливую внѣшность съ нѣкоторой экстравагантностью.

И то и другое создали ей, въ свое время, репутацію одной изъ самыхъ обаятельныхъ женщинъ на королевскомъ престолѣ.

Королева Марія — дочь великой княгини Маріи Александровны и герцога Эдинбургскаго, брата покойнаго англійскаго короля Эдуарда. Будучи юной принцессой, она была истинною красавицей. Кромѣ физическихъ совершенствъ, молодая принцесса обладала веселою, жизнерадостною, независимою натурой, была остроумна, шаловлива, полна очаровательной женственности.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что явныхъ и тайныхъ поклонниковъ было у принцессы безконечное множество.

Объ одномъ изъ нихъ, маленькомъ героѣ маленькаго романа, повѣтствуютъ страницы воспоминанія...

Въ маѣ тысяча восемьсотъ девяносто шестого года происходили коронаціонныя торжества.

Въ Москву стали стекаться иностранные государи, представители королевскихъ домовъ, дипломатическій корпусъ, сановники высшихъ ранговъ, генералитетъ и всѣ тѣ, кто по своему положенію, имѣлъ право участвовать въ торжествахъ.

Въ числѣ прочихъ прибыли камеръ-пажи пажескаго его величества корпуса. Имъ отвели помѣщеніе въ зданіи окружного суда. Въ томъ самомъ зданіи, противъ котораго, спустя девять лѣтъ, былъ убитъ каляевской бомбой великій князь Сергѣй Александровичъ.

Рядъ камеръ-пажей уже получилъ назначеніе состоять при высочайшихъ особахъ — императорѣ, обѣихъ императрицахъ, великихъ княжнахъ и княгиняхъ. Другіе его еще ожидали.

Директоръ корпуса, генералъ графъ Келлеръ, убитый впослѣдствіе на русско-японской войнѣ, собравъ камеръ-пажей, оглашалъ новыя назначенія:

— Вотъ кому повезло! — произнесъ, смѣясь, графъ Келлеръ. — C'est Tcherkessoff, qui a de la chance!.. Черкесовъ и Лихачевъ будутъ состоять при очаровательныхъ принцессахъ, Маріи Румынской и Викторіи Гессенской... Убѣжденъ, что Черкесовъ влюбится!..

И директоръ корпуса шутливо погрозилъ пальцемъ...

Графъ Келлеръ оказался пророкомъ.

Въ первый же день представленія, съ перваго взгляда, которымъ обмѣнялся камеръ-пажъ съ молодою принцессой, его сердце загорѣлось яркимъ огнемъ. Черкесовъ влюбился. Влюбился, какъ только можетъ влюбиться неискушенный опытомъ юноша.

Какая женщина не чувствуетъ производимаго впечатлѣнія?.. Какая изъ нихъ къ нему равнодушна?..

Принцесса не осталась безразличной къ красивому юношѣ. Безъ словъ, полунамеками, улыбками очаровательнаго лица, она пробуждала въ немъ глубокую страсть. Пламенные взоры, которыми камеръ-пажъ пожиралъ молодую принцессу, приводили ее въ смущеніе и волновали.

Графъ Келлеръ подливалъ масло въ огонь.

Подтрунивая надъ Черкесовымъ, онъ обращалъ вниманіе и принцессы на влюбленнаго въ нее камеръ-пажа, заставляя обоихъ вспыхивать отъ смущенія. Эта

романическая исторія была, въ свою очередь, замѣчена при дворѣ и служила предметомъ шутокъ.

Обѣ сестры часто приглашали своихъ камеръ-пажей къ себѣ. Викторія Гессенская, въ настоящее время супруга великаго князя Кирилла, и Марія Румынская завтракали съ состоявшими при нихъ юношами, шалили съ ними, рѣзвились, какъ дѣти, вырвавшіеся на свободу.

На придворныхъ церемоніяхъ, путаясь въ складкахъ тяжелыхъ шлейфовъ, обѣ сестры ни на минуту не отпускали отъ себя камеръ-пажей, заигрывая съ ними, кокетничая, веселясь отъ души.

Принцесса Марія, въ особенности, благодаря свойствамъ живой, увлекающейся натуры, откинувъ условности своего высокаго положенія, забавлялась съ влюбленнымъ камеръ-пажомъ. Вдобавокъ, камеръ-пажъ былъ, въ дѣйствительности, красивъ. Стройный, тоненькій сѣроглазый блондинъ, съ темными густыми бровями, онъ обладалъ кромѣ того манерами и прекрасно владѣлъ языками...

Коронаціонныя торжества подходили къ концу.

Наступило время разлуки.

Наканунѣ отъѣзда, принцесса Марія пригласила Черкесова къ себѣ на завтракъ и долго не отпускала. Четыре стѣны высокихъ апартаментовъ хранятъ тайну прощанія.

На память Черкесовъ получилъ роскошную фотографію. На ней принцесса изображена сидящей въ придворномъ костюмѣ. Камеръ-пажъ, съ накидкой въ одной рукѣ и съ букетомъ сирени въ другой, стоитъ за нею. Трогательная французская надпись гласила:

„Les jours heureux passent vite,
mais le souvenir nous en reste
pour toujours“.
Marie.

Черезъ три мѣсяца, Сергѣй Черкесовъ былъ произведенъ въ офицеры. Онъ вышелъ корнетомъ лейбъ-гвардіи въ уланскій его величества полкъ.

Въ маленькой варшавской квартирѣ, въ „Аллеѣ Розъ“, на письменномъ столѣ юнаго офицера неизмѣнно красовался портретъ принцессы Маріи, въ роскошной рамѣ. Воспоминаніе о первой юношеской любви было всегда дорогимъ и священнымъ на протяженіи короткой жизни корнета.

Черкесовъ не былъ богатъ.

Двадцать тысячъ рублей, доставшіеся ему по раздѣлу отъ продажи имѣнія, растаяли быстро. Вдобавокъ, корнетъ не обладалъ ни малѣйшими коммерческими талантами. Но зато искусно управлялъ лошадьми, на прогулкѣ въ собственномъ брэкѣ, красиво волочилъ уланскую саблю и на пари, въ шесть глотковъ, осушалъ бутылку шампанскаго.

Деньги лежали въ ящикѣ письменнаго стола.

Когда являлась необходимость, корнетъ, протягивалъ руку въ ящикъ, извлекалъ пачку кредитокъ и разбрасывалъ ихъ по варшавскимъ увеселительнымъ заведеніямъ.

Эта беззаботная жизнь продолжалась недолго.

Однажды, протянувъ руку въ ящикъ, замѣнявшій ему государственный банкъ, корнетъ, съ грустью, могъ убѣдиться, что денежная наличность изсякла.

Пошли долги, неудачная игра въ карты.

Вскорѣ Черкесовъ покинулъ полкъ...

Благодаря связямъ и знанію языковъ, онъ устроился на службѣ въ столицѣ, въ извѣстномъ нефтяномъ концернѣ Нобеля. Служба была не обременительна и заключалась, преимущественно, въ сопровожденіи знатныхъ иностранныхъ кліентовъ по ресторанамъ и петербургскимъ загороднымъ садамъ.

Съ началомъ русско-японской войны, Черкесовъ снова надѣлъ военный мундиръ и помчался въ Манчжурію. А съ манчжурскихъ полей написалъ принцессѣ Маріи трогательное посланіе, на которое послѣдовалъ такой же трогательный отвѣтъ.

Вскорѣ Черкесовъ умеръ...

Таковъ былъ мимолетный романъ красиваго

камеръ-пажа и прекрасной принцессы Маріи, о которомъ принцесса, впослѣдствіе — королева румынская, вспоминаетъ, съ нѣжностью, въ своихъ мемуарахъ...

ОЛЬГИНЪ ШТАБЪ.

Въ маленькомъ гарнизонѣ.

1.

Старый полкъ русской конницы, пронесшій георгіевскій штандартъ сквозь картечь бородинскаго боя и огонь виноградныхъ полей Ферь-Шампенуаза.

Полкъ имени Ольги, королевы вюртембергской Ольги Николаевны, чье дарованное, по завѣщанію, серебро на пятьдесятъ полныхъ кувертовъ, библіотека, гусарскій мундиръ и много другихъ вещей, хранились, какъ реликвія, подъ стекломъ офицерскаго клуба въ Ольгиномъ Штабѣ.

А полвѣка спустя, другая Ольга, юная семнадцатилѣтняя княжна, стала шефомъ. И въ конномъ строю, въ бѣломъ ментикѣ, отороченомъ темнымъ барашкомъ, въ доломанѣ василькового цвѣта съ золотыми шнурами, зардѣвшись отъ дѣвичьяго смущенія, вела полкъ елисаветградскихъ гусаръ передъ отцомъ, императоромъ Николаемъ II, на одномъ изъ царскосельскихъ парадовъ.

Золото съ бѣлымъ и голубымъ — точно снѣгъ въ яркій солнечный день. А кони, всѣ какъ одинъ, вороные, съ чулками и бѣлыми звѣздами во второмъ эскадронѣ ...

Варшавское шоссе, прохлестнувъ Маріамполь, катилось на югъ. Слѣва зеленѣли чахлыя нивы и перелѣски бѣдной литовской равнины. Справа сѣрѣлъ четыреугольникъ низенькихъ, старыхъ, совсѣмъ врос-

шихъ въ землю, деревянныхъ построекъ — манежей, церковки, гауптвахты и флигелей.

Зимой все покрыто жидкою снѣжною шубой. Бѣлая тишина наводитъ печаль. Еще тоскливѣй, пожалуй, въ темные осенніе вечера, когда вѣтеръ гуляетъ по чистому полю и поетъ старую литовскую пѣсню. А вѣтеръ особенный, день и ночь свиститъ напролетъ и жалитъ щеки не хуже мороза.

Тридцать верстъ до желѣзной дороги въ одну сторону, шестьдесятъ пять въ другую. Только гусары въ красныхъ штанахъ да лошадиныя морды. Никакой пищи уму, если не считать пульки въ винтъ или въ покеръ, или партіи въ карамболь на маленькомъ, краснаго дерева, съ бронзовыми оковками, старинномъ вюртембергскомъ бильярдѣ.

Невеселая штабъ-квартира!..

Гусары стояли на самомъ нѣмецкомъ порогѣ. И въ первый же день войны, согласно мобилизаціоннаго плана, занимали Эйдкуненъ. Съ этою цѣлью держались всегда наготовѣ три офицерскихъ разъѣзда. А у казначея хранились три холщевыхъ мѣшочка, въ которыхъ лежало по тысячѣ золотыхъ марокъ на каждый разъѣздъ.

Граница была рядомъ, тутъ же, за рѣчкой Шешупой. И если подняться на крышу конюшни, можно было увидѣть въ бинокль нѣмецкій поселокъ, съ высокою кирпичною киркой, съ каменными домами, съ разбѣгающимися во всѣ стороны шоссированными дорогами.

Въ клубѣ читались сообщенія про нѣмецкую армію. Господа офицеры накалывали флажки на трехверсткѣ и гуляли съ циркулемъ по нѣмецкой землѣ.

На третьи сутки полагали занять Кенигсбергъ — старый славянскій Кролевецъ.

Кто бы подумалъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ, гусары къ нему и впрямь подойдутъ, на разстояніе орудійнаго выстрѣла?..

2.

Полковой командиръ, баронъ Криденеръ — высокій, сухой человѣкъ, съ гладкимъ черепомъ, съ орлинымъ породистымъ носомъ, съ блѣдно-голубыми глазами. Съ незапамятныхъ поръ, со временъ меченосцевъ, его знаменитый гербъ — три серебряныхъ грифона на аломъ щитѣ, занесенъ, въ родословныя книги Курляндіи.

Баронъ — старый армейскій служака, „трынчикъ", сидѣвшій вѣчно въ манежахъ или въ эскадронныхъ цейхгаузахъ. Женатъ на богатой помѣщицѣ, тихой, болѣзненной женщинѣ, дѣтей не имѣлъ и продолжалъ служить по привычкѣ.

Баронъ даже мѣтилъ въ бригадные генералы и имѣлъ полное къ тому основаніе, еслибы не трагическій случай, вычеркнувшій его навсегда изъ кандидатскаго списка. Это случилось за нѣсколько лѣтъ до войны, въ лѣтнюю ночь, тихую, теплую, когда іюльскія звѣзды загорѣлись надъ Ольгинымъ Штабомъ . . .

Началось съ того, что денщикъ Добровольскій, бравый черноусый гусаръ изъ хохловъ каменецъ-подольской губерніи, прибѣжалъ въ караульное помѣщеніе и поднялъ тревогу. Гусары ожидали со дня на день пріѣзда „Желтой Опасности" — грознаго командира корпуса, генерала Павла Карловича фонъ Ренненкампфа. Черезъ какихъ нибудь пять минутъ со всѣхъ сторонъ забѣгали люди.

— Сѣдлай! — кричали бородатые вахмистра, съ шевронами на рукавахъ, съ золотыми александровскими медалями на шеѣ.

— Тиръ-лиръ-лиръ-ли! — заливалась труба.

Гусары выводили изъ конюшенъ большихъ, цыбатыхъ, вороныхъ лошадей. Запрягали патронныя двуколки и кухни. Господа офицеры, затягивая на ходу походное снаряженіе, выбѣгали изъ флигелей, направляясь въ свои эскадроны.

— Не иначе, какъ ночной походъ въ Вилковишки, чтобы на разсвѣтѣ ударить по желѣзной дорогѣ! . .

Потомъ, обѣдъ съ трубачами и выпивкой въ уланскомъ полку!.. Будетъ нѣсколько „мертвыхъ тѣлъ"!.. Это, какъ пить дать!.. Уланы толкъ понимаютъ!..

Съ такими приблизительно мыслями, выплясывая на ходу что-то вродѣ мазурки, мчался полковой адъютантъ, Кока Пономаревъ, по направленію къ командирскому флигелю, за инструкціями. Взоръ его буравилъ четыреугольникъ казармъ и конюшенъ, пытаясь разглядѣть въ ночномъ сумракѣ поднявшее тревогу начальство — кряжистую фигуру командира корпуса, въ желтыхъ казачьихъ лампасахъ, съ рыжими подусниками, съ двумя бѣлыми крестами на широкой груди... Или кого либо изъ его свиты... Или, наконецъ, вѣстовыхъ съ лошадьми, на которыхъ „Желтая Опасность" прибылъ въ полкъ...

— Никого!.. Вотъ такъ исторія съ географіей!.. Должно быть, у командира!..

Легкими шагами адъютантъ взбѣжалъ на три ступеньки террасы, поправилъ сползавшій съ плеча ремень и складку на кителѣ, щелкнулъ венгерскими шпорами и толкнулъ дверь.

А черезъ минуту, блѣдный, съ выпуклыми глазами, летѣлъ тѣмъ же аллюромъ на полковой плацъ, гдѣ уже строились эскадроны, размахивалъ въ воздухѣ правой рукой и кричалъ:

— Ком-ман-ди-ра уб-би-ли!..

3.

Штабсъ-ротмистръ Султанъ-Гирей, вскочившій первымъ въ командирскую спальню, наступилъ на скользкій, мягкій, подавшійся подъ ногою, словно резина, предметъ, и чуть не упалъ.

Быстро зажглись электрическіе фонарики.

Одинъ за другимъ прибывали господа офицеры — бравый поручикъ Небо, сѣденькій, изъ персидскихъ принцевъ, ротмистръ Ханъ-Гуссейновъ, Скомпскій и Безобразовъ, маленькій Каляевъ и крупный, жилистый,

съ громовой глоткой, ротмистръ Нереновскій, поручикъ Багрипъ-Каменскій, Бобровскій, Баумгартенъ и прочіе.

Просторная комната — стѣны, полъ, потолокъ были забрызганы кровью, и цѣлыя лужи стояли возлѣ кровати. А на кровати, на окровавленныхъ простыняхъ, съ отрубленнымъ начисто носомъ, съ страшною раной, идущей отъ уха до уха, поперекъ глазъ, лежалъ командиръ и стоналъ:

— Спасите меня!.. Спасите!..

Два полковыхъ эскулапа уже суетились возлѣ барона, съ помощью фельдшеровъ обмывали, перевязывали, зашивали глубокія раны. Денщикъ Добровольскій цѣдилъ изъ серебрянаго чайника воду въ разрубленый ротъ.

Баронъ еще находился въ сознаніи. Все время призывалъ денщика, упоминалъ про какихъ-то злодѣевъ, просилъ дать телеграмму проживавшей въ усадьбѣ женѣ. На ночномъ столикѣ, захватанный окровавленными пальцами, лежалъ заряженный браунингъ.

Вскорѣ, баронъ истекъ кровью, потерялъ сознаніе и умеръ...

При какихъ обстоятельствахъ произошло убійство?

Старая экономка, находившаяся въ сосѣдней комнатѣ, при первыхъ же крикахъ, заперлась на ключъ. Дрожа отъ страха и пережитаго волненія, она подтвердила слова барона о нападеніи злоумышленниковъ.

Но это казались совершенно невѣроятнымъ.

Однако, кромѣ убійства, налицо былъ грабежъ. Исчезли часы, золотой портсигаръ и перстень съ фамильнымъ гербомъ, который баронъ носилъ на указательномъ пальцѣ.

Неизвѣстно по какому пути направилось бы разслѣдованіе, еслибы ротмистръ Нереновскій, дошлый и опытный командиръ пятаго эскадрона, съ чутьемъ истиннаго Шерлока Холмса, не обратилъ вниманія на два обстоятельства. Оконное стекло оказалось выдавленнымъ не снаружи, а изнутри. На денщикѣ, подъ

гимнастеркой, оказалась свѣжая, только что, повидимому, надѣтая рубаха.

Добровольскій былъ арестованъ.

Когда же къ утру нашли зарытые въ саду, подъ кадкой съ зелеными фикусами, часы, перстень, золотой портсигаръ и окровавленное бѣлье денщика, послѣдній пересталъ запираться;

— Я порѣшилъ командира!.. Заѣлъ меня, дьяволъ!

Денщикъ разсказалъ все, безъ малѣйшей утайки. Мотивомъ преступленія послужило отношеніе къ нему барона. Онъ не билъ его, одаривалъ нерѣдко деньгами и, по своему, даже баловалъ.

Но за пылинку на сапогѣ, за крошку на обѣденной скатерти, имѣлъ обыкновеніе подзывать къ себѣ, не возвышая голоса, спрашивалъ: „Добровольскій, это что?“ и награждалъ щелчкомъ въ носъ.

Это дѣлалось каждый день, каждый часъ, по малѣйшему поводу, съ убійственнымъ методизмомъ и хладнокровіемъ. Денщикъ неоднократно умолялъ объ отчисленіи его въ эскадронъ. Но командиръ, изъ за бравой внѣшности гусара, продолжалъ держать его при себѣ.

Офицеры подтвердили справедливость словъ Добровольскаго.

Вдобавокъ, только надняхъ, онъ вернулся изъ имѣнія, получивъ въ подарокъ отъ больной баронессы серебряные часы, за усердную службу.

Сухой педантизмъ командира довелъ денщика до изступленія.

Онъ зарубилъ его соннаго, на кровати, его же собственной саблей...

Военная дисциплина сурова и не знаетъ пощады.

Военный судъ не могъ принять во вниманіе смягчающихъ вину обстоятельствъ. Преступникъ былъ приговоренъ къ разстрѣлу.

Онъ выслушалъ приговоръ совершенно спокойно. Только чуть дрогнулъ черный усъ надъ губой.

Вдова убитаго обратилась съ прошеніемъ на высочайшее имя о помилованіи. Но прошеніе было задержано изъ опасенія, чтобы царь не смягчилъ приговоръ.

Черезъ недѣлю, въ присутствіи полка и спеціально вызваннаго эскадрона смоленскихъ уланъ, Добровольскій былъ разстрѣлянъ на полковомъ стрѣльбищѣ...

И въ темныя осеннія ночи, когда вѣтеръ кружилъ по полямъ и пѣлъ старую литовскую пѣсню, гусарамъ долго мерещилась тѣнь разстрѣляннаго солдата, бродившаго, въ бѣломъ саванѣ, по Ольгину Штабу...

ЕЛКИ

1.

У Анчутихи — елка . . .

Кто съ Анчутихой не знакомъ, того я тотчасъ представлю.

У Анчутихи круглый животъ, маленькіе, словно изюминки, глаза и на правой ноздрѣ бородавка. Одни называютъ Анчутиху — Степаномъ Петровичемъ, другіе — вашимъ превосходительствомъ. Потому что Анчутиха — дѣйствительный статскій совѣтникъ и состоитъ директоромъ женской гимназіи.

Но дѣло, конечно, не въ этомъ.

Дѣло совсѣмъ въ другомъ.

И когда я подъѣзжаю къ ярко освѣщенному дому на Губернаторской улицѣ, начинаетъ тѣснить воротникъ и, несмотря на морозъ, становится необыкновенно тепло . . .

Широкая лѣстница, убранная ковромъ и цвѣтами, ведетъ въ залу, откуда уже доносятся звуки музыки и гулъ голосовъ. На одно мгновенье задерживаюсь у зеркала и поправляю прическу. Я гляжу въ зеркало и мнѣ кажется, что я недуренъ. У меня открытое, симпатичное лицо. Въ глазахъ выразительность. Мундиръ съ золотымъ галуномъ красиво обтягиваютъ фигуру. А красные погоны съ бѣлыми кантиками выглядываетъ точно у кавалергардскаго юнкера . . .

Анчутиха съ Марьей Петровной стоятъ у дверей зала и встрѣчаютъ гостей.

— Жоржикъ, это очень мило съ вашей стороны!... Шарманъ! — говоритъ Марья Петровна, щурясь въ лорнетку и протягивая руку для поцѣлуя. Анчутиха дружески хлопаетъ по плечу.

Еще мгновенье — и я уже въ залѣ...

Посреди стоитъ нарядная елка, съ золотыми орѣшками, свѣчками, снѣгомъ и серебряной канителью. На самой верхушкѣ горитъ звѣзда. Подъ елкой, на крестовинѣ, сложены разнообразнѣйшіе подарки — шелковые мѣшочки съ бульдегомомъ и монпансье, почтовая бумага, ящички съ акварельными красками, лото и бирюльки, альбомы и губныя гармошки, столярные инструменты и, наконецъ, лобзикъ.

Шесть музыкантовъ — два кларнета, двѣ скрипки, валторна и контрбасъ, играютъ вальсъ „Невозвратное Время". А по паркету — черненькія и бѣленькія, русыя, рыженькія, золотисто-волосыя, съ бантиками въ косичкахъ, кружатся гимназистки.

Вотъ — Милочка Андреянова, первая красавица въ городѣ, за которой ухаживаютъ офицеры изъ гарнизона. Милочка — дочь эконома, гордая, неприступная, точно аристократка. Три дочки Анчутихи — Ося, Тося и Фрося, въ одинаковыхъ платьицахъ, въ розовыхъ ленточкахъ, проносятся мимо:

— Здравствуйте, Жоржикъ!

— Сильвупле, мадемуазель!

Я дѣлаю съ каждой по туру, говорю нѣсколько словъ. Мимоходомъ здороваюсь съ Олей Слѣпушкиной, пухленькой, толстенькой, съ вздернутымъ носикомъ. А вотъ двѣ сестры — Глаша и Фимочка Корженецкіе. Физіономія, какъ говорится, въ три дня не объѣдешь. Но удивительно симпатичныя барышни, а ужъ кормятъ такъ, какъ ни въ одномъ домѣ.

Но мимо все это, мимо!

Мои глаза безпокойно ищутъ кого-то другого...

Звеня шпорами, пробѣжалъ распорядитель, поручикъ Грживо-Гржимайло... Нахалъ, моветонъ, отвратительный типъ!...

Сейчасъ грянетъ му́зыка.

Въ самомъ дѣлѣ, ловко скользя наципочкахъ по паркету, поручикъ подбѣжалъ къ музыкантамъ, взмахнулъ рукой — завизжали скрипки, зарокотала валторна, загудѣлъ контрабасъ, и двадцать двѣ пары заскакали по залѣ.

— Мазурка женераль! — кричитъ поручикъ Грживо-Гржимайло и мчится въ первой парѣ съ Женичкой.

Женичка!...

Вотъ она, все ближе и ближе... Я вижу сѣренькіе глаза и смѣющійся ротикъ... Головка Женички граціозно склонилась на бокъ, правая рука придерживаетъ воланъ кружевной юбочки... Волосы слегка растрепались, горятъ свѣжія щечки, и вся она, тоненькая, воздушная, какъ мотылекъ...

— Шанже во дамъ! — кричитъ поручикъ Гржимайло. — Балансе, тужуръ балансе!

Я ловко подскакиваю къ Женичкѣ и мы мчимся по залѣ. На противоположномъ концѣ быстро опускаюсь на колѣно, обвожу Женичку вокругъ себя, вскакиваю, щелкаю каблуками и снова выдѣлываю красивые антраша, какъ на урокѣ танцевъ:

— Разъ-двай-три!... Разъ-двай-три!... Не звонить руками!...

Потомъ, усаживаю Женичку въ самый дальній уголъ и начинаю бесѣдовать.

Всего три недѣли тому назадъ мы познакомились на каткѣ. Это вышло совершенно случайно. Всего три недѣли, а между тѣмъ кажется, будто знакомы уже три года. Не знаю почему, но въ ея присутствіи я какъ-то робѣю. Вотъ, напримѣръ, сейчасъ мнѣ такъ много нужно сказать, а между тѣмъ... Мысли выскальзываютъ изъ головы... Заплетается почему-то языкъ...

— Женичка!... Я вочу хамъ сказать... Виноватъ, я хочу вамъ сказать...

Женичка звонко смѣется, закрывается вѣеромъ, потомъ складываетъ губки и шепчетъ ими какую-то фразу, отчего снова начинаетъ тѣснить воротникъ, а языкъ окончательно присыхаетъ ко рту... Я гляжу на Женичку и готовъ забыть все на свѣтѣ. Въ эту минуту мнѣ хочется совершить какой нибудь подвигъ — выскочить изъ третьяго этажа, подойти къ поручику и шмякнуть его по носу перчаткой, завоевать цѣлый міръ...

— Жоржикъ, миленькій! — говоритъ Женичка. — Приходите завтра обѣдать!... Будутъ коржики съ медомъ!... Будетъ Жоржикъ и коржикъ! — добавляетъ Женичка и снова заливается смѣхомъ.

Приду, непремѣнно приду!... Для тебя приду, Женичка!... А коржики — дѣло девятое!... На коржики мнѣ наплевать!...

И мнѣ становится такъ тепло, точно я сижу въ ваннѣ съ горячей водой, а передо мной — шоколадная бабка съ цукатами...

Счастье, какъ горе, не приходитъ одно.

Нужно-ли говорить, что когда разыгрываются подарки, на мой билетикъ падаетъ лобзикъ?... Нужно-ли говорить, что не Милочка Андреянова, первая красавица въ городѣ, а Женичка выбрана царицею бала?...

Марья Петровна надѣваетъ ей на головку корону, которая удивительно какъ идетъ къ ея темнымъ локонамъ. Женичка краснѣетъ отъ радости и смущенія. Звенятъ бокалы съ крюшономъ. Музыка играетъ тушъ...

Елка кончается поздно.

Въ передней я отстраняю Дуняшу и самъ надѣваю Женичкѣ мѣховыя ботики. Я держу въ рукахъ ее маленькую теплую ножку и долго вожусь съ застежками...

Мнѣ кажется, я влюбленъ...

Это ясно, какъ кофе...

Кругомъ лежитъ черная морозная ночь.

Снѣгъ скрипитъ подъ ногами. Въ небѣ горятъ яркія звѣзды...

Но вотъ и калитка. На ступенькахъ крыльца мы останавливаемся:

— Женичка, я хочу вамъ сказать . . .

Но Женичка, со смѣхомъ, перебиваетъ:

— Смотрите, а вотъ звѣздочка, которая свѣтила волхвамъ!

Я взглядываю на небо. Женичка внезапно склоняется ко мнѣ и цѣлуетъ. И скрывается тотчасъ въ дверяхъ.

Ахъ, это была чудесная елка!

2.

Были еще иныя, разныя елки.

Были елки въ полку, шумныя, пьяныя, съ пѣсенниками и трубачами. Щедро лилось шампанское, пѣли цыганки, плясали танцовщицы кордебалета . . .

Были елки въ царскомъ дворцѣ, пышныя, яркія, съ императорскими подарками. Молодыя царевны, съ улыбками на радостныхъ личикахъ, вручали подарки. Царь обходилъ гостей и говорилъ каждому нѣсколько привѣтливыхъ словъ . . .

Потомъ, была еще одна елка, безъ золоченныхъ орѣшковъ, за то съ настоящимъ снѣгомъ, а вмѣсто свѣчекъ горѣли на ней алмазы.

— Та-ку, та-ку! — раздавались одиночные выстрѣлы и гулкимъ эхомъ гуляли по горамъ. Быстро садилось декабрьское солнце. Внизу, за Быстрицею Надворнянской, чернѣли вражескіе окопы. Въ эту ночь готовилось наступленіе.

Всю ночь горѣли костры и грѣлись у нихъ драгуны. Глаза часовыхъ зорко буравили мглистыя дали. Катилась луна и озаряла таинственнымъ свѣтомъ снѣговыя поляны, склоны, лѣсистыя кручи. На снѣгу виднѣлись заячьи петли, слѣды кабановъ и оленей. Величавая тишина царила на горной позиціи.

Тихая ночь, святая ночь! . . .

Врагъ не нарушилъ ея торжественнаго очарованія.

Ровно въ полночь мы прорѣзали тишину троекратнымъ салютомъ:

— Тра-та-тратата! . . .

Ротмистръ Орфеновъ подошелъ съ рапортомъ и доложилъ о рожденьи Христа. И вмѣсто шампанскаго, мы хлопнули по баночкѣ тарнопольской пейсаховки . . .

Мы сидѣли подъ старою мохнатою елкой и смотрѣли на небо.

На востокѣ сіяла звѣзда.

Она свѣтила когда-то волхвамъ.

Это была — карпатская елка . . .

3.

Была елка въ глухой деревенской усадьбѣ. Въ ту пору, когда затихли раскаты войны и другой чертоплясъ начиналъ бушевать по русскимъ просторамъ . . .

Была рождественская елка въ тюрьмѣ . . .

Была еще одна елка, подъ чужимъ небомъ, на волнахъ океана. Маленькая искусственная елка, съ мандаринами, бананами и золоченымъ миндалемъ. Двѣнадцать человѣкъ сидятъ вокругъ, потягиваютъ сладкій коктейль и поютъ:

— Штилле нахтъ, хейлиге нахтъ! . . .

Я выхожу на палубу и наблюдаю бѣгъ корабля. Онъ мчитъ меня въ неизвѣстную даль.

На востокѣ горѣла звѣзда.

Она свѣтила волхвамъ. Она такъ же свѣтила когда то мнѣ съ Женичкой . . .

Это была — чужая, эмигрантская елка . . .

„ШЛЮССЕЛЬ".

Изъ эмигрантскихъ эскизовъ.

1.

Въ пансіонѣ фрау Кебке, на Шлюттеръ-штрассе, шумно и весело. За столомъ сидитъ четырнадцать человѣкъ, все молодежь больше, бѣлогвардейскаго корня. Есть, впрочемъ, и иностранцы — поляки, чехи, эстонцы, даже два студента-китайца.

Фрау Амалія Кебке, вдова регирунгсъ-рата, солидная нѣмецкая фрау, съ крутыми бедрами и добрыми голубыми глазами, гремитъ на кухнѣ посудой. Бѣлокурая Фикхенъ ставитъ на столъ блюдо съ бобами.

Я живу въ пансіонѣ вторыя сутки и прихожу къ заключенію, что вегетаріанская пища даетъ вполнѣ достаточное количество калорій. Особенно, если принять во вниманіе инфляцію и общій экономическій кризисъ.

Того же мнѣнія держится и мой сосѣдъ.

Онъ — русскій, хотя и носитъ фамилію Шлюссель. Это пожилой человѣкъ, лѣтъ пятидесяти пяти, маленькій, щупленькій, незамѣтный, одѣтый въ драповый сюртучокъ. На выцвѣтшихъ близорукихъ глазахъ сидятъ очки. Его соціальное положеніе мнѣ неизвѣстно. Но думается, что это человѣкъ серьезной науки — химіи, можетъ быть, біологіи или начертательной геометріи.

Онъ замкнутъ и молчаливъ. Молодежь, однако, не оставляетъ его въ покоѣ, отпускаетъ мѣткія замѣчанія и высмѣиваетъ самымъ опредѣленнымъ образомъ. То и дѣло слышутся восклицанія, сопровождаемыя дружнымъ хохотомъ:

— Гутенъ тагъ, херъ Шлюссель!

— Херъ Шлюссель, вамъ кланяется фрейлейнъ Марта съ Фазаненъ-штрассе!

— Херъ Шлюссель, ку-ку!..

Шлюссель не реагируетъ на эти шутки. Видно привыкъ и, какъ человѣкъ доброй души, не обижается. Только отмахивается рукой и продолжаетъ ковыряться въ бобахъ.

— Господинъ Шлюссель!—говорю я.—Вы русскій и я русскій... Передайте-ка мнѣ солонку... Данке шенъ!.. Благодарю васъ!.. Мнѣ бы хотѣлось установить съ вами контактъ!..

Шлюссель взглядываетъ на меня съ недовѣріемъ. На мгновенье лицо его изобразило попеременно укоризну, пренебреженіе, затаенную грусть. Сложивъ аккуратно, въ четыре доли, салфетку, онъ положилъ ее на столъ и произнесъ:

— Къ вашимъ услугамъ, сударь!

2.

Шлюссель сидитъ въ своей угловой комнатѣ и читаетъ „Монархическій Вѣстникъ“.

Увидѣвъ меня, сорвался, захлопоталъ:

— Милости прошу!.. Обождите самую малость... Сейчасъ распоряжусь чайкомъ...

И скрылся на кухню.

Черезъ минуту вернулся. Черезъ четверть часа чаепитіе было въ разгарѣ. Пьемъ чай, бесѣдуемъ, споримъ...

О чемъ могутъ спорить два эмигранта, очутившіеся въ Берлинѣ?.. Да, о всемъ понемножку... И прежде всего — о Россіи...

— Нѣтъ, я не согласенъ! — говорю я. — Съ такой политической программой далеко не уѣдешь... Побольше активности, господинъ Шлюссель!.. Работать нужно, господинъ Шлюссель!.. Бороться нужно, господинъ Шлюссель!.. Подъ лежачій камень вода не течетъ!..

Шлюссель укоризненно посмотрѣлъ на меня:

— И вы туда же? — произнесъ онъ. — Шлюссель да Шлюссель!.. Да будь оно проклято, окаянное имя!.. Никакой я не Шлюссель, если угодно знать!.. Это они, прохвосты, меня Шлюсселемъ сдѣлали!..

Старикъ съ сердцемъ сдѣлалъ глотокъ и сказалъ:

— Не Шлюссель, а Иванъ Петровичъ Черемушкинъ!.. Да-съ... Титулярный совѣтникъ департамента герольдіи... Оное имя присвоено еще съ царскаго времени и въ пачпортѣ таковымъ значится, если угодно знать...

Я удивленъ и сконфуженъ:

— Позвольте?.. Но причемъ же тутъ Шлюссель?..

— По причинѣ исторіи преглупаго, можно сказать, характера! — произнесъ Иванъ Петровичъ. — Занимательнаго немного, а сраму не обобраться... Тьфу, будь она проклята!.. Прямо хоть съ квартиры съѣзжай!..

Иванъ Петровичъ не сразу сдался на просьбы. По привычкѣ отмахивался рукой, кривилъ конфузливо ротъ, пытался перейти на постороннюю тему. Наконецъ, нацѣдилъ свѣжій стаканъ и такъ началъ разсказъ.

3.

— Какимъ порядкомъ очутился въ Берлинѣ, это вамъ, полагаю, неинтересно... Чтобы не отвлекаться, однако, въ сторону, упомяну лишь, что уже годъ, какъ вынужденъ покинуть Москву вкупѣ съ господиномъ профессоромъ Кизеветтеромъ, Пѣшехоновымъ, Степуномъ, приватъ-доцентомъ Растеряевымъ и прочими дѣятелями науки... Какъ соціально-вредный и несознательный элементъ, настроенный несочувственно къ власти, ѣдятъ ее мухи съ комарами...

— Въ январѣ текущаго года возвращаюсь, стало быть, съ засѣданія эмигрантскаго комитета взаимопомощи... Дѣло было вечеромъ и дѣлать было нечего, какъ говорится... Подхожу къ воротамъ — цопъ за

ключъ, ключа-то и нѣтъ!.. Что за пропасть?.. Всегда въ правомъ карманѣ таскаю... Поднялъ трезвонъ... А привратница, долженъ замѣтить, баба лютая, особое несочувствіе ко мнѣ питаетъ... Хожу эдакъ взадъ и впередъ по панели, ежусь отъ холода, постукиваю штиблетами... Чтобъ тебя разорвало, паскудная баба!.. Не откликается!.. Не отмыкаетъ!..

Иванъ Петровичъ отхлебнулъ изъ стакана и продолжалъ:

— Что будешь дѣлать?.. Не на улицѣ ночевать прикажете?.. Хожу взадъ-впередъ по панели и размышляю...

— И можете себѣ только представить, какъ на грѣхъ, изъ за угла навстрѣчу мнѣ барышня — шасть!.. Веселая, аккуратная, чистый розанъ, въ полуботинкахъ и въ шубкѣ плюшевой... Много ихъ здѣсь променадами занимаются... Взглянула на меня, зубки бѣлыя обнаружила, спросила въ чемъ дѣло...

— Такъ и такъ, молъ, говорю, милая фрейлейнъ... Ихъ хабе циммеръ да — шлюссель нихтъ!

Барышня засмѣялась и говоритъ сразу, безъ комментаріевъ:

— Коммъ митъ!

Вотъ такъ исторія!.. Подумалъ... Прикинулъ... Что будешь дѣлать?.. О таксѣ, между прочимъ, полюбопытствовалъ...

— Цвей хундертъ таузендъ! — говоритъ розанъ.

— Зачѣмъ такъ дорого?.. Варумъ зо тееръ?

Хохочетъ:

— Веннъ ду бистъ эйнъ руссише шлюссель!

Словомъ, опять же, безъ комментаріевъ, взяла подъ ручку и прямымъ маршемъ на Фазаненъ-штрассе откомандировала.

Привела въ комнату, обогрѣла, горячимъ кофейкомъ напоила... Чистый розанчикъ!.. Вы не подумайте, сударь, что либо предосудительное... Ни-ни!..

Оборони Боже!.. Давно этими дѣлами не занимаюсь...

— Словомъ, о томъ о семъ, за кофейкомъ, поболтали, посмѣялись, разокъ-другой ущипнулъ да и завалился на боковую... Пожелалъ доброй ночи, расположился эдакимъ манеромъ на диванчикѣ и въ скорости задремалъ...

4.

Иванъ Петровичъ выдержалъ паузу и продолжалъ:

— Что-жъ бы вы думали?.. Только это во снѣ какія-то райскія видѣнія представляются, перевернулся на правый бокъ — анъ все сразу и оборвалось...

— Что такое?.. Въ чемъ дѣло?.. Не разобрать, хоть тресни?..

Прочухался... Фрейлейнъ Марта стоитъ надо мною въ одной сорочкѣ батистовой, такъ что наскрозь вся женская фигура видна, тормошитъ за рукавъ, тянетъ съ дивана прочь...

А въ дверь, какъ въ турецкій барабанъ, кто-то грохочетъ...

— Шлюссель! — шепчетъ розанчикъ. — Что ты со мною надѣлалъ?.. Это — Фрицъ!.. Я знаю, это Фрицъ изъ Потсдама пріѣхалъ!.. Онъ убьетъ насъ обоихъ!..

Заметалась Марта по комнатѣ, руки вздымаетъ, бросилась къ двери, отъ дверей кинулась снова ко мнѣ, тянетъ въ уголъ, отперла платяной шкапъ.

— Сиди, — говоритъ, — здѣсь и не двигайся!.. Штилль!.. Иначе — капутъ!

Иванъ Петровичъ на минуту остановился:

— Что-жъ бы вы думали?.. Сижу въ шкапу и не соображаю... А въ комнатѣ желѣзная сабля, шпоры гремятъ... Глянулъ въ щелку и обмеръ... Стоитъ посередкѣ эдакій боровъ, пудовъ на восемь, красномордый, пивомъ весь налитой, въ галунахъ да въ шевронахъ, а усища, какъ у жандарма...

— Затаился я, ни живъ, ни мертвъ... Господи пронеси!..

— Фрицъ, между тѣмъ, отстегнулъ портупею, снялъ аммуницію... Подошелъ къ Мартѣ, галантерейно за грудки обнялъ, поцѣловалъ, смѣется колбасникъ, хохочетъ... Сталъ руки распространять... Всякія вольности нѣмчура себѣ позволяетъ... Вообще, раскомариваетъ...

— Ну, думаю, при эдакомъ поведеніи, никакъ нельзя себя обнаруживать... Затаился, молчу и только въ щелочку наблюдаю...

Иванъ Петровичъ снова выдержалъ паузу:

— Вотъ тутъ-то и вышелъ грѣхъ!.. Нафталинъли нѣмецкій или что другое, ѣдятъ-те мухи съ комарами, какъ шибанетъ въ носъ!.. Здравствуйте вамъ!.. Какъ чихну — разъ, другой, третій!.. Господи Іисусе!.. Вспомню — до сихъ поръ потъ прошибаетъ...

— Веръ да?

Молчу, затаился, не отвѣчаю.

— Веръ да? — кричитъ Фрицъ въ другорядь. — А потомъ — цопъ, распахнулъ дверцы... Я и выкатился изъ шкапа въ исподникахъ.

5.

— Что тутъ было и разсказать не сумѣю! — продолжалъ Иванъ Петровичъ.

— Нѣмецъ вскипѣлъ... Какъ кинется, напираетъ на меня грудью, кулаками грозится... Марта ударилась въ слезы, объясняетъ парню, какъ слѣдуетъ... Объясняю и я... Такъ, молъ, и такъ, изъ за ключа все, изъ за шлюсселя вышло... Переночевать, молъ, только зашелъ... По хорошему, молъ... Никакихъ предосудительныхъ мыслей... Оборони Боже!..

— Колбасникъ слышать не хочетъ... Распѣтушился во всю... Кричитъ на весь домъ... Да какъ хватитъ кулакомъ и о землю — шмякъ!..

— Прямо убилъ наповалъ!

— Очухался въ гошпиталѣ... Три дня лежалъ съ перевязками... На четвертый день протоколъ сня-

ли... А тамъ — пошло и пошло... Кто такой?.. Да откудова?.. Женатъ?.. Холостъ?.. Вдовъ?.. Чѣмъ занимается?.. Не замѣченъ-ли въ предосудительномъ поведеніи?.. Весь пансіонъ опросили... Медицинской экспертизѣ даже подвергли... Словомъ, срамота да и только... Тьфу, чтобъ тебя разорвало!..

Иванъ Петровичъ сердито повелъ бровями:

— Съ той поры Шлюсселемъ и зовутъ... Что будешь дѣлать?.. А главное дѣло, ключъ-то окаянный въ жилетномъ карманѣ лежалъ!..

Иванъ Петровичъ отмахнулся, по привычкѣ, рукой и снова захлопоталъ по чайному дѣлу...

„СУВОРОЧКА".

Изъ стараго прошлаго.

Едва отгремѣли раскаты I-ой турецкой войны, генералъ-поручикъ Суворовъ, пожалованный за взятіе Туртукая золотой шпагой съ брильянтами и орденомъ святого Георгія 2-ой степени, прибылъ ненадолго въ Москву.

16 января 1774 года состоялся его бракъ съ княжной Варварою Прозоровской. Полководецъ насчитывалъ уже сорокъ пять лѣтъ. Объ этомъ бракѣ хлопоталъ, главнымъ образомъ, отецъ полководца, мечтавшій видѣть свой родъ продолженнымъ въ лицѣ внука.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и самъ Суворовъ, на склонѣ пятаго десятка, противился брачной жизни. Не взирая на то, что неизмѣнно говаривалъ про женщинъ — „черезъ нихъ потеряли рай", старый солдатъ, какъ извѣстно, весьма заботился объ устройствѣ семейной жизни своихъ подчиненныхъ. И Суворовъ пишетъ своему начальнику, генералъ-фельмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому:

„Вчера имѣлъ я неожидаемое мною благополучіе быть повѣнчанымъ съ княжной Варварою Ивановной Прозоровской" . . .

„Благополучіе" продолжалось недолго.

Полная, пышная, румяная, олицетворявшая собой типъ настоящей русской красавицы, княжна Прозоровская не обладала ни природнымъ умомъ, ни образованіемъ. Воспитанная на внѣшнихъ приличіяхъ, княжна была охотница широко и открыто пожить, съ наклон-

ностью къ мотовству. При этомъ, была характера рѣзкаго и неуступчиваго.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что молодая красавица или „оная Варвара", какъ именовалъ ее Суворовъ въ челобитной о разводѣ, поданной въ духовную консисторію, очень скоро перестала быть „магнитомъ его притягающимъ", по выраженію императрицы Екатерины II.

Оба вспыльчивые и рѣзкіе, выросшіе въ совершенно разныхъ условіяхъ, вступившіе въ бракъ, во всякомъ случаѣ, не по любви, и по самому свойству суворовской службы постоянно затѣмъ разлучаемые, оба супруга внесли въ семейную жизнь неурядицу и разладъ.

Черезъ пять лѣтъ послѣ брака, Суворовъ уже возбудилъ дѣло о разводѣ — „къ освобожденію отъ узъ бывшаго союза". А въ 1784 году, послѣ нѣсколькихъ попытокъ къ примиренію, вовсе разошелся съ женой, опредѣливъ ей пенсію въ три тысячи рублей въ годъ.

Общество стало на сторону жены и во всемъ обвиняло мужа.

„Правда-ли это, что онъ такъ спился, что всякій часъ пьянъ?" — писала, на этотъ разъ, своему супругу графиня Румянцева.

Отъ брака съ княжной Прозоровской у полководца было двое дѣтей — дочь и сынъ.

Дочь Наташа, родившаяся черезъ годъ послѣ свадьбы, „графиня двухъ имперій" или просто — „Суворочка", какъ называлъ ее въ своихъ письмахъ отецъ, была любимицей полководца.

„Суворочка" не унаслѣдовала ни красоты матери, ни ума отца. И внѣшность, и внутреннее содержаніе, были вполнѣ заурядны. И лишь благодаря нѣжнымъ оригинальнымъ письмамъ отца, дочь оставила въ исторіи маленькій слѣдъ.

Горячее чувство слышится въ каждой строчкѣ посланій:

— „Смерть моя — для отечества, жизнь моя — для Наташи...“

— „Какъ будто бы сердце свое у тебя покинулъ...“

— „Полетѣть бы въ Смольный на тебя поглядѣть — да крыльевъ нѣтъ...“

Такъ пишетъ ей полководецъ въ каждомъ письмѣ, съ полей сраженій Кинбурна, Очакова, Рымника...

Съ стариннаго эстампа, принадлежавшаго князю Оболенскому-Нелединскому - Мелецкому, глядитъ полное дѣвичье личико, съ лукавымъ выраженіемъ большихъ темныхъ глазъ, съ вздернутымъ носикомъ, съ гладко зачесанными темными волосами, въ простенькомъ, собранномъ на груди складками, платьѣ.

Взятая отъ матери, въ возрастѣ девяти лѣтъ, „Суворочка“ была помѣщена въ Смольный монастырь, подъ ближайшій надзоръ начальницы Софьи Ивановны де Лафонъ. Шестнадцати лѣтъ закончила курсъ обученія и была отдана въ родственную семью Хвостовыхъ.

Хвостовъ, человѣкъ честныхъ и строгихъ правилъ, женатый на племянницѣ Суворова, княжнѣ Аграфенѣ Ивановнѣ Горчаковой, оказалъ въ свое время полководцу не мало услугъ и дѣятельно хлопоталъ о замужествѣ его дочери. Простой армейскій полковникъ, онъ дослужился впослѣдствіе до званія оберъ-прокурора святѣйшаго синода.

Суворовъ, къ тому времени уже графъ Рымникскій, графъ Священной Римской Имперіи и кавалеръ Георгія I-ой степени, съ сжимающимся сердцемъ, сталъ готовить свою любимую дочь къ баламъ, къ спектаклямъ, къ увеселеніямъ высшаго петербургскаго общества. Его пугали растлѣвающіе придворные нравы, эпоха „маханія и фаворитизма“.

Чувствуя приближеніе старости, полководецъ сталъ подыскивать для „Суворочки“ достойнаго мужа. Въ женихахъ не было недостатка. Но долго искалъ Суворовъ „жениха первой черты“. Многіе и многіе претенденты были имъ признаны неподходящими.

Такъ, молодой Салтыковъ былъ забракованъ потому, что былъ, по выраженію Суворова — „подслѣпый женихъ“.

Царевичъ Маріамнъ Грузинскій потому, что — „они дики“.

Князь Трубецкой оказался негоднымъ потому, что — „пьетъ, и его отецъ пьетъ, и въ долгахъ, а родня строптивая“.

Наконецъ, князь Щербатовъ потому, что — „взрачность не мудрая, но паче непостояненъ и вѣтренъ“.

Наиболѣе серьезнымъ кандидатомъ на руку „Суворочки“ оказался молодой графъ Эльмптъ — „юноша тихаго портрета“, какъ говорилъ о немъ Суворовъ, — „лица и обращенія не противнаго“. Однако, бракъ съ Эльмптомъ не состоялся, по нежеланію самой „Суворочки“ выйти замужъ за лютеранина.

29 апрѣля 1794 года, „Суворочка“ была повѣнчана съ графомъ Николаемъ Александровичемъ Зубовымъ, братомъ извѣстнаго фаворита, Платона Зубова. Свадьба произошла въ отсутствіе отца, занятаго въ это время польской кампаніей, но приславшаго свое благословеніе и видимо чрезвычайно обрадованнаго:

— Ай-да, куда какъ мнѣ это утѣшно! — писалъ дочери старый Суворовъ, чуть-ли не наканунѣ штурма Праги, пожалованный вскорѣ званіемъ фельдмаршала.

„Суворочка“ — графиня Наталія Александровна Зубова, провела долгую жизнь и скончалась въ 1844 году . . .

Аркадій Суворовъ — сынъ полководца, одаренный, подобно отцу, блестящими способностями, родился въ 1780 году и свои дѣтскіе годы провелъ при матери, въ Москвѣ. Затѣмъ, одинадцати лѣтъ, былъ отданъ на попеченіе сестры и ея мужа и, по словамъ Суворова, „учился методически“.

Когда старый фельдмаршалъ поссорился съ зятемъ, Аркадій Суворовъ былъ перемѣщенъ на жительство къ тѣмъ же Хвостовымъ. Девятнадцати лѣтъ отъ роду,

молодой графъ былъ посланъ императоромъ Павломъ въ Италію — „учиться у отца побѣдамъ“.

Это былъ высокаго роста, стройный, бѣлокурый красавецъ, обладавшій пріятнымъ голосомъ и большою физической силой. Въ его глазахъ свѣтился ясный умъ, искрилось благородство, честность и прямодушіе. На языкѣ всегда было острое, мѣткое слово. Достоинства родителей сочетались въ немъ въ исключительной степени.

Двадцати семи лѣтъ, пожалованный императоромъ Александромъ I въ званіе генералъ-адьютанта, онъ былъ уже начальникомъ дивизіи, отличившись въ походѣ 1807 года, въ дунайской арміи, подъ начальствомъ Кутузова. А въ 1811 году, во время новой войны съ Турціей, молодой графъ Аркадій Александровичъ Суворовъ-Рымникскій князь Италійскій утонулъ въ Рымникѣ.

Въ томъ самомъ Рымникѣ, на берегахъ котораго его отецъ одержалъ, въ свое время, одну изъ своихъ самыхъ блестящихъ побѣдъ.

— О, Рымникъ! — восклицаетъ исторіографъ. — Ты далъ имя отцу и гробъ сыну!

Князь Аркадій Суворовъ оставилъ двухъ сыновей.

Старшій изъ нихъ, князь Александръ Аркадьевичъ, родившійся въ 1804 году, началъ службу въ рядахъ Конной Гвардіи, участвовалъ въ персидской кампаніи, служилъ на Кавказѣ и въ Польшѣ, неоднократно былъ посылаемъ съ дипломатическими миссіями къ нѣмецкимъ дворамъ.

Въ 1848 году князь Суворовъ былъ назначенъ лифляндскимъ, курляндскимъ и эстляндскимъ генералъ-губернаторомъ, на каковой должности провелъ четырнадцать лѣтъ, сохранивъ по себѣ лучшую память. Это былъ благообразный по внѣшности, сердечный, гуманный, въ высшей степени честный и порядочный чело-

вѣкъ, не столько, можетъ быть, военный, сколько дипломатъ и администраторъ.

Въ 1861 году князь Суворовъ былъ назначенъ санктъ-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, состоя генералъ-адъютантомъ и однимъ изъ самыхъ близкихъ друзей императора Александра II, и переживъ его лишь на одинъ годъ.

Второй сынъ, князь Константинъ Аркадьевичъ, родившійся въ 1809 году, не игралъ значительной роли и скончался, не оставивъ потомства, въ 1877 году.

Князь Александръ Аркадьевичъ имѣлъ сына Аркадія, скончавшагося бездѣтнымъ въ 1893 году, и двухъ дочерей, за которыми ,въ петербругскомъ обществѣ, также упрочилась кличка „Суворочекъ".

На княжнѣ Любови Александровнѣ женился конногвардеецъ Молоствовъ. На княжнѣ Александрѣ Александровнѣ женился конногвардеецъ Козловъ, тотъ самый Козловъ, который, впослѣдствіе, будучи принятъ за петербургскаго генералъ-губернатора Трепова, былъ убитъ революціонеркой въ 1905 году.

Со смертью, въ прошломъ году, Александры Александровны Козловой, правнучки фельдмаршала и послѣдней „Суворочки", пресѣклось прямое потомство, носившее имя великаго полководца.

НЕДОРУБА.

Звякнулъ третій звонокъ и поплыла зассенгофская станція.

Въ открытое окно потянулось длинное кирпичное зданіе. Потомъ, маленькій садикъ съ кустами лиловой сирени. Бурною трелью, словно въ экстазѣ, залился соловей, раскатился, свистнулъ разъ-два и замолкъ, зачарованный луннымъ свѣтомъ.

И только колеса выстукивали въ ночной тишинѣ мѣрную дробь:

— Трахъ-тахъ-тахъ!.. Трахъ-тахъ-тахъ!..

Сидѣвшій въ купэ и, казалось, дремавшій до сей поры человѣкъ, склонилъ голову еще ниже, укрылъ ее въ жилистыхъ пальцахъ и зарыдалъ.

Лунный бликъ, скользнувшій въ окошко, освѣтилъ копну курчавыхъ волосъ, костистыя кисти, широкія плечи, распиравшія сѣрый поношенный пиджачокъ...

— Волкъ-Недоруба!.. Кажная собака знаетъ на станціи!.. Да кому нужно?.. Кому интересно?..

Онъ замолчалъ, рѣзко отмахнувшись рукой.

Однако, когда успокоился, вытеръ рукавомъ слезы, высморкался, глубоко вздохнулъ нѣсколько разъ. И на повторную просьбу, началъ свою печальную исповѣдь.

Разсказъ о маленькомъ человѣкѣ и большомъ человѣческомъ горѣ. Что-то символическое было даже въ самой фамиліи. Онъ не былъ пьянъ и жуткая повѣсть,

тихимъ голосомъ передаваемая въ полумракѣ, подъ стукъ вагонныхъ колесъ, производила странное впечатлѣніе.

Повѣсть человѣческаго страданія...

Въ девятьсотъ четвертомъ году, Недоруба былъ призванъ по мобилизаціи изъ запаса и очутился въ I стрѣлковомъ восточно-сибирскомъ полку. Война оторвала его отъ жены чуть-ли не на другой день послѣ свадьбы и бросила въ лесовыя пространства Манчжуріи, о которой онъ имѣлъ смутное представленіе. На борьбу во имя тѣхъ интересовъ, о которыхъ не имѣлъ никакого понятія.

Отсюда и началось.

Въ битвѣ подъ Вафангоу, унтеръ-офицеръ Недоруба былъ легко раненъ въ руку.

Сдерживая подъ Ляояномъ натискъ японцевъ, былъ раненъ въ штыковой схваткѣ въ грудь.

При отступленіи отъ Мукдена, шрапнель собственной артиллеріи вывела его изъ строя и, на этотъ разъ, навсегда. Исковерканный, искалѣченный, съ обрубкомъ вмѣсто ноги, онъ былъ эвакуированъ въ тылъ и годъ пролежалъ въ госпиталѣ.

Могучая натура одержала, въ концѣ концовъ, верхъ.

Уѣхалъ на родину. Поступилъ на службу. Получилъ должность на желѣзной дорогѣ. Но къ настоящей работѣ не годенъ. Кости и грудь ноютъ при малѣйшемъ усиліи. Такъ, только изъ состраданія, изъ уваженія къ „банту“, держатъ, какъ инвалида, вѣсовщикомъ, на двадцать пять рублей въ мѣсяцъ.

— Трое дѣтей!.. Жена — бывшая гимназистка, интеллигентная...

На Московскомъ форштадтѣ, въ подвальной, холодной, сырой комнатѣ, ютился Недоруба съ семьей нѣсколько лѣтъ.

Жена не выдержала и заболѣла.

— Сейчасъ въ послѣднемъ градусѣ!.. Заграницу

доктора посылаютъ!.. Въ Крымъ, въ самарскія степи!..

Недоруба криво усмѣхнулся и продолжалъ:

— Зимой умеръ братъ... Взялъ свояченицу съ четырьмя малолѣтками... Ходитъ поденщицей, беретъ на домъ работу, стираетъ... Надрывается напролетъ... Истаяла вовсе... Жена лежитъ въ углу на матрацѣ, ни слова не говоритъ... Только раскроетъ глаза и смотритъ на меня, смотритъ...

Недоруба на мгновенье задумался.

— А главное — дѣти!.. Господи Боже мой!.. Только приду со службы — бѣгутъ, ползутъ всѣ семеро... „Тятенька, принесъ булочку?.. Ѣсть хочется!.. Дяденька, купилъ туфельки?.. Озябъ, холодно!"... Пооткрываютъ, какъ птенчики, рты... Окружатъ со всѣхъ сторонъ... Прижимаются, ластятся..

— Да что я, безчувственный что-ли? — выкрикнулъ Недоруба. — Простите, ваше высокоблагородіе, не могу этого вынести!.. Силъ моихъ нѣтъ!.. Господи Боже мой!.. Да за что все такое?.. Тятенька, принесъ булочку?.. Дяденька, купилъ туфельки?.. Вотъ такъ кажный день...

Недоруба опустилъ голову и плечи его снова затряслись отъ рыданій...

Поѣздъ подходилъ къ желѣзнодорожному мосту.

Лентой сверкнула широкая Аа. На противоположномъ берегу высились силуэты брустверовъ и куполъ крѣпостного собора. Бѣлые офицерскіе флигеля, обрамленные каштанами и кустами сирени, купались въ лунномъ свѣтѣ. Въ окно врывалась душистая свѣжесть и соленый ароматъ моря. Кто-то игралъ на рояли. Гдѣто слышался шопотъ и придушенный смѣхъ.

У полустанка Усть-Двинскъ поѣздъ постоялъ полминуты, свиснулъ и двинулся дальше...

— Вотъ такъ и катаюсь взадъ и впередъ!.. Кончу службу и забираюсь въ вагонъ... Третью ночь... Домой прійти не могу... Силъ моихъ нѣтъ!.. Маюсь и маюсь... Ну, да скоро конецъ... Амба!.. Подъ

колеса и квитъ!.. Былъ Недоруба и нѣтъ его больше!..

Приподнявшись на деревянной культяпкѣ, онъ откинулся въ уголъ и закрылъ широкой ладонью лицо...

Сознаніе воскрешаетъ нерѣдко образъ горемычнаго инвалида.

Онъ припоминался при встрѣчахъ съ безногими и безрукими калѣками Стамбула и Пэры, съ монотоннымъ припѣвомъ клянчившихъ подаяніе, на углахъ турецкой столицы.

Припоминался въ Берлинѣ, на роскошныхъ артеріяхъ Курфюрстендамма и Тауэнцинштрассе, при встрѣчѣ съ людьми въ знакомомъ „фельдграу", въ картузахъ съ императорскими кокардами, безмолвно стоящими на опредѣленныхъ мѣстахъ, съ трясущейся отъ страшной контузіи головой, съ выпеченными ядовитымъ газомъ глазами.

Слѣпцы, съ тарелочкой на груди, въ обществѣ вѣрнаго пса на цѣпочкѣ, стояли шеренгами въ тѣнистыхъ аллеяхъ Тиргартена, по которымъ гарцовали не стройныя барышни-амазонки съ цитенскими гусарами, а тяжело шлепали по сѣдлу откормленнымъ задомъ толстые нувориши съ своими подругами.

Образъ бѣднаго вѣсовщика-инвалида припоминался даже въ далекой Японіи, на улицахъ свѣжаго, какъ морское дыханіе, Нагасаки, при встрѣчѣ съ обрубкомъ прежняго человѣка — жертвой минувшей войны.

Ихъ положеніе не можетъ не вызывать пламеннаго сочувствія. Бывшіе-ли враги или союзники, всѣ они заслуживаютъ состраданія. Не взирая на государственную поддержку, положеніе ихъ тяжело.

Но неизмѣримо болѣе тяжкой и даже трагической, должна быть названа участь инвалидовъ русской императорской арміи, лишенныхъ отечества, развѣянныхъ по бѣлому свѣту.

Поддержки они не имѣютъ.

Жертва ихъ оказалась ненужной.

Страданія ихъ безпредѣльны...

Исторію безногаго вѣсовщика Недорубы можно продолжить.

Начальникъ стоявшей въ Ригѣ кавалерійской бригады, предсѣдатель мѣстнаго отдѣла георгіевскихъ кавалеровъ, свиты его величества генералъ Ханъ Нахичеванскій, принялъ участіе въ судьбѣ бѣднаго инвалида.

Онъ отпустилъ ему изъ личныхъ средствъ единовременно сто рублей и обѣщалъ содѣйствіе въ будущемъ.

Къ сожалѣнію, Ханъ Нахичеванскій вскорѣ получилъ новое назначеніе и уѣхалъ изъ Риги.

А потомъ, началась война, еще болѣе кровавая, еще болѣе чудовищная, ужасная.

И вмѣстѣ съ нею, исторія горемычнаго инвалида оборвалась навсегда...

ІОСИФЪ ПРЕКРАСНЫЙ.

Гдѣ ты, славный поручикъ, начальникъ полковой конно-саперной команды и георгіевскій кавалеръ — Іосифъ Іосифовичъ Прекрасный? . . .

Какъ сейчасъ вижу передъ собой — золотой хохолокъ и голубые глаза, смѣющійся ротъ и смачныя алыя губы . . . Какъ сейчасъ слышу:

„За милыхъ женщинъ,
Прелестныхъ женщинъ,
Любившихъ насъ
Хотя бы разъ! . . .“

Іосифъ Іосифовичъ — бѣдовый поручикъ . . . На стоянкѣ и на походѣ, въ развѣдкѣ и въ сторожевкѣ, не пропуститъ поручикъ ни одной дѣвушки, будь то сестра милосердія, въ косынкѣ, съ краснымъ крестикомъ на груди, или гуцулка въ кожаной безрукавкѣ . . . Ни одной сдобной бабенки, ни одной молодой вдовушки . . .

И вмѣстѣ съ тѣмъ, достойный, во всѣхъ отношеніяхъ, офицеръ, заработавшій высокую боевую награду.

А когда подошелъ къ концу первый актъ „великой-безкровной“ и главковерхъ, Александръ Федоровичъ Февральскій, разваливъ армію, своевременно далъ стрекача, поручикъ до послѣднихъ дней оставался на фронтѣ съ драгунскимъ полкомъ и въ роковой часъ, сорвавъ полотнище съ древка, унесъ и схоронилъ въ надежномъ мѣстѣ штандартъ . . .

Подвиги поручика Іосифа Іосифовича Прекраснаго ведутъ начало съ похода въ Восточную Пруссію, когда цитадель прусскаго юнкерства, по выраженію самого кайзера, подверглась „вторженію дикихъ скифовъ, питающихся сырымъ человѣческимъ мясомъ“.

Многое здѣсь, конечно, преувеличено.

Но порѣзвилась все же драгунская и гусарская шашка. Погуляла на славу уланская и казацкая пика. Задымились пожары. Закружились бѣсовскіе вихри. А блѣдныя дѣвушки, дрожа отъ испуга, встрѣчали незваныхъ гостей трепещущими словами:

„Ихъ хабе блютъ...“

Вотъ тутъ и произошла исторія номеръ первый...

Драгунскій разъѣздъ, подъ командой Іосифа Іосифовича, подошелъ къ усадьбѣ Ней-Клостергутъ. Тихо въ усадьбѣ, словно въ могилѣ. Владѣльцы бросили все и подались, въ спѣшномъ порядкѣ, въ Берлинъ.

Оставилъ поручикъ драгунскій разъѣздъ на дворѣ, а самъ входитъ въ домъ. Одна комната, другая и третья — ни души, хоть бы кто?... Однако, полная обстановка, а въ столовой играетъ шерстянымъ клубкомъ рыжій котенокъ и даже дымится кофейникъ...

Что за оказія?...

Какъ пить дать, должна быть здѣсь женщина!... Чутье у поручика изумительное, не хуже чѣмъ у добраго кобеля...

Въ самомъ дѣлѣ, на чердакѣ, подъ рогожами, обнаружилъ поручикъ бѣглянку, лѣтъ эдакъ примѣрно восемнадцати-двадцати, румяную, полногрудую, кровь съ молокомъ.

Загорѣлись, какъ яхонты, голубые поручиковы глаза:

— Ахъ, вотъ какъ?... Гутъ моргенъ!... А ну-ка, голубушка, коменъ зи хиръ!...

Ни слова не сказала нѣмецкая фрейлейнъ. Только покорно кивнула шелковистой головкой и повела поручика внизъ. Изъ кабинета перешли въ столовую, съ

кофейникомъ и котенкомъ, изъ столовой на кухню. Въ кухнѣ отворила чуланчикъ и предложила зайти.

Іосифъ Іосифовичъ сдѣлалъ одинъ только шагъ.

Но показался онъ ему цѣлою вѣчностью...

Очнулся поручикъ въ картофельной ямѣ, въ темнотѣ абсолютной, въ неописуемомъ изумленіи.

Часъ или два, а можетъ быть и всѣ три, просидѣлъ Іосифъ Іосифовичъ на нѣмецкой картошкѣ, пока не выручили его случайно драгуны. Поручикъ въ бѣшенствѣ, кинулся было вновь за бѣглянкой, но поздно. Подходилъ, вызванный по подземному телефону, эскадронъ конныхъ нѣмецкихъ егерей.

Оставалось только вскочить на коней, выругаться самымъ добросовѣстнымъ образомъ и уносить, по добру, по здорову, ноги...

Въ литовскихъ фольваркахъ и въ польскихъ господскихъ дворахъ собиралъ поручикъ, походнымъ порядкомъ, богатую жатву. Раздолье было и на Волыни, куда въ скоромъ времени перекинулся полкъ. А въ австрійскомъ городкѣ Станиславовѣ, подъ именемъ графа Замойскаго, поручикъ, буквальнымъ образомъ, похитилъ у мужа настоящую графиню Лабенскую.

Правда, мужъ служилъ въ королевскомъ транспортномъ войскѣ и, при отступленіи, имѣлъ неосторожность оставить графиню въ легкомысленномъ одиночествѣ. Можетъ быть, впрочемъ, здѣсь сыграли роль и поручиковы голубые глаза?... Кто знаетъ?...

Къ сожалѣнію, русская армія, въ свою очередь, скоро оставила городъ и романъ оборвался въ самомъ расцвѣтѣ.

Однако, на другой день послѣ отхода, поручикъ уже везъ, на двуколкѣ конно-саперной команды, прехорошенькую еврейку-кельнершу изъ кондитерской „Двуглавый Орелъ“.

Потомъ, подошла очередь Валечки — сестры милосердія изъ 22-го перевязочнаго отряда Союза городовъ.

Потомъ, дочки сельскаго старосты села Серафинцевъ. Потомъ, жены пѣхотнаго капитана, чернобровой Олимпіады Васильевны, прибывшей погостить къ мужу на фронтъ, что послужило причиной весьма крупнаго недоразумѣнія. Капитанъ послалъ секундантовъ. Вызовъ былъ принятъ. Но, какъ извѣстно, въ военное время дуэли запрещены и поединокъ, съ общаго согласія, былъ отложенъ до заключенія мира.

На Карпатахъ, во время стоянки на горной позиціи, Іосифъ Іосифовичъ шарилъ по гуцульскимъ деревнямъ и, безъ сомнѣнія, съ полнымъ успѣхомъ. Обычно, послѣ ужина въ полковомъ штабѣ, поручикъ очень быстро, подъ различными предлогами, исчезалъ. Главнымъ образомъ, по причинѣ, якобы, прибытія провіанта и фуража для конно-саперной команды.

— Знаемъ какой провіантъ!... Въ спідницѣ и въ полсапожкахъ?... Ну, чортъ съ тобой!... Ступай, Іосифъ Прекрасный!...

Поручикъ приподымался и, заложивъ ручки въ брючки, напѣвая, скрывался въ дверяхъ:

„За милыхъ женщинъ,
Прелестныхъ женщинъ..."

Къ лѣту, драгунскій полкъ перекатился на самый югъ.

Въ Румыніи, извѣстное дѣло, женскій товаръ первосортный и въ изобиліи. Не даромъ даже поется въ пѣсенкѣ: „Спуни, спуни, молдаване, унде друма ля Фокшани?... Унде каса матитикъ, унде фата фармашикъ!..."

Въ румынскомъ городѣ Романештяхъ повезло съ перваго дня. Началось въ кофейной господина Гулеско, кончилось въ супружеской спальнѣ госпожи полковницы Иліаны Теодореско. А на разсвѣтѣ, спасая честь румынской красавицы, Іосифъ Іосифовичъ выкинулъ изумительный номеръ.

Безъ малѣйшаго колебанія, схвативъ въ охапку

принадлежности туалета, оставивъ второпяхъ лишь драгунскіе сапоги съ венгерскими шпорами, однимъ прыжкомъ подскочилъ къ окну и кинулся изъ третьяго этажа.

Впослѣдствіе, впрочемъ, Іосифъ Іосифовичъ объяснялъ это не столько отвагой, сколько совершенно безвыходной обстановкой.

И не только не расшибся до смерти, а даже не оставилъ на тѣлѣ ни единаго синяка, ни малѣйшей царапины, продырявивъ лишь парусиновый тентъ расположенной внизу кофейни.

Самъ богъ любви сохранилъ смѣльчака для новыхъ подвиговъ . . .

Но самый большой подвигъ, это всетаки спасеніе полкового штандарта . . .

Гдѣ ты теперь, Іосифъ Прекрасный, поручикъ съ пылкимъ сердцемъ и голубыми глазами? . . . Одни говорятъ — разстрѣлянъ большевиками, другіе — будто разстрѣлянъ добровольцами подъ Майкопомъ, третьи — будто находишься въ добромъ здоровьи и командуешь школой курсантовъ.

Но даже если командуешь школой курсантовъ, твердо хранишь про себя, куда упряталъ штандартъ. И въ свое время, наступитъ часъ, представишь его родному полку, Архангелогородскимъ драгунамъ.

И, заложивъ ручки въ брючки, усмѣхнешься своимъ алымъ дѣвичьимъ ртомъ и замурлыкаешь, какъ всегда:

„За милыхъ женщинъ,
Прелестныхъ женщинъ,
Любившихъ насъ
Хотя бы разъ! . . .

МИХАЙЛОВСКІЙ МАНЕЖЪ.

Изъ отзвучавшихъ дней.

Тусклый, промозглый день петербургскаго ноября. Моросить дождь. Застылъ въ дремотѣ тяжелый камень дворцовъ. Желтые, порѣдѣвшіе клены Адмиралтейства тонутъ въ сизомъ туманѣ.

На Невскомъ проспектѣ тройной рядъ фонарей уходитъ въ мутную мглу. Ярко горятъ витрины Александра, Треймана, Кнопа, съ изумительными вещами изъ бронзы, тисненой кожи и мрамора. Свѣтъ падаетъ на мокрый гранитъ и отражается мильонами брызгъ. Еще не поздно, но городскіе огни создаютъ впечатлѣніе вечера.

И въ этихъ огняхъ, въ этомъ дождѣ, въ этомъ желтомъ туманѣ есть особое петербургское очарованіе...

Если дойти до Караванной улицы, съ обувнымъ магазиномъ придворнаго поставщика Вейса на самомъ углу, и повернуть къ цирку Чинизелли — по лѣвой сторонѣ виденъ дворецъ и примыкающее къ нему зданіе Михайловскаго манежа. Когда-то, въ этомъ манежѣ, происходилъ еженедѣльный парадъ и разводъ карауловъ, въ высочайшемъ присутствіи. Послѣдній парадъ имѣлъ мѣсто въ день 1 марта 1881 года...

Ворота манежа распахнуты настежь.

Шипятъ фонари съ вольтовою дугой. Матовый свѣтъ заливаетъ огромное помѣщеніе, не имѣющее себѣ равнаго въ столицѣ. И знаменитый залъ меньшиков-

скаго дворца на Васильеостровской набережной, переданный первому кадетскому корпусу, и не менѣе знаменитый бальный залъ морского корпуса, значительно ему уступаютъ.

Въ манежѣ стоитъ гулъ голосовъ. Манежъ наполненъ высшими генералами, командирами гвардейскихъ частей, офицерами и солдатами въ золотыхъ каскахъ кирасирской дивизіи, въ вздѣтыхъ на бекрень уланскихъ киверахъ, въ бобровыхъ гусарскихъ шапкахъ. Посерединѣ манежа тянутся вереницы людей, въ деревенской одеждѣ, въ нагольныхъ тулупахъ, въ армякахъ, въ дубленыхъ романовскихъ полушубкахъ, отъ которыхъ несетъ кислымъ духомъ.

Гвардія комплектуется со всей имперіи.

Черные, какъ смоль, гиганты малорусскихъ губерній, рыжеволосые ярославцы, костромичи, нижегородцы, бѣлокурые съ голубыми глазами великаны-поморы и латыши, все лучшее, все отборнѣйшее, весь цвѣтъ великой страны, пригоняется въ эти хмурые ноябрьскіе дни въ столицу, для распредѣленія по гвардейскимъ полкамъ.

Люди стоятъ въ боязливомъ смущеніи, ошеломленные яркимъ свѣтомъ, озадаченные блескомъ никогда невиданныхъ формъ, присутствіемъ высокаго столичнаго начальства.

А въ группѣ послѣдняго, прежде всего привлекаетъ вниманіе стройная фигура великаго князя Павла. Его породистое лицо, съ коротко подстриженными усами, свѣжо и красиво. По виду онъ напоминаетъ молодого полковника. Однако, уже успѣлъ откомандовать Конною Гвардіей и кирасирской дивизіей, и состоитъ сейчасъ командиромъ гвардейскаго корпуса. Великій князь — вдовецъ. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ его супруга, греческая принцесса Александра Георгіевна, скончалась отъ неудачныхъ родовъ. Дочь Марія и сынъ Дмитрій воспитываются въ Москвѣ, у старшей сестры императрицы, великой княгини Елисаветы.

Тутъ же, рядомъ, стоитъ начальникъ второй гвар-

дейской кавалерійской дивизіи, будущій генералъ-адъютантъ и варшавскій генералъ-губернаторъ Скалонъ. Онъ одѣтъ въ форму варшавскихъ уланъ, высокій, подтянутый, сухощавый, съ медленными движеніями — олицотвореніе выдержки и изящества. У него тактъ, связи, безукоризненная репутація въ сферахъ и при дворѣ, вообще, всѣ данныя сдѣлать карьеру.

Вотъ командиръ лейбъ-казаковъ, сѣдоусый красавецъ генералъ Антонъ Новосильцевъ. Бывшій конногвардеецъ, порастрясшій за время службы въ полку все состояніе, не потерялъ, однако, былой беззаботности и веселаго расположенія духа. Революція застала его въ званіи генералъ-адъютанта. Въ далекой Сербіи, на положеніи бѣженца-эмигранта, застала его смерть.

Вотъ — генералъ Дубенскій. Онъ носитъ форму гродненскаго полка. Изъ подъ распахнутой шинели сверкаютъ серебряные шнуры гусарской венгерки. Кривая сабля волочится, касаясь темлякомъ самой земли. Генералъ очень богатъ, но дарованіями не обладаетъ и, какъ утверждаютъ столичные шутники, вполнѣ оправдываетъ свою фамилію, по сокращенной терминологіи — „Дубъ“.

Въ общемъ же, этотъ влюбленный въ себя холостякъ, съ пушистыми бакенбардами, отнюдь не плохой человѣкъ. Одѣвается безукоризненно, бакенбарды расчесаны волосокъ къ волоску, букетъ парижскихъ духовъ распространяетъ благоуханіе. Но генералъ скуповатъ. И даже никакъ не соберется завести вторую лошадь. А на высочайшихъ парадахъ, чтобы ввести въ заблужденіе начальство, подвязываетъ къ своей короткохвостой кобылѣ длинный арабскій хвостъ.

Вотъ — командиръ кавалергардовъ, румяный, выхоленный генералъ Николаевъ, съ неизмѣнной сигарой въ зубахъ. Утверждаютъ, будто онъ выигралъ въ Англійскомъ клубѣ двѣсти тысячъ рублей и съ тѣхъ поръ играетъ только въ поккеръ и бриджъ.

Рядомъ стоитъ командиръ лейбъ-гусаръ — князь Васильчиковъ, командиръ Павловскаго полка — пред-

ставительный генералъ Ричардъ Траяновичъ фонъ Мевесъ, командиръ конногренадеръ — длинный, сухой, въ пенснэ на близорукихъ глазахъ, великій князь Дмитрій Константиновичъ, всецѣло занятый строевой службой и церковными требами.

Наконецъ, чуть-ли не головой возвышаясь надъ всѣми, на тонкихъ журавлиныхъ ногахъ, стоитъ угловатый, нескладный, узкоплечій командиръ батареи гвардейской конной артиллеріи, великій князь Сергѣй Михайловичъ.

Гремитъ команда и гулъ смолкаетъ:

— Смирно!.. Господа офицеры!..

Въ сопровожденіи начальника штаба, генерала Васмунда, и нѣсколькихъ адъютантовъ, въ манежъ входитъ главнокомандующій, великій князь Владиміръ.

„Грандюкъ“ въ темносѣромъ пальто съ красными отворотами, между которыми сверкаетъ шейный георгіевскій крестъ. На большой сѣдѣющей головѣ великаго князя неуклюже сидитъ генералъ-адъютантская фуражка съ бѣлыми кантами. Весь онъ тяжелый, крупный, медлительный, преждевременно обрюзгшій, но съ слѣдами былой красоты, съ густымъ, низкимъ, рокочущимъ, какъ мѣдный геликонъ, совершенно исключительнымъ голосомъ.

Великій князь здоровается съ генералами, протягиваетъ руку, говоритъ каждому, сопровождая улыбкой и хохотомъ, нѣсколько словъ и приступаетъ къ разбивкѣ.

Адъютантъ вручаетъ великому князю мѣлокъ. „Грандюкъ“ медленно обходитъ выстроенные ряды, вглядывается въ лица людей и, безъ малѣйшей ошибки, одному за другимъ, въ зависимости отъ его внѣшности, выводитъ на груди двѣ-три-четыре буквы:

— Кав... Гр... Кир Его...

— Кавалергардскій! — кричатъ на весь манежъ два исполина-преображенца, съ золотыми шевронами на рукавахъ, въ лихо заломленныхъ безкозыркахъ, вы-

хватывая изъ рядовъ оторопѣвшаго новобранца и, словно мячъ, перебрасывая его изъ рукъ въ руки стоящей на чеку кавалергардской группѣ.

— Лейбъ-гренадерскій! — гремятъ тѣ же зычные голоса.

— Кирасирскій его величества!..

Великій князь, въ сопровожденіи свиты, продолжаетъ разбивку.

Иногда происходятъ комичныя сцены:

— Ваше императорское высочество, дозвольте въ гусары! — робко просится очередной новобранецъ, на груди котораго великій князь вывелъ иныя буквы.

Великій князь пріостанавливается, взглядываетъ на парня, картавя своеобразной манерою спрашиваетъ:

— Въ гусары?.. Почему въ гусары?.. Зачѣмъ въ гусары?..

— Братъ родный тамъ служитъ!.. Ваше высочество, дозвольте въ гусары! — надрывно, захлебываясь отъ робости, волненія и надежды, плачется черноусый дѣтина.

Великій князь улыбается, стираетъ буквы, выводитъ „Л.—Гус“ и бросаетъ рокочущею октавой:

— Годится!.. Добрый будетъ гусаръ!..

Разбивка закончена.

Группы, одна за другой, выходятъ въ широкія ворота манежа. Одна за другой растекаются по мокрымъ, скользкимъ, залитымъ огненнымъ свѣтомъ, мостовымъ невской столицы. Впереди идутъ трубачи. Звуки бодраго марша оглашаютъ оживленныя улицы и проспекты...

А черезъ какую нибудь недѣлю, въ манежѣ уже стучатъ топоры, лязгаютъ пилы, идутъ сложныя приготовленія. Вдоль четырехъ стѣнъ настилается трэкъ, съ крутыми виражами по бокамъ.

Въ декабрѣ начинаются велосипедныя гонки.

Всѣ знаменитости міра, всѣ „мастера педали“ и первоклассные рекордсмены, стайеры, спринтеры, съ наиболѣе громкими именами — нѣмцы Эллегардтъ,

Бадеръ и Родэ, американецъ Бюиссонъ, французъ Метро, австріецъ Кудела, русскіе Уточкинъ и Бутылкинъ — принимаютъ участіе въ состязаніяхъ. Зрѣлища продолжаются до послѣднихъ дней февраля, вплоть до робкой, стыдливой петербургской весны...

ХРОМОЙ ПЕГАСЪ.

Поэтъ, редакторъ „Правительственнаго Вѣстника“ и гофмейстеръ высочайшаго двора — Константинъ Константиновичъ Случевскій, былъ, въ нѣкоторомъ родѣ, моимъ крестнымъ литературнымъ отцомъ.

Онъ проживалъ на Фонтанкѣ, возлѣ Измайловскаго моста, занимая большую барскую квартиру. Съ нимъ жили два старшихъ сына — Константинъ, лейтенантъ гвардейскаго экипажа, даровитый поэтъ, печатавшійся подъ псевдонимомъ „Лейтенантъ С.“, и Владиміръ — мой однополчанинъ.

Старикъ Случевскій разъѣхался съ женой, богатой харьковскою помѣщицей Лонгиновой, жившей въ Царскомъ Селѣ, съ двумя барышнями-дочерьми и младшимъ сыномъ. Въ качествѣ хозяйки и домоправительницы, старый поэтъ держалъ мало интелигентную, но достаточно строптивую молодую особу, что-то вродѣ Анфисы Петровны, отъ которой имѣлъ дочку.

Константинъ Случевскій считался извѣстной величиной на литературномъ Олимпѣ. Онъ началъ съ военной службы. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ семеновскомъ полку, поэтъ подалъ въ отставку, уѣхалъ заграницу и поступилъ въ гейдельбергскій университетъ. Вернувшись въ Россію, съ званіемъ доктора философіи, опредѣлился въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Дальнѣйшая его дѣятельность, если память не измѣняетъ, протекала въ цензурномъ комитетѣ.

Знакомство и близость къ великому князю Владиміру содѣйствовали его карьерѣ. Случевскій былъ произве-

денъ въ чинъ тайнаго совѣтника, пожалованъ придворнымъ званіемъ и назначенъ редакторомъ правительственной газеты.

Синекура эта давала ему двѣнадцать тысячъ рублей и вѣсъ въ офиціальныхъ кругахъ.

Въ моей памяти Случевскій запечатлѣнъ старикомъ крупнаго роста, съ открытымъ широкимъ лбомъ, съ чертами лица, имѣвшими нѣкоторое сходство съ художникомъ Константиномъ Маковскимъ.

Старикъ часто прихварывалъ, страдалъ глазами, въ домашней обстановкѣ носилъ на лбу абажуръ изъ зеленой матеріи и не вылѣзалъ изъ туфлей и халата.

По характеру своего творчества, Случевскій былъ поэтомъ-философомъ. Его литературный багажъ состоялъ изъ нѣсколькихъ томовъ стихотвореній, разсказовъ, философскихъ этюдовъ и очерковъ путешествія по крайнему сѣверу Россіи, которое онъ совершилъ въ обществѣ великаго князя.

Лѣто поэтъ проводилъ обыкновенно на своей дачѣ, подъ Гунгенбургомъ, въ небольшомъ домикѣ на берегу Наровы, окруженномъ сосновымъ боромъ. Здѣсь онъ предавался литературному творчеству и написалъ свои лучшія вещи — „Пѣсни изъ Уголка". Поэтъ писалъ и зимой. Писалъ много, почти ежедневно . . .

Старикъ страдалъ безсонницей и вставалъ очень рано, часовъ въ пять утра. Прямо съ постели, зажигалъ лампу, садился въ халатѣ за письменный столъ и, до разсвѣта, на мелкихъ клочкахъ бумаги, своимъ неровнымъ, крайне неразборчивымъ почеркомъ, писалъ стихи.

Къ восьми часамъ, въ столовой подавался утренній завтракъ и чай. Сидя за самоваромъ и разливая чай, поэтъ читалъ намъ новыя произведенія.

Черезъ часъ приходила Анфиса и чтеніе прекращалось. Строптивая домоправительница не выносила поэзіи . . .

Я имѣлъ смѣлость показать поэту тетрадку своихъ стиховъ. Кто ихъ не пишетъ, имѣя пылкую душу, девятнадцать лѣтъ на плечахъ и весь міръ, лежащій у ногъ?... Случевскій выразилъ одобреніе. Онъ даже предложилъ помѣстить ихъ въ журналъ, остановился почему-то на „Стрекозѣ" и въ тотъ же день написалъ письмо редактору — Ипполиту Михайловичу Василевскому-Буквѣ.

Черезъ нѣсколько дней, съ трубочкой рукописи, я переступилъ впервые редакціонный порогъ, на Фонтанкѣ подъ № 80.

Сидѣвшій за конторкой молодой секретарь освѣдомился о причинѣ визита. Черезъ минуту вышелъ редакторъ, Василевскій-Буква, сухощавый, съ помятымъ лицомъ, съ рыжими, закрученными книзу усами, напоминавшій обликомъ философа Ницше. Онъ милостиво потрепалъ по плечу, принялъ трубочку и представилъ издателю.

Старикъ Корнфельдъ сидѣлъ за столомъ, апатичный, обрюзгшій, съ облысѣвшею головой, съ золотыми очками, спущенными на кончикъ носа. По типу, не то ростовщикъ, не то директоръ частнаго ломбарда. Въ эту минуту, онъ отсчитывалъ золотыми полуимперьялами гонораръ одному изъ сотрудниковъ, извѣстному каррикатуристу-рисовальщику „Оводу" . . .

Корнфельдъ отнесся ко мнѣ съ большою предупредительностью.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что главную роль здѣсь играло покровительство Случевскаго. Какъ бы то ни было, въ очередномъ номерѣ появилось мое первое стихотвореніе, за нимъ другое, третье. Потомъ появились каррикатуры и даже разсказы. Черезъ мѣсяцъ, Корнфельдъ уже отсчитывалъ мнѣ гонораръ тѣми же маленькими золотыми червонцами.

Такимъ образомъ, я сталъ постояннымъ сотрудникомъ.

Я даже сталъ обижаться, когда моя рукопись пра-

вилась посторонней рукой. Корнфельдъ успокаивалъ и говорилъ:

— Не обижайтесь, молодой человѣкъ!... Антошу Чехонте мы тоже правили!...

Случевскій ввелъ меня въ нововременскій литературный и артистическій кружокъ, о которомъ память сохранила любопытныя воспоминанія.

Кое-какія воспоминанія сохранились и о литературныхъ вечерахъ у Случевскаго, въ особенности, когда переѣхавъ на Николаевскую улицу, старый поэтъ, съ нѣсколькими друзьями, предприняль изданіе маленькаго еженедѣльника, называвшагося не то „Вторникомъ", не то „Четвергомъ".

Разъ въ недѣлю, въ этотъ именно день, у старика собирались его пріятели — беллетристы, драматурги, поэты, люди почтеннаго возраста. Можетъ быть, не всѣ звѣзды первой величины, но во всякомъ случаѣ имѣвшіе извѣстное имя.

Въ особенности, запечатлѣлся одинъ, самый молодой по возрасту и самый крупный по дарованію — философъ-поэтъ Владиміръ Соловьевъ. Въ глаза невольно бросалась его оригинальная внѣшность, красивое одухотворенное лицо съ длинными волосами, изящныя руки, мягкій бархатный голосъ. Философъ съ милою снисходительностью относился къ моимъ литературнымъ забавамъ и говорилъ:

— Пегасъ-то нашъ, правда, хромаетъ!.. Ну, да мы его подкуемъ!.. Не унывайте, фельдмаршалъ!

Къ сожалѣнію, Соловьевъ вскорѣ умеръ. Я поступилъ въ военную академію. Моя литературная дѣятельность приняла совершенно иной характеръ...

Случевскій умеръ въ 1904 году.

Черезъ годъ погибъ въ Цусимскомъ бою его старшій сынъ, стройный красавецъ, талантливый „Лейтенантъ С.". Онъ былъ старшимъ миннымъ офицеромъ

на броненосцѣ „Александръ III“, который, какъ извѣстно, послѣ жестокаго обстрѣла японцами, перевернулся вверхъ дномъ и погибъ со всѣмъ экипажемъ. Русскій флотъ потерпѣлъ пораженіе неслыханное, невѣроятное. И вспоминались пророческіе слова того же Владиміра Соловьева:

„О Русь, забудь былую славу,
Орелъ двуглавый посрамленъ
И желтымъ дѣтямъ на забаву
Даны клочки твоихъ знаменъ...“

И вспоминалось строгое, обрамленное длинными волосами лицо философа, съ потустороннимъ, неземнымъ выраженіемъ, маленькія изящныя руки, бархатный голосъ:

— Не унывайте, фельдмаршалъ...

Второй сынъ поэта, Владиміръ, погибъ такъ же трагическимъ образомъ. Выпущенный лейбъ-гвардіи въ кирасирскій ея величества полкъ, по личному желанію шефа, онъ не оправдалъ довѣрія своей покровительницы. Способный и развитой, но крайне слабохарактерный офицеръ, пристрастился къ вину. Слабость эта приняла болѣзненные размѣры.

Дважды отецъ посылалъ его въ спеціальную берлинскую клинику на излеченіе. Временно исцѣлившись, онъ снова возобновлялъ пагубную привычку. Вскорѣ былъ вынужденъ покинуть полкъ, вышелъ въ запасъ и поселился въ материнской усадьбѣ.

Между прочимъ, Владиміръ Случевскій отличался гигантскимъ ростомъ и считался самымъ высокимъ офицеромъ въ гвардейской кавалеріи. Съ кирасирской каской на головѣ достигалъ ровно сажени...

Случай столкнулъ меня съ нимъ, въ варшавской кофейнѣ, въ одинъ изъ весеннихъ дней пятнадцатаго года. По настойчивой просьбѣ, я взялъ его въ штабъ дивизіи, въ качествѣ ординарца.

Шестая кавалерійская дивизія стояла у Старожебъ. Начальникъ дивизіи приказалъ произвести развѣдку

для выбора подходящей позиціи. Случевскій увязался за мной.

Подъѣхавъ къ высотѣ, съ которой можно было наблюдать нѣмцевъ, я предложилъ слѣзть съ коней. Случевскій сталъ укорять меня въ чрезмѣрной предусмотрительности.

Мы поднялись верхомъ.

Нѣмцы тотчасъ открыли по конной группѣ огонь. Первый выстрѣлъ тяжелаго орудія далъ перелетъ. Вторымъ „чемоданомъ", разорвавшимся примѣрно шагахъ въ ста, убило драгуна и лошадь. Мой помощникъ, генеральнаго штаба капитанъ Виттекопфъ, ставшій въ періодъ гражданской войны въ Сибири хорошо извѣстнымъ, подъ именемъ генерала Бѣлова, былъ раненъ въ грудь. Случевскій же, осколкомъ величиной съ грецкій орѣхъ, былъ тяжело раненъ въ лопатку.

Въ полномъ сознаніи, съ удивительной выдержкой перенося мучительныя страданія, онъ жилъ до вечера. На прощанье попросилъ у меня папиросу, передалъ никелевые часы и девяносто пять рублей денегъ, обмѣнялся поцѣлуемъ и, черезъ минуту, замолкъ навсегда...

СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТЪ.

Внукъ великаго полководца, генералъ-адъютантъ Александръ Аркадьевичъ князь Италiйскiй графъ Суворовъ-Рымникскiй, со смертью сына, являлся единственнымъ представителемъ славнаго рода.

У него были двѣ дочери.

На одной изъ „суворочекъ" женился конногвардеецъ Козловъ, извѣстный въ великосвѣтскомъ обществѣ подъ кличкой — „Le beau Cozloff".

Въ весеннiе петербургскiе дни, когда пахнетъ неясными ароматами и въ Лѣтнемъ Саду наливаются почки, можно было видѣть на Набережной крупнаго, представительнаго полковника, въ адъютантской формѣ, совершавшаго, для моцiона, въ сопровожденiи нѣсколькихъ фоксъ-террьеровъ, утреннюю прогулку.

Козловъ занимался собаками и коллекцiонировалъ старинный фарфоръ. Что касается службы, она его занимала постолько, посколько была связана съ правомъ ношенiя красивыхъ серебряныхъ аксельбантовъ и мечтами о превосходительномъ чинѣ.

Козловъ состоялъ при военномъ министрѣ.

Въ тысяча девятьсотомъ году, въ день столѣтiя со дня смерти Суворова, въ александро-невской лаврѣ была панихида.

Служба протекала въ торжественной обстановкѣ, въ присутствiи высочайшихъ особъ, депутацiй отъ гвар-

дiи и шефскихъ полковъ, потомковъ генералиссимуса. Среди нихъ вспоминаются Молоствовы и Башмаковы. Припоминается плита съ лаконической надписью:

„Здѣсь лежитъ Суворовъ"

А въ центрѣ вниманiя находилась фигура правнучки, пожилой и невзрачной „суворочки", въ глубокомъ траурѣ, и рядомъ — представительная масса полковника.

Козловъ, напоминавшiй общимъ видомъ болгарскаго царя, Фердинанда Кобургскаго, былъ въ приподнятомъ настроенiи и держалъ себя имянинникомъ. Лицо его сiяло самодовольствомъ. Онъ милостиво принималъ знаки сочувственнаго вниманiя, цѣловалъ ручки высокопоставленнымъ дамамъ и, почтительно склонивъ голову, отвѣшивалъ поклоны высочайшимъ особамъ.

По слухамъ, къ нему переходилъ титулъ.

Объ этомъ говорили открыто. Козловъ не отрицалъ этой версiи. Многiе ему завидовали и считали истиннымъ баловнемъ счастья.

Слухи эти не оправдались.

Неизвѣстно по какой причинѣ, но всеподданнѣйшее прошенiе и ходатайства влiятельныхъ лицъ были государемъ отклонены.

„Le beau Cozloff" былъ глубоко огорченъ.

Съ началомъ русско-японской войны, полковникъ Козловъ послѣдовалъ съ Куропаткинымъ на театръ военныхъ дѣйствiй. Онъ находился при главной квартирѣ и состоялъ по „гофмаршальской" части, завѣдывая штабною столовой.

Черезъ годъ, Козловъ вернулся въ Петербургъ генераломъ, съ иконостасомъ боевыхъ орденовъ. Полученная контузiя требовала, по его словамъ, продолжительнаго леченiя. Онъ ежедневно заходилъ въ главный штабъ, жаловался на разстроенное здоровье и наводилъ справки о георгiевскомъ крестѣ.

Садился на стулъ, опирался обѣими руками на эфесъ шашки и, съ снисходительнымъ видомъ, слегка грассируя, разсказывалъ окружавшимъ о боевыхъ операціяхъ, о кровопролитныхъ битвахъ съ „макаками“, объ участіи въ тяжелыхъ баталіяхъ.

— Да-съ, государи мои! — говорилъ онъ, молодцевато выпячивая крутую грудь и играя кисточкой краснаго темляка. — Нехорошо-съ!.. Вы вотъ все критикуете, а мы воюемъ... Кровь не чернила, государи мои!.. Читали послѣднюю реляцію его высокопревосходительства главнокомандующаго?..

Въ устахъ завѣдывавшаго штабною столовой это звучало комично. Но выслушивали его со вниманіемъ. И даже тогда, когда придавъ лицу скорбное выраженіе, заводилъ рѣчь о контузіи. По виду же былъ сытый, здоровый, отъѣвшійся боровъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ, любилъ разсказывать о Статутѣ. Онъ зналъ его, кажется, наизусть:

— Тотъ, кто презирая опасность, кто рискуя собственной жизнью, захватитъ съ боя непріятельское орудіе, или знамя, или штандартъ, или завладѣетъ участкомъ позиціи, или учинитъ... и такъ далѣе.

Георгіевскій крестъ, какъ, въ свое время, княжескій титулъ, былъ также, къ сожалѣнію, отклоненъ.

Подозрѣвалъ-ли въ эту минуту бѣдный Козловъ, что другой крестъ готовится ему въ самомъ ближайшемъ будущемъ?

Это произошло черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Прогуливаясь въ петергофскомъ паркѣ, съ своими собаками, Козловъ сталъ жертвой террористическаго акта.

Нелѣпаго, глупаго.

Его убила шалая революціонерка, принявъ за петербургскаго генералъ-губернатора Трепова.

Акта тѣмъ болѣе глупаго, что „Le beau Cozloff“ занимался исключительно собаками и фарфоромъ, а на Трепова не походилъ ни складомъ характера, ни лицомъ, ни даже фигурой...

АВАНГАРДНЫЙ ГЕНЕРАЛЪ.

1.

Герой отечественной войны, Яковъ Петровичъ Кульневъ, родился въ Люцинѣ въ 1763 году.

Окончивъ шляхетскій кадетскій корпусъ, съ награжденіемъ серебряною медалью, Кульневъ былъ выпущенъ поручикомъ въ Черниговскій пѣхотный полкъ.

Но Кульневу видимо на роду было написано стать славнымъ кавалеристомъ. Переведенный вскорѣ въ Санктпетербургскій драгунскій полкъ, онъ отправился съ полкомъ въ турецкій походъ.

Отвага молодого поручика, въ сраженіи при Бендерахъ, отмѣчена свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ. Во время польской кампаніи, когда въ бою подъ Брестъ-Литовскомъ, смѣлая кавалерійская атака рѣшила участь сраженія, на Кульнева обращаетъ вниманіе старикъ Суворовъ. При кровавомъ штурмѣ Праги, первымъ, вскочившимъ съ своими конными егерями въ городъ, былъ Кульневъ.

Затѣмъ, наступаетъ періодъ вынужденнаго бездѣйствія.

Кульневъ не участвуетъ въ итальянскомъ походѣ. Въ письмѣ къ брату звучатъ грустныя ноты:

— Мнѣ скучно стало не видать перемѣны въ моей службѣ!.. Впрочемъ, у войны свои прихоти... La guerre a ses faveurs, ainsi que ses disgraces!.. Надобно во всемъ полагаться на волю Божью!..

Судьба готовила Кульневу награду, увѣковѣчивъ вскорѣ именемъ храбрѣйшаго генерала.

Переведенный въ Гродненскій гусарскій полкъ, переименованный впослѣдствіе, за отличіе, въ Клястицкій, полковникъ Кульневъ выступилъ въ походъ 1807 года и тотчасъ заставилъ о себѣ говорить. Сраженія при Гутштадтѣ, Гейльсбергѣ, Фридландѣ — неразрывно связаны съ именемъ Кульнева. Начало войны со шведами и новое назначеніе въ дѣйствующую армію, даютъ поводъ ему воскликнуть:

— Люблю матушку Россію за то, что у насъ всегда гдѣ нибудь да дерутся!..

Неукротимый вояка вписываетъ въ этой войнѣ одну изъ наиболѣе блестящихъ страницъ въ исторію русской конницы.

Въ качествѣ начальника авангарда, Кульневъ трижды проходитъ насквозь Финляндію, въ безпрерывныхъ бояхъ, день и ночь не сходя съ коня, ночуя на бивакахъ среди снѣговъ, всегда съ свѣжими лаврами, нерѣдко безъ куска хлѣба. Ибо никакіе обозы не могли поспѣвать за его конницей.

Наконецъ, съ летучимъ кавалерійскимъ отрядомъ, Кульневъ переходитъ по льду Ботническій заливъ и неожиданно появляется подъ стѣнами Стокгольма. Фридрихсгамскій миръ передаетъ Россіи Финляндію и Аландскіе острова. Кульневъ получаетъ отъ императора шейный георгіевскій крестъ и пять тысячъ рублей золотомъ.

Онъ не оставляетъ себѣ ни копейки и всѣ деньги отдаетъ матери...

А потомъ, слѣдуетъ борьба на Дунаѣ. Кульневъ и здѣсь, какъ всегда, состоитъ начальникомъ авангарда. Быстро, одна за другой, слѣдуютъ сдача Силистріи, битва при Янтрѣ и Батинская баталія, за которую пылкій кавалеристъ получаетъ золотую саблю съ алмазами.

Наступаетъ двѣнадцатый годъ...

2.

Отечественная война застаетъ Кульнева шефомъ или, говоря проще, командиромъ Гродненскаго гусарскаго полка. Полкъ входилъ въ составъ корпуса Витгенштейна, прикрывавшаго путь на столицу.

При вторженіи Наполеона, корпусъ занималъ Россіены. Наступленіе маршала Удино ставитъ корпусъ въ опасное положеніе, отрѣзывая отъ главныхъ силъ. Кульневъ, на этотъ разъ, командуетъ арьергардомъ, и всю тяжесть удара принимаетъ на свой отрядъ.

Судьба приводитъ его дѣйствовать на поляхъ, гдѣ беззаботно протекло его дѣтство. Онъ будто предчувствуетъ свой рокъ. Смѣлый и бодрый, онъ становится задумчивъ больше обыкновеннаго. Получивъ передъ началомъ войны аренду въ тысячу золотыхъ рублей, онъ отдаетъ ее въ приданое своей юной племянницѣ. При отступленіи къ берегамъ Двины, пишетъ брату:

— Если паду отъ меча непріятельскаго, то паду славно, почитая счастьемъ послѣднею каплею крови жертвовать защитѣ отечества... Молись за меня Богу!..

Не взирая на натискъ маршала Удино, корпусъ въ порядкѣ отходитъ къ Дрисскому лагерю. Кульневъ переправляется черезъ Двину, отличается на развѣдкѣ и, захвативъ въ плѣнъ двѣсти „гишпанцевъ“ и французскій отрядъ, съ генераломъ Сенъ-Жени во главѣ, первый даетъ донесеніе о движеніи арміи Наполеона.

Кульневъ занималъ штабъ-квартиру въ монастырѣ бернардиновъ. Святые отцы не слишкомъ изнуряли свою плоть постомъ и погреба ихъ не уступали погребамъ ясновельможныхъ польскихъ пановъ. Кульневъ опоилъ плѣнныхъ французовъ польскимъ медомъ и, за чаркой вина, вывѣдалъ всю подноготную. Рыцарь душой, онъ избѣгалъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Донесеніе Кульнева сыграло крупную роль.

Вѣсть объ удачѣ Кульнева, первомъ значительномъ дѣлѣ въ отечественную войну, взятіе въ плѣнъ

перваго французскаго генерала, дѣлаетъ имя Кульнева широко извѣстнымъ и популярнымъ. Репутація его упрочена окончательно. Имя „авангарднаго генерала“ гремитъ по всей арміи. На Сенъ-Жени, привезеннаго въ Москву, народъ сбѣгался смотрѣть, какъ на диво...

19 іюля произошелъ Клястицкій бой.

Послѣ дѣятельнаго участія въ этой памятной битвѣ, Кульневъ преслѣдуетъ отступающихъ французовъ. Преслѣдованіе ведется горячо и успѣшно. Кульневъ захватываетъ весь французскій обозъ и девятьсотъ плѣнныхъ.

Рѣшительная побѣда подъ Клястицами подымаетъ духъ русской арміи. Французы перестали считаться непобѣдимыми. Солдаты сложили даже веселую пѣсенку:

„Не боимся Удино,
Онъ для насъ одно дерьмо!..“

Кульневъ гналъ противника безъ передышки и, въ ожиданіи „сикурса“, оторвался отъ главныхъ силъ. Увлеченный преслѣдованіемъ и „ретирадой“ французовъ, на другой день, въ дождливое туманное утро, неожиданно бросается на бригаду генерала Корбино, опрокидываетъ ее и натыкается на главныя силы противника.

Силы его многочисленны. Кульневъ тщетно пытается остановить натискъ французовъ. Лично предводительствуя Гродненскимъ гусарскимъ полкомъ, бросается нѣсколько разъ въ атаку. Всѣ усилія безполезны.

Кульневъ переводитъ отрядъ на правый берегъ Дриссы. Удрученный боевой неудачей, слѣзаетъ съ коня и, ставъ у орудія, самъ наводитъ пушку на непріятельскую колонну.

Французское ядро отрываетъ ему обѣ ноги выше колѣна...

Тѣло Кульнева было предано землѣ, близъ деревни Сивошина. Нѣсколько елей оттѣняли камень, на которомъ было начертано:

„На семъ мѣстѣ палъ, увѣнчанъ побѣдою, храбрый Кульневъ, какъ вѣрный сынъ, за любезное отечество сражаясь. Славный конецъ его подобенъ славной жизни. Оттоманъ, Галлъ, Германецъ, Шведъ зрѣли его мужество и неустрашимость на полѣ чести. Стой, прохожій, кто бы ты ни былъ, гражданинъ или воинъ, и почти память его слезою!“

3.

Кульневъ палъ сорока девяти лѣтъ, отдавъ тридцать изъ нихъ войнѣ и походамъ. Онъ былъ виднаго роста и сухощавъ. Темнорусые волосы рано пробила сѣдина. Смуглое лицо, крупный носъ, черные глаза подъ нависшими бровями, усы и огромные бакенбарды, придавали ему суровый видъ. Въ обществѣ былъ молчаливъ и задумчивъ. Горе и нужда рано познакомились съ нимъ.

Недостатокъ средствъ заставилъ его, съ молодыхъ лѣтъ, быть неприхотливымъ. Привыкшій къ умѣренности, онъ ѣлъ простую солдатскую пищу, носилъ доломанъ изъ грубаго солдатскаго сукна, съ единственнымъ отличіемъ — шейнымъ георгіевскимъ крестомъ. Не любилъ разгула и шумныхъ гусарскихъ пирушекъ.

Но подъ суровою оболочкой скрывалось горячее сердце, умъ, образованность. Ласковый съ подчиненными и боготворимый солдатами, Кульневъ былъ неумолимъ и строгъ по службѣ. Въ характерѣ героя было не мало суворовскихъ чертъ:

— Живу по донъ-кишотски! — говаривалъ онъ пріятелямъ. — Странствующимъ рыцаремъ Печальнаго Образа, безъ кола и двора, но милости прошу пожаловать!.. Голь на выдумки хитра!.. Попотчую собственнымъ стряпаньемъ и чѣмъ Богъ послалъ!..

Въ письмахъ къ брату попадаются слѣдующія фразы:

— „Подражаю полководцу Суворову и, кажется, достоинъ того, что меня называютъ ученикомъ сего великаго человѣка... А въ общемъ, прозябаю въ величіи нищеты римской... Ты скажешь — это химера?.. Отнюдь нѣтъ... Чтеніе Квинта Курція есть безпрестанное мое упражненіе“...

Таковъ былъ Кульневъ въ обстановкѣ мирнаго времени.

Въ бою онъ перерерождался. Былъ веселъ, шутливъ, разговорчивъ и тѣмъ веселѣе, чѣмъ больше было опасности. Свистъ пуль и грохотъ орудій приводили его въ восторгъ. Онъ забывалъ себя и ежеминутно рисковалъ жизнью.

Когда бой утихалъ, къ Кульневу возвращалось обычное хладнокровіе. Начальствуя авангардомъ при наступленіи, аррьергардомъ при отступленіи, не сходилъ съ коня днемъ, не снималъ сабли ночью, при первомъ выстрѣлѣ появлялся въ передовой линіи:

— Не сплю для того, чтобы другіе спокойно спали!

Подобной же бдительности и исполненія долга требовалъ отъ каждаго офицера, и горе тому, кто выказывалъ лѣнь или небрежность. Въ бою требовалъ не пригибаться и не кланяться ядрамъ, а замѣтивъ „поклонниковъ“, накидывался съ саблей, угрожая „изрубить на куски“.

Но въ настоящее бѣшенство приводили его малодушіе или обида, нанесенная мирнымъ жителямъ. Ненасытный и неукротимый въ бою, Кульневъ не могъ, безъ волненія, наблюдать страданія человѣка и даже животнаго...

Блестящими подвигами и чертами характера, Кульневъ пріобрѣлъ славу истиннаго героя, которую упрочила его кончина — перваго русскаго генерала, павшаго въ отечественную войну.

Вся Москва облеклась въ трауръ.

Когда знаменитая пѣвица Сандунова запѣла въ театрѣ: „Слава, слава, генералу Кульневу, положившему

животъ за отечество!“, зрители залились слезами и крики „ура!“ смѣшались съ рыданіемъ. Смерть Кульнева Жуковскій облекъ въ плѣнительные стихи:

„Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ, главу на щитъ склонилъ
И стиснулъ мечъ во длани.

Гдѣ жизнь судьба ему дала —
Тамъ брань его сразила,
Гдѣ колыбель его была —
Тамъ днесь его могила!..“

Въ 1831 году прахъ героя перевезенъ въ Ильзенбергъ, Рѣжицкаго уѣзда, и надъ нимъ воздвигнутъ былъ храмъ. Гробница, съ прикованнымъ къ ней французскимъ ядромъ, поддерживается до сей поры. Въ 1911 году, ближайшая станція — Межвиды, по высочайшему повелѣнію, была переименована въ Кульнево. Герой числился шефомъ 6-го Клястицкаго и лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскихъ полковъ. Въ Люцинѣ долго существовалъ, показывавшійся, какъ достопримѣчательность города, домъ, въ которомъ Кульневъ провелъ свое дѣтство...

Заканчивая портретъ Кульнева, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о потомкахъ.

Одинъ изъ внуковъ, генералъ-маіоръ Илья Яковлевичъ Кульневъ, былъ, вскорѣ послѣ убійства, въ 1905 году, генерала Мина, назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Назначеніе это объяснялось не столько личными заслугами, сколько уваженіемъ къ имени славнаго дѣда.

Два старшихъ сына Ильи Яковлевича были друзьями моей юности.

Одинъ изъ нихъ — мичманъ Николай Кульневъ, погибъ въ Цусимскомъ бою, на флагманскомъ броненосцѣ „Князь Суворовъ“.

Другой — лейтенантъ Илья Кульневъ, погибъ въ послѣднюю войну, во время развѣдки на гидропланѣ, въ Балтійскомъ морѣ...

ВЕЛИКОСВѢТСКІЯ ДУЭЛИ.

Старый, освященный традиціями обычай, перенесенный въ русское общество приблизительно къ серединѣ александровской эпохи, наряду съ идеями энциклопедистовъ и лозунгами французской революціи, получилъ достаточно широкое распространеніе.

Однако, дуэль не была еще узаконена и преслѣдовалась властями. А виновники, независимо отъ того, переселялся-ли одинъ изъ участниковъ съ береговъ Невы на берега Ахерона или же поединокъ кончался легкимъ раненіемъ и даже совершенно безкровно, несли заслуженную кару.

Только много позднѣе, въ царствованіе послѣдняго императора, этотъ обычай вошелъ въ обиходъ русскаго, притомъ исключительно военнаго общества. Дуэль уже не разсматривалась, съ точки зрѣнія уголовнаго кодекса, какъ преступленіе. Участники освобождались отъ наказанія. Поединокъ, сплошь и рядомъ, считался единственнымъ средствомъ смыть оскорбленіе и возстановить честь мундира.

Въ этихъ случаяхъ, столкновенія между военнослужащими — только лишь между лицами, носящими офицерскій мундиръ — вносились на разсмотрѣніе суда чести и послѣдній выносилъ постановленіе. Подчиненіе ему было обязательнымъ. Въ противномъ случаѣ, виновный исключался изъ рядовъ арміи. Дуэль происходила на огнестрѣльномъ оружіи, по преимуществу, на гладкоствольныхъ дуэльныхъ пистолетахъ, безъ мушки, въ соотвѣтствіи съ правилами, разработанными, на этотъ счетъ, въ спеціальномъ „Кодексѣ Дурасова“.

Противниковъ разводили на соотвѣтствующую дистанцію. Одинъ изъ секундантовъ подавалъ предварительную команду: „Начинай!“ ... Послѣ чего, слѣдовалъ счетъ: „Разъ!... Два!... Три!“ ... Въ теченіе этаго промежутка, противники имѣли право обмѣняться выстрѣломъ. По командѣ: „Стой!“, дуэль прекращалась ...

Воспоминанія воскрешаютъ цѣлый рядъ подобныхъ дуэлей. Время дѣйствія — послѣдніе годы царствованія Александра III и вся послѣдующая эпоха, вплоть до великой войны. Мотивы, приводившіе къ столкновеніямъ, самые разнообразные. Въ центрѣ стоитъ, конечно, женщина. Изъ за нее, какъ и во времена глубокой давности, скрещивались шпаги, звучали сабельные клинки, гремѣли пистолетные выстрѣлы.

Столкновенія происходили и на почвѣ служебной, спортивной и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже на политической. Въ основѣ ихъ лежалъ мотивъ нерѣдко весьма серьознаго свойства. И во всякомъ случаѣ, поединки въ средѣ русскаго общества нельзя сравнить съ тѣмъ, что создали, въ этомъ отношеніи, миньоны и жантильомы французскихъ Людовиковъ, дравшіеся на шпагахъ по всякому поводу и даже безъ достаточныхъ основаній, что такъ картинно отображено въ извѣстномъ стихотвореніи:

— „Но чѣмъ тогда былъ вызванъ поединокъ?...
— „Брюнеткамъ онъ предпочиталъ блондинокъ!“
— „И только-то?... Красивыхъ, монсиньоръ,
Тѣхъ и другихъ довольно есть въ Парижѣ?...“
— „Ты правъ!“ — сказалъ ему съ усмѣшкою бреттеръ.
Тѣмъ больше, что сейчасъ я увлекаюсь рыжей!“

Однимъ изъ первыхъ по воспоминаніямъ, является поединокъ между двумя кавалергардскими офицерами — княземъ Арсеніемъ Карагеоргіевичемъ, братомъ будущаго сербскаго короля Петра I, и молодымъ графомъ Мантейфелемъ.

Князь Карагеоргіевичъ или, какъ звали его въ столичныхъ кругахъ, „прэнсъ Арсенъ", женатый на красавицѣ Аврорѣ Павловнѣ Демидовой, одной изъ наиболѣе эффектныхъ женщинъ петербургскаго высшаго свѣта, съ лицомъ и фигурой античной богини, имѣлъ всѣ данныя потребовать крови противника.

Будучи великолѣпнымъ стрѣлкомъ, князь ручался, что обезвредитъ соперника и лишитъ его навсегда успѣховъ у женщинъ. Дуэль состоялась. Волненіе или другая причина помѣшали князю Арсену привести свой умыселъ въ исполненіе. Молодой графъ отдѣлался лишь раной въ животъ . . .

Приблизительно къ тому же времени относится дуэль между двумя офицерами лейбъ-гвардіи Павловскаго полка — княземъ Николаемъ Петровичемъ Вадбольскимъ и поручикомъ Ломоносовымъ.

Офицеры были друзьями и даже проживали на одной квартирѣ. Спокойный, выдержанный, уравновѣшанный князь былъ, за картами, незаслуженно оскорбленъ склоннымъ къ язвительнымъ выпадамъ Ломоносовымъ. Попытки къ примиренію вчерашнихъ друзей оказались безплодными. Князь рѣшительно отказался отъ примиренія и на послѣдовавшей дуэли убилъ противника наповалъ.

Присужденный къ тремъ годамъ заключенія въ крѣпости, князь Вадбольскій былъ вскорѣ помилованъ, поступилъ въ военную академію и впослѣдствіе сдѣлалъ недурную карьеру. На войнѣ командовалъ кавалерійской дивизіей и даже корпусомъ ...

На почвѣ служебныхъ недоразумѣній произошелъ поединокъ между лейбъ-гусарами — Безобразовымъ и Лихаревымъ. Это совпало, по времени, съ скрытой борьбой двухъ теченій, представленныхъ въ лицѣ двухъ великихъ князей, изъ которыхъ одинъ покидалъ ряды полка, другой назначался его командиромъ, ставъ съ

этихъ поръ прочно на путь своей дальнѣйшей блестящей карьеры. Присяжный столичный памфлетистъ Мятлевъ не замедлилъ, кстати, отмѣтить эту борьбу четверостишіемъ:

„Предвидя Павла изгнаніе
И чуя въ немъ ангела падшаго,
Принялись всѣ опять за лобзаніе
Николай Николаича Младшаго..."

На происшедшей дуэли, Лихаревъ былъ тяжело раненъ, оставилъ полкъ и поселился въ усадьбѣ. Безобразовъ впослѣдствіе командовалъ кавалергардами, на войнѣ былъ командиромъ гвардейскаго корпуса и, незадолго до революціи, въ званіи генералъ-адьютанта, закончилъ военную службу...

Къ болѣе позднимъ по времени, относится дуэль между конногвардейцемъ Дерожинскимъ и извѣстнымъ ѣздокомъ-спортсменомъ, лейбъ-гусаромъ Маркозовымъ, изъ за балерины Павловой I. Дуэль не имѣла трагическаго исхода. Противники безрезультатно обмѣнялись выстрѣлами, честь была спасена и балерина перешла къ счастливому лейбъ-гусару.

Дерожинскій, вслѣдъ за тѣмъ, вышелъ изъ рядовъ Конной Гвардіи и поступилъ въ Горный Институтъ. Маркозовъ, въ періодъ гражданской войны, былъ зарубленъ на югѣ большевиками...

Дуэль изъ за недоразумѣній на спортивной почвѣ, между ахтырскимъ ротмистромъ Лисаневичемъ и адъютантомъ командующаго одесскимъ военнымъ округомъ, Папалазаремъ, такъ же не имѣла рокового исхода. Пуля, скользнувъ по аксельбанту, рикошетировала и спасла Папалазарю жизнь.

Поединокъ на той же почвѣ между непобѣдимымъ въ свое время спортсменомъ, ротмистромъ нарвскаго драгунскаго полка, барономъ Ренне, и штабсъ-ротмистромъ Петриченко, закончился раненіемъ послѣдняго въ ногу...

Весьма трагическимъ образомъ завершилась дуэль

между офицеромъ императорскаго конвоя, свѣтлѣйшимъ княземъ Александромъ Сайнъ-Витгенштейномъ, и числившимся по армейской кавалеріи, подполковникомъ Максимовымъ, незадолго передъ тѣмъ вернувшимся съ англо-бурской войны, въ которой выступалъ на сторонѣ буровъ. Блестящій стрѣлокъ, всаживавшій пулю въ туза на разстояніе въ двадцать пять шаговъ, Максимовъ былъ опаснымъ противникомъ. Князь Сайнъ-Витгенштейнъ былъ убитъ наповалъ.

Извѣстна дуэль между двумя офицерами лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка — Ильенко и Половцевымъ, будущимъ главнокомандующимъ войсками петроградскаго военнаго округа, въ первый періодъ „великой-безкровной". Причиной дуэли явилась одна варшавская артистка. Ильенко былъ раненъ въ щеку. Отвѣтная пуля, скользнувъ по костыльку гусарской венгерки, лишь сбила Половцева съ ногъ.

Впослѣдствіе, полковникъ Ильенко достойно участвовалъ на войнѣ, въ рядахъ своего полка заработалъ георгіевскій крестъ, а въ настоящее время, по слухамъ, проживаетъ въ совѣтской Россіи, какъ обыкновенный крестьянинъ . . .

Многіе помнятъ, конечно, и такъ называемую „генеральскую дуэль", между генералами барономъ Бистромъ и Баумгартеномъ, носившими одну и ту же форму уланскаго его величества полка. Поединокъ произошелъ на служебной почвѣ и закончился тѣмъ, что пистолетная пуля пронизала лишь полу сюртука генерала Баумгартена . . .

Много шума надѣлалъ, въ свое время, поединокъ между конногвардейцемъ графомъ Мантейфелемъ и княземъ Юсуповымъ графомъ Сумароковымъ-Эльстонъ, старшимъ братомъ извѣстнаго, въ связи съ убійствомъ Распутина, князя Феликса Юсупова. Дуэль произошла изъ за оскорбленія супружеской чести графа Мантейфеля. Князь Юсуповъ былъ убитъ наповалъ . . .

Наконецъ, непосредственно за нѣсколько лѣтъ до войны, состоялась дуэль между конногвардейцами Бискупскимъ и Золотницкимъ, изъ за той роли, которую жена перваго, Анастасія Дмитріевна Вяльцева, желала играть въ полковой средѣ.

Какъ извѣстно, по установившейся традиціи, бракъ гвардейскаго офицера съ артисткой, обусловливалъ уходъ его изъ полка. Такимъ образомъ, напримѣръ, ротмистръ Корибутъ-Дашкевичъ, женившійся на артисткѣ императорской оперы, Мравиной, былъ вынужденъ покинуть лейбъ-уланскій полкъ. Былъ еще рядъ примѣровъ. Случай съ Бискупскимъ, продолжавшимъ служить въ Конной Гвардіи, являлся, пожалуй, единственнымъ исключеніемъ.

На происшедшей дуэли, Золотницкій былъ раненъ въ ногу и оба противника вскорѣ покинули полкъ...

На этомъ кончается, болѣе или менѣе, перечень тѣхъ дуэлей, которые, еще въ сравнительно недавніе дни, имѣли мѣсто въ императорскомъ Петербургѣ. Можно отмѣтить еще поединокъ, на политической почвѣ, между членомъ III государственной Думы, Гучковымъ, и пріобрѣвшимъ впослѣдствіе печальную извѣстность, жандармскимъ полковникомъ Мясоѣдовымъ...

Въ заключеніе, остается сказать нѣсколько словъ про дуэль, въ рядахъ русской эмиграціи. Поединокъ этотъ носилъ, впрочемъ, не столько трагическій, сколько комическій отпечатокъ.

Извѣстный генералъ П., выразившійся не вполнѣ одобрительно по адресу великаго князя Кирилла, получилъ оскорбленіе дѣйствіемъ отъ нѣкоего флотскаго лейтенанта. Поединокъ былъ прекращенъ своевременнымъ вмѣшательствомъ парижской полиціи. Тогда, по обоюдному соглашенію, дуэль была перенесена въ Монте-Карло. И такъ какъ, ни лейтенантъ, ни его секун-

данты, не имѣли средствъ для подобнаго путешествія, генералъ П. обезпечилъ всѣмъ проѣздные билеты.

Дуэль состоялась на территоріи князя Монакскаго. Лейтенантъ получилъ въ ногу кусочекъ свинца и, на средства противника, былъ помѣщенъ въ лечебницу на излеченіе . . .

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПУШКА.

Владимиръ Христофоровичъ Роопъ сталъ совершенно несносенъ, послѣ того, какъ конногренадерская кобыла откусила ему мизинецъ. Человѣкъ тяжелаго, мелочнаго, непріятнѣйшаго характера.

Зато, въ другихъ отношеніяхъ, этотъ Парисъ тевтонскихъ кровей заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

Это именно онъ, бывшій аташе въ Вѣнѣ, аккредитованный при его апостолическомъ и королевскомъ величествѣ, императорѣ Францѣ Іосифѣ, вывелъ на чистую воду шпіона, русскаго полковника Гримма, продавшаго планы варшавской мобилизаціи австрійскому генеральному штабу.

Именно онъ, классическій Натъ Пинкертонъ въ военномъ мундирѣ, въ свою очередь и въ свое время, добылъ. хранившійся подъ семью замками, планъ австрійской крѣпости — Перемышля.

Это не мѣшало ему пользоваться вниманіемъ стараго императора и блестящимъ успѣхомъ у вѣнскихъ аристократокъ, на шеннбрунскихъ придворныхъ балахъ . . .

Владимиръ Христофоровичъ Роопъ командуетъ на войнѣ шестой кавалерійской дивизіей. Армейскіе шутники прозвали дивизію „ропкой“. Конечно, это была только забавная игра словъ. Ибо въ боевомъ отношеніи дивизія отнюдь не уступала другимъ и командармъ былъ о ней весьма лестнаго мнѣнія . . .

Война еще не приняла характеръ позиціонной и конница — „глаза и уши арміи“, имѣла свободу дѣйствій.

Это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что боевыя операціи происходили въ открытомъ полѣ, не стѣсненномъ окопами съ проволочными сѣтями. Конечно, рейдъ на Берлинъ исключался по многимъ соображеніямъ. Но смѣлый бросокъ на дистанцію въ полперехода, ударъ въ тылъ пѣхотной колоннѣ или во флангъ непріятельской кавалеріи, дали не одну героическую страничку . . .

Въ декабрѣ четырнадцатаго года, шестая кавалерійская дивизія, выдвинутая въ видѣ завѣсы на лѣвомъ флангѣ армейскаго фронта, оперировала въ районѣ Плоцка. Два полка стояли сосредоточенно. Два другіе полка, выбросивъ длинные щупальцы, подъ именемъ „развѣдывательныхъ эскадроновъ", производили поискъ противника.

Развѣдка установила, что въ селеніи Старожебы стоитъ пушечный взводъ, съ гусарскимъ прикрытіемъ. Два прусскихъ орудія, съ разсвѣтомъ, занимаютъ позицію и тревожатъ приближающіеся къ нимъ эскадроны. Мало того, повременамъ переносятъ огонь и гвоздятъ по ближайшимъ деревнямъ.

Поведеніе дерзкаго взвода требовало принятія мѣръ, быстрыхъ, рѣшительныхъ, соотвѣтствующихъ коннымъ задачамъ. Другими словами, переводя на языкъ тактики, противникъ долженъ быть сокрушенъ ударомъ сабельнаго клинка.

Начальникъ дивизіи именно такъ понималъ эту задачу . . .

Получивъ донесеніе, генералъ Роопъ подбодрился:

— Вотъ трофей, который просится въ руки! . . Упустить подобный случай нельзя! . . Въ точку удара необходимо сосредоточить превосходныя силы, создать маневръ съ охватомъ фланга и тыла, выставить боковой заслонъ — и успѣхъ обезпеченъ!

И генералъ Роопъ шлетъ приказъ генералу Штемпелю:

„Ввѣренной вамъ бригадѣ взять нѣмецкія пушки".

Получивъ приказъ, баронъ Штемпель задумался.

Затѣмъ, взглянулъ мрачно въ окно, за которымъ падала ночь . . . Лютъ декабрскій морозъ . . . Вѣтрены безснѣжныя польскія зимы . . . За окномъ вьюга, гололедица, мракъ! .

Генералъ Штемпель, съ раздраженіемъ, швырнулъ окурокъ сигары и закурилъ свѣжую. На минуту задумался снова. Потомъ досталъ полевую книжку для донесеній и своимъ неувѣреннымъ, слегка дѣтскимъ, круглымъ, какъ яблоки, почеркомъ начерталъ:

Полковнику Каншину.
„Ввѣренному вамъ полку взять нѣмецкія пушки".

Полковникъ Каншинъ — доблестный командиръ волынскихъ уланъ. Всегда держится въ головѣ, молодцеватый, невозмутимый, производя однимъ видомъ бодрое впечатлѣніе. Хоть въ какой морозъ, хотя бы рождественскій, Петръ Павловичъ въ одномъ, подбитымъ овчиною, хаки, въ лакированныхъ сапогахъ, съ лихо закрученными усами. Въ бою ведетъ себя образцово, примѣромъ для всѣхъ. Уланскій полкъ—лучшій полкъ въ кавалерійской дивизіи.

Получивъ приказаніе, Петръ Павловичъ отнесся къ нему, какъ достойный во всѣхъ отношеніяхъ и знающій себѣ цѣну начальникъ:

— Ни въ какомъ случаѣ! .. Для орудійнаго взвода тревожить весь полкъ? Достаточно трехъ эскадроновъ! . . .

И пишетъ командиру дивизіона, подполковнику Петрову, записку:

„Ввѣренному вамъ дивизіону взять нѣмецкія пушки".

У подполковника — ишіасъ. Болѣзнь можетъ разыграться серьезно, а между тѣмъ война еще только что началась . . . Необходимо беречь силы для будущаго! . .

И подполковникъ Петровъ строчитъ непосредственно подчиненной инстанціи, командиру перваго эскадрона, ротмистру Кунстману:

„Ввѣренному вамъ эскадрону взять нѣмецкія пушки".

Съ первой зарей, эскадронъ выступилъ въ походъ.

Шли скрытно, узенькой ленточкой, съ дозорами впереди, укрываясь насколько возможно складками мѣстности. Прошли двѣ деревни, обогнули край рощи, впереди — открытое поле и Старожебы, какъ на ладони.

Ротмистръ остановилъ эскадронъ, созвалъ господъ офицеровъ обсудить планъ. Военный совѣтъ былъ непродолжителенъ. Противникъ обнаружилъ присутствіе эскадрона.

— Бахъ!.. Бахъ!.,

Взвилось два бѣлыхъ, едва замѣтныхъ дымка... Со свистомъ пролетѣли надъ головой двѣ гранаты... Бумммъ! — рявкнулъ гдѣ-то въ тылу разрывъ...

Черезъ минуту эскадронъ сидѣлъ на коняхъ и двигался по безснѣжному, застывшему, кочковатому полю.

Разомкнутый строй растянулся на полверсты. Лошади тяжело скакали галопомъ, сбиваясь иногда въ кучу, временами переходя въ рысь. Уланы, съ пиками наперевѣсъ и шашками въ закоченѣвшихъ рукахъ, молча шли на орудія, садившія ударъ за ударомъ.

Но все — перелетъ, все въ пустую, пока не дрогнуло нѣмецкое сердце и не ударилось на утекъ. Стрѣльба прекратилась и видно было, какъ двѣ нѣмецкія пушки, сопровождаемыя жидкимъ прикрытіемъ, стали уходить по шоссе...

И случилось здѣсь такъ, что скакавшій со взводомъ на правомъ флангѣ, поручикъ Ашанинъ, бойкій, шустрый, горячій кавказецъ, оторвался по собственному почину и кинулся за пушками на перерѣзъ.

Одно орудіе ускользнуло благополучно.

Другое догналъ поручикъ Ашанинъ, насѣлъ на него, ударомъ шашки ссадилъ прусскаго лейтенанта съ коня, перерубилъ постромки... Четыре уланскія пики докончили дѣло въ одно мгновенье...

Къ вечеру, прусская пушка, съ латинскою цитатою на стволѣ — „За короля и родину“, уже стояла въ уланскомъ штабѣ.

Уланскій сочельникъ былъ пьянѣе обыкновеннаго...

На этомъ можно было бы закончить разсказъ, если бы не желаніе передать дальнѣйшій ходъ этой оригинальной исторіи.

Взятіе непріятельской пушки — крупный успѣхъ и, согласно Статута, жалуется бѣлымъ крестомъ. Со всѣхъ инстанцій посыпались представленія къ наградѣ. Генералъ Штемпель, полковникъ Каншинъ, подполковникъ Петровъ, ротмистръ Кунстманъ — всѣ приписывали удачу себѣ.

Молчалъ только скромный поручикъ Ашанинъ. О немъ какъ-то забыли. Дѣло тянулось мѣсяцъ, другой и третій, пока совершенно случайно не обнаружилась истина и разгнѣванный генералъ Роопъ не вызвалъ всѣхъ героевъ къ себѣ. Въ краткой, но выразительной рѣчи, Владимиръ Христофоровичъ воздалъ каждому по заслугамъ, заключивъ рѣчь выдержкой изъ Статута:

— Тотъ, кто... Тотъ, кто возьметъ съ боя непріятельское орудіе... Тотъ, кто... кажется ясно, какъ кофе ...

Черезъ мѣсяцъ, поручикъ Ашанинъ получилъ орденъ Георгія 4 степени. Черезъ нѣсколько лѣтъ, бравый поручикъ погибъ на добровольческомъ югѣ.

Но рождественская пушка живетъ въ памяти волынскихъ уланъ.

Исторія пишется по одному.

Совершается же совсѣмъ по другому...

„ЖЕЛТАЯ ОПАСНОСТЬ".

Рѣчь идетъ не о желтоликомъ воинствѣ мукденскаго маршала Чжанзолина и не о символической картинѣ, когда-то приписывавшейся германскому кайзеру:

„Народы Европы, оберегайте ваши священныя блага!"

Это, всего на всего, воспоминаніе о человѣкѣ, носившемъ оригинальную кличку „Желтой Опасности", по причинамъ ничего общаго ни съ картиной Вильгельма, ни съ народами Срединной Имперіи не имѣющимъ...

Генералъ-адъютантъ генералъ-отъ-кавалеріи Павелъ Карловичъ Ренненкампфъ былъ, въ свое время, личностью широко популярной.

Одни возводили его чуть-ли не на ступень національнаго героя. Другіе разсматривали, какъ одну изъ самыхъ мрачныхъ фигуръ рухнувшаго самодержавія. На мой взглядъ и то и другое ошибочно...

Кто знаетъ Ковно, тотъ знаетъ, конечно, знаменитое Пожайское поле, съ его песчаными, напоминавшими закаспійскія степи бурханами, съ чахлымъ соснякомъ и кустарникомъ, съ тихимъ Нѣманомъ, катившимъ внизу величавыя, воспѣтыя Мицкевичемъ, воды.

На крутомъ берегу сверкалъ золочеными маковками старинный Пожайскій монастырь, хранившій мощи святыхъ угодниковъ и легенду о литовскомъ бояринѣ Пацѣ и его красавицѣ-дочкѣ Нареѣ. По преданію, отецъ и дочь похоронены въ общей могилѣ, подъ папертью монастырскаго храма, въ наказаніе за кровосмѣсительство.

Уже не преданіемъ, а минувшею былью вѣетъ отъ могильной плиты, въ монастырской оградѣ, съ покоящимся композиторомъ Львовымъ, творцомъ стараго русскаго гимна. Онъ погребенъ тамъ въ 1870 году.

Пожайское поле — кавалерійское поле, на которомъ, въ весеннее время, алѣли малиновыя фуражки новороссійскихъ драгунъ, серебряной трелью заливались рыжія лошади и тучи песку подымались подъ копытами эскадроновъ. Парады и лѣтніе сборы дивизіи вносили еще большее оживленіе. Голубѣли, какъ васильки, доломаны елисаветградскихъ гусаръ. Какъ бѣлые одуванчики, пестрѣли лацкана на уланкахъ смоленцевъ.

Въ этой именно обстановкѣ пришлось познакомиться съ Павломъ Карловичемъ Ренненкампфомъ и нѣсколько лѣтъ подрядъ наблюдать его очень близко. Сопровождать въ постоянныхъ разъѣздахъ ,ночевать въ одной избѣ, а въ минуты вынужденнаго досуга, рѣзаться съ нимъ въ его излюбленный винтъ, съ двѣнадцатью картами въ прикупѣ . . .

Въ жизни этаго человѣка, въ его блестящей карьерѣ и совершенно безславномъ закатѣ, есть много незауряднаго.

Кто бы подумалъ, напримѣръ, что крупная служебная непріятность положитъ начало его быстрому выдвиженію изъ сонма многочисленныхъ сверстниковъ по генеральному штабу?

Между тѣмъ, это такъ.

Девятисотые годы застаютъ никому неизвѣстнаго полковника Ренненкампфа въ должности командира Ахтырскаго драгунскаго полка. Инцидентъ на балу въ гарнизонномъ собраніи — демонстративная неподача руки начальнику штаба дивизіи, полковнику Рихтеру, кладетъ начало дальнѣйшему.

Начальникъ штаба — мелкій, мстительный человѣкъ. Казалось бы, послѣ такого афронта, въ соотвѣтствіи съ офицерскимъ понятіемъ о чести, долженъ послѣдовать вы-

зовъ на поединокъ. Происходитъ, по доносу полковника, внезапная повѣрка денежнаго ящика, въ которомъ, вмѣсто полковыхъ суммъ, комиссія находитъ рядъ командирскихъ росписокъ.

Въ двадцать четыре часа Ренненкампфъ вынужденъ сдать полкъ. Это потребовалъ командующій войсками, генералъ Драгомировъ, по настойчивымъ доводамъ своего начальника штаба, Владимира Сухомлинова, личнаго недруга Ренненкампфа.

Ренненкампфъ ѣдетъ въ столицу. Объясненія его малоудовлетворительны. Положеніе спасаетъ война, тотъ китайскій походъ 1900 года, который такъ кстати подвернулся подъ руку.

Ренненкампфъ уѣзжаетъ въ Манчжурію...

Кто слѣдилъ за этой военной страницей, тотъ помнитъ кавалерійскій рейдъ безшабашнаго головорѣза, съ горстью забайкальскихъ казаковъ бравшаго, съ налета, одинъ за другимъ китайскіе города и захватившаго даже манчжурскую столицу — Мукденъ. Увѣренный въ своей силѣ и превосходствѣ, не желая ни съ кѣмъ дѣлить боевые китайскіе лавры, онъ даже уничтожаетъ за собою мосты, препятствуя высланному на поддержку съ пѣхотной бригадой, генералу Орлову, догнать кавалерійскій отрядъ.

У всѣхъ на устахъ имя смѣлаго партизана. Его лаконическія донесенія, въ стилѣ Суворова и Скобелева, производятъ сенсацію. Царь шлетъ ему благодарственныя телеграммы. Чинъ генерала и два бѣлыхъ креста украшаютъ шею и грудь.

Ренненкампфъ сталъ героемъ.

Русско-японская война снова вызываетъ его на боевой фронтъ. Въ первой же стычкѣ онъ раненъ, потомъ получаетъ армейскій корпусъ, съ которымъ стойко отражаетъ атаки японцевъ во время мукденскихъ боевъ.

А когда начались тыловыя волненія и желѣзнодорожная забастовка, энергичному генералу поручили заняться ликвидаціей безпорядковъ. Разгромъ „читинской республики" и другія расправы сдѣлали его имя одіознымъ въ глазахъ прогрессивнаго русскаго общества и,

въ особенности, той его, наиболѣе радикальной части, которая въ борьбѣ съ самодержавнымъ режимомъ, не сочла для себя недостойнымъ привѣтствовать особою телеграммой микадо, по случаю цусимской побѣды.

Революціонныя партіи присвоили ему кличку — „кроваваго царскаго палача"...

Въ военныхъ кругахъ, Павелъ Карловичъ Ренненкампфъ былъ извѣстенъ подъ кличкой „Желтой Опасности".

„Желтой" — по причинѣ носимыхъ имъ желтыхъ лампасъ и мундира забайкальскаго казачьяго войска, какъ заслуженнаго боевого отличія. „Опасностью" — вслѣдствіе крутого и отчасти взбалмошнаго нрава.

Ренненкампфъ, нужно отдать справедливость, высоко поднялъ боевую подготовку ввѣреннаго ему 3 армейскаго корпуса.

Онъ началъ съ чистки командннаго состава, разогнавъ многихъ старшихъ начальниковъ, поощряя продвиженіе талантливой молодежи, устраивая постоянно маневры, мобилизаціи, кавалерійскія состязанія, пробѣги, боевую стрѣльбу, не взирая на время года, на состояніе погоды. Горячій, тревожный, безпокойный былъ человѣкъ. Генералы его ненавидѣли и боялись. Молодежь и солдаты любили за „лихость", за смѣлость, за простоту обращенія.

Его желѣзное здоровье было несокрушимо. Отъ плотной коренастой фигуры, отъ краснощекаго лица съ мясистымъ носомъ и пышными рыжими усами съ подусниками, близко напоминавшемъ обликъ пресловутаго Тараса Бульбы, вѣяло богатырскою мощью. Въ видѣ контраста, обладалъ рѣзкимъ, высокимъ голосомъ и лаялъ труднопонятной скороговоркой.

Ренненкампфъ имѣлъ массу враговъ.

Либеральные круги его не переносили, считая на-

дежнымъ стражемъ режима. Сверстники завидовали успѣхамъ и легкимъ китайскимъ лаврамъ. Высшее начальство не любило за самостоятельность, рѣзкость, строптивость, широкую популярность въ войскахъ.

Съ именемъ „Желтой Опасности" связывалось множество невѣроятныхъ слуховъ. Передавали про коллекцію золотыхъ божковъ, вывезенныхъ имъ изъ Китая, въ видѣ военной добычи. Про мильонныя контрибуціи, про крайнюю неразборчивость въ средствахъ, про близость къ лицамъ съ подмоченной репутаціей. Послѣднее не лишено основанія. Ренненкампфъ, дѣйствительно, не слишкомъ разбирался въ людяхъ и часто окружалъ себя ловкими авантюристами. Онъ цѣнилъ темпераментъ, энергію, боевыя заслуги. На человѣческія слабости смотрѣлъ снисходительно.

Не прощали ему и четвертаго по счету брака. Наконецъ, въ періодъ великой войны, пришпиливали къ нему даже ярлыкъ измѣнника.

Все это, конечно, за самымъ небольшимъ исключеніемъ, вздоръ...

Воспоминанія снова переносятся къ Пожайскому полю, на которомъ произошло первое знакомство съ „Желтой Опасностью".

Вспоминается, какъ на вопросъ грознаго командира, сколько дней потребуется для перехода драгунскаго полка изъ Ковно въ Вильно, отвѣтилъ поспѣшно и необдуманно:

— Одинъ переходъ, ваше превосходительство!

„Желтая Опасность" недовѣрчиво взглянулъ на меня, развернулъ карту, отмѣрилъ ногтемъ сто десять верстъ:

— Что же, по вашему, они летаютъ?

Оставалось только упорно стоять на своемъ...

Какъ бы то ни было, на долю новороссійцевъ, черезъ два года, выпало это нелегкое испытаніе. Это произошло въ тотъ самый годъ, когда царь находился въ Констанцѣ, въ гостяхъ у румынскаго короля. Пребываніе царя съ

семьею въ Констанцѣ связывалось не столько съ политикой, сколько съ предполагавшейся, какъ утверждали, помолвкой одной изъ старшихъ дочерей императора съ наслѣднымъ румынскимъ принцемъ Каролемъ.

Царь былъ назначенъ шефомъ одного изъ рошiорскихъ полковъ, который, будучи вызванъ для представленiя въ Констанцу, едва доплелся, покрывъ пятьдесятъ верстъ.

Черезъ нѣсколько дней, Ренненкампфъ, бывшiй уже командующимъ виленскимъ военнымъ округомъ, вызвалъ къ себѣ новороссiйскихъ драгунъ и послалъ царю и шефу полка — великой княгинѣ Еленѣ Владимировнѣ, телеграмму:

— Новороссiйскiе драгуны, сдѣлавъ сто десять верстъ, представились мнѣ въ полномъ порядкѣ.

Вскорѣ, онъ былъ пожалованъ званiемъ генералъ-адъютанта...

Высокое назначенiе Ренненкампфа было естественнымъ. Слишкомъ популярно было его имя въ войскахъ. На фонѣ старшихъ начальниковъ, онъ представлялся безспорно крупной фигурой, съ блестящей боевой репутацiей.

Въ послѣднюю войну онъ ее не оправдалъ...

Вспоминается его прiѣздъ въ икскюльскiй лагерь, подъ Ригой, произведенный имъ двадцативерстный пробѣгъ съ Иркутскимъ гусарскимъ полкомъ по огерскимъ кручамъ, горячее полковое ученье, во время котораго упалъ съ коня и умеръ отъ солнечнаго удара полковой адъютантъ. Наконецъ, обѣдъ въ офицерскомъ собранiи и полученная неожиданно телеграмма, извѣщавшая о сараевскомъ убiйствѣ.

На вопросъ о шансахъ войны, командующiй на минуту задумался и пролаялъ обычной скороговоркой:

— Все можетъ быть!... Порохомъ пахнетъ!

Въ мрачномъ настроенiи, откланялся и уѣхалъ.

Черезъ мѣсяцъ разразилась война...

Ренненкампфъ командуетъ 1-ой арміей. По настойчивому требованію союзниковъ и ставки верховнаго главнокомандующаго, едва закончивъ мобилизацію, бросается въ Восточную Пруссію. Два корпуса изъ стратегическаго резерва, Вильгельмъ вынужденъ направить вмѣсто запада на востокъ. Цѣною разгрома русской арміи, достигнута побѣда французовъ на Марнѣ.

Тактическая ошибка Ренненкампфа, въ періодъ лодзинской операціи, закончила его боевую карьеру...

Лишенный командованія и генералъ-адъютантскаго званія, находясь подъ слѣдствіемъ, опальный генералъ живетъ въ Петроградѣ.

Я встрѣтился съ нимъ въ первый день революціи, на митингѣ въ офицерскомъ собраніи.

Я снова увидѣлъ столь хорошо мнѣ знакомую желтую забайкальскую форму, плотную, коренастую фигуру, усы съ подусниками, обрюзгшее, хмурое, недовольное лицо „Желтой Опасности":

— Поздравляю! — пролаялъ знакомый голосъ, въ которомъ звучала горечь, смѣшанная съ неприкрытой ироніей.

Я видѣлъ его въ послѣдній разъ.

Черезъ годъ его убили большевики...

И перефразируя историческое двустишіе, можно сказать:

„Всю жизнь провелъ въ тревогѣ,
Разстрѣлянъ въ Таганрогѣ ..."

ПЕТЕРБУРГСКІЕ КОНКУРЫ.

Какъ памятна эта мартовская весна, когда блѣдное петербургское солнце, выбѣжавъ изъ разорваныхъ тучъ, шалитъ золочеными брызгами на широкихъ окнахъ дворцовъ, на витринахъ магазиновъ, на лужахъ, на крышахъ, на куполахъ величественныхъ соборовъ!

Въ скверахъ деревья еще оголены, но вотъ-вотъ готовы выпрыснуть первыя почки. Въ кустахъ оживленно чирикаютъ воробьи. Звенитъ стукъ лопатъ и ломовъ, вмѣстѣ съ солнцемъ дѣлающихъ весну, скалывающихъ послѣдній ледъ на панеляхъ, убирающихъ остатки талаго снѣга, на смѣну которому изо всѣхъ щелей льются веселые ручейки, дробясь тысячецвѣтными искрами. И гудятъ надъ столицей весенніе шумы . . . И дрожатъ бархатнымъ рокотомъ великопостные перезвоны . . .

Въ эти дни, въ Михайловскомъ манежѣ начинается сезонъ конскаго спорта — „конкуръ иппикъ".

Состязанія происходятъ по воскресеньямъ, примѣрно отъ двухъ часовъ. Въ эти дни манежъ собираетъ подъ свои широкіе своды великосвѣтское столичное общество, съ неизмѣннымъ увлеченіемъ отдающему дань очередному весеннему зрѣлищу. Впрочемъ, присутствовать на „конкурѣ" считаетъ своею обязанностью каждый уважающій себя коренной петербуржецъ, располагающій нѣсколькими часами досуга и парой лишнихъ цѣлковыхъ въ карманѣ.

Гремитъ военный оркестръ. Въ манежѣ не протолкаться. Трибуны и ложи — все занято, все расписано еще наканунѣ. Пестрымъ калейдоскопомъ мелькаютъ цвѣтныя фуражки военныхъ, цилиндры и котелки, весеннія дам-

скія шляпки. Гремитъ увертюра и гулъ тысячи голосовъ наполняетъ своды манежа.

Въ центральной ложѣ, обитой краснымъ сукномъ, сидятъ лица императорской фамиліи — генералъ-инспекторъ кавалеріи великій князь Николай Николаевичъ, молодой наслѣдникъ престола великій князь Михаилъ, всѣ три Владимировича — Кириллъ, Борисъ и Андрей, кое-кто изъ Михайловичей и Константиновичей, герцогъ Георгій Лейхтенбергскій, великія княжны и княгини, окруженныя командирами гвардейскихъ полковъ, лицами свиты, личными адъютантами, представителями иностранныхъ дворовъ.

Тутъ же, въ сосѣднихъ ложахъ, помѣщается цвѣтъ петербургскаго общества, „финь флеръ" столичной аристократіи—княгиня Марія Алексѣевна,графини Зизи и княжны Мэри, маленькая баронесса Фанни Эдуардовна, нарядныя гвардейскія формы, треуголки воспитанниковъ лицея, лакированныя каски камеръ-пажей, обшитыя барашкомъ красныя шапочки юнкеровъ „гвардейской школы".

Налицо всѣ представители веселящагося Петербурга, финансовый міръ, адвокатура въ лицѣ Карабчевскаго, Адамова и другихъ, хроникеры, писатели, журналисты — Скальковскій, Немировичъ-Данченко, Юрій Бѣляевъ, художники и театральные рецензенты, артисты оперной, драматической и балетной труппы — Тартаковъ, Собиновъ, Бухтояровъ, Юрьевъ и Апполонскій, Самойловъ, Орленевъ, Корвинъ-Круковскій, Фокинъ, Кякштъ.

Мелькаетъ красная гусарская фуражка предсѣдателя спортивнаго общества, отставного полковника графа Рибопьера, въ неизмѣнной николаевской шинели, изъ подъ которой горятъ золотые шнуры венгерки. А внизу, у препятствій — соломенныхъ барьеровъ и херделей, „корзинокъ", каменныхъ стѣнокъ и канавы съ водой — стоятъ стартеры и судьи изъ офицеровъ кавалерійскихъ полковъ.

Съ прибытіемъ главнокомандующаго, великаго князя Владимира, начинаются состязанія...

Широко распахиваются ворота паддока и, по звонку, короткимъ галопомъ, салютуя великокняжеской ложѣ, на гнѣдой кобылѣ „Лили", выѣзжаетъ кавалергардскій штабъ-ротмистръ баронъ Маннергеймъ.

Много позднѣе, онъ сталъ извѣстенъ, какъ начальникъ двѣнадцатой кавалерійской дивизіи, съ успѣхомъ подвизавшейся на галиційскихъ поляхъ, а потомъ даже вписалъ свое имя въ исторію борьбы за финляндскую независимость, когда во главѣ финскихъ бѣлогвардейцевъ отразилъ натискъ красной коммуны.

Въ описываемое же время, другими словами, четверть вѣка съ лишнимъ тому назадъ, штабъ-ротмистръ баронѣ Маннергеймъ довольствовался лишь репутаціей неотразимаго сердцеѣда и одного изъ лучшихъ ѣздоковъ-спортсменовъ, взявшаго не мало цѣнныхъ подарковъ за классическіе прыжки черезъ препятствія.

Два гвардейскихъ конныхъ артиллериста, два брата, Яковъ и Александръ Гилленшмидтъ, оба такіе же рослые, стройные, осанистые красавца, на великолѣпныхъ тысячныхъ гунтерахъ, срываютъ одинъ за другимъ, дружныя рукоплесканія публики, слѣдящей съ напряженнымъ вниманіемъ за каждымъ движеніемъ лошади. Оба брата, впослѣдствіе, также сдѣлали недурную карьеру. А Яковъ, получивъ георгіевскій крестъ за хайченскій набѣгъ въ 1904 году, даже командовалъ царскосельскими кирасирами, носилъ царскіе вензеля, а въ періодъ минувшей войны состоялъ командиромъ 4 кавалерійскаго корпуса.

Ему приписываютъ, между прочимъ, фразу, сказанную послѣ отреченія императора. Гилленшмидтъ собралъ офицеровъ корпуса, надѣлъ въ послѣдній разъ свою старую шинель съ вензелями и произнесъ короткую рѣчь въ такомъ приблизительно духѣ:

— Петербургскіе мастеровые устроили революцію!... Царь отрекся!... Да здравствуетъ его величество!...

Эта рѣчь стала извѣстной армейскому комитету и боевой комкоръ едва не поплатился головой...

Обращаетъ вниманіе своимъ искусствомъ и ловкостью

гвардейскій драгунъ Васильевъ, не выдержаяшій впослѣдствіе скорпіоновъ петроградской коммуны и покончившій жизнь самоубійствомъ, кавалергардскій штабъ-ротмистръ Араповъ I, петергофскій уланъ Арсеньевъ, на своей рыжей „Уланкѣ",—впослѣдствіе, на войнѣ, послѣдній командиръ гвардейскаго кавалерійскаго корпуса, маленькій лейбъ-гусаръ Павловъ — командовавшій кавалеріей въ добровольческой арміи, гатчинскій кирасиръ Мордвиновъ 2, кавалергардскіе поручики — два графа Граббе, конногвардеецъ Бискупскій, варшавскій уланъ князь Андрониковъ.

Послѣдній, въ особенности, эффектенъ. Въ синей уланкѣ, стройный и гибкій, въ фуражкѣ съ желтымъ околышемъ, которая такъ идетъ къ его жгучему кавказскому профилю, Андрониковъ сидитъ на конѣ, какъ маленькій богъ, и идетъ на препятствія съ пылкостью настоящаго горца.

— Разъ — разъ! — въ два темпа чисто взята „корзинка", а съ каменной стѣнки горячій конь сбиваетъ нѣсколько кирпичей. Но лихая посадка и смѣлость наѣздника награждается громомъ рукоплесканій.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, отважный князь, предпринявъ на родномъ Кавказѣ экспедицію противъ извѣстнаго абрека Зелимъ-Хана, былъ убитъ изъ засады предательскимъ выстрѣломъ . . .

Къ болѣе позднему времени относятся выступленія другихъ, болѣе молодыхъ ѣздоковъ — кавалергарда Родзянко I, двухъ гатчинскихъ кирасиръ — Эксе и Плѣшкова, съ большимъ успѣхомъ дебютировавшихъ впослѣдствіе на лондонскомъ ипподромѣ и получившихъ тамъ первый призъ. Въ настоящее время, вѣрный своему призванію, Эксе является однимъ изъ инструкторовъ въ польской кавалерійской школѣ. Плѣшковъ, волею революціи, сталъ холливудскимъ статистомъ.

Обращаютъ вниманіе выступленія конногвардейцевъ Суровцева и Струве — павшихъ въ послѣдней кампаніи,

драгуна Захарченко, застрѣлившагося на войнѣ при нѣсколько загадочныхъ обстоятельствахъ — конногренадера Ершова, измайловца Руммеля — подвизающагося нынѣ въ рядахъ польской конницы, гродненскаго гусара Кашменскаго.

Послѣднему, не взирая на всѣ достоинства — щегольскую посадку, искусство и смѣлость, роковымъ образомъ не везетъ. Передъ каждымъ препятствіемъ, его нарядная караковая кобылица дѣлаетъ неожиданно остановку и, въ отвѣтъ на шпоры поручика, обдаетъ фонтаномъ сосѣднія ложи. Раздается звонокъ стартера и сконфуженный всадникъ, провожаемый хохотомъ и аплодисментами, съѣзжаетъ на паддокъ.

Во время антрактовъ, снова гремитъ военный оркестръ. Въ ложахъ слышутся оживленныя восклицанія, звонкій смѣхъ артистокъ и демимонденокъ — Кшесинской, Петипа, Медеи Фигнеръ, Потоцкой, Кузы, Вяльцевой, опереточной дивы Шуваловой, Шурки Звѣрька, Маруси Кудлашки и прочихъ столичныхъ обольстительницъ, окруженныхъ тѣснымъ кольцомъ кавалеровъ. Въ проходахъ бренчатъ офицерскія сабли и палаши . . .

Иногда дебютируетъ и статская публика и даже барышни — амазонки, въ лицѣ нѣскольких извѣстныхъ столицѣ спортсменокъ.

Иногда происходитъ эффектная карусель Офицерской Кавалерійской Школы, когда во главѣ съ начальникомъ, молодымъ генералъ-маіоромъ Брусиловымъ, пятнадцать человѣкъ офицеровъ постояннаго состава — полковникъ Химецъ, князь Багратіонъ, Мерчуле, Абеловъ, принцъ Мюратъ, Тарановъ-Бѣлозеровъ, Чаплинъ, Бертренъ и прочіе, лучшіе ѣздоки кавалеріи, на извѣстной дистанціи, выѣзжаютъ одинъ за другимъ и продѣлываютъ нѣчто вродѣ конной кадрили.

Затѣмъ, слѣдуетъ рубка саблями чучелъ, поединокъ на пикахъ и фланкировка. Казаки гвардейскихъ частей и императорскаго конвоя демонстрируютъ удаль въ конныхъ играхъ и джигитовкѣ.

Когда происходитъ стоверстный пробѣгъ, манежъ яв-

ляется конечнымъ стартомъ. Въ этихъ случаяхъ, подъ самый конецъ состязаній, на взмыленной и покрытой комьями грязи лошади, въ манежъ въѣзжалъ побѣдитель. Само собой разумѣется, въ оваціяхъ недостатка не было...

Состязанія кончаются поздно. Обмѣниваясь впечатлѣніями, публика покидаетъ манежъ. Подъѣзжаютъ кареты и одиночки, придворныя коляски съ гербами и лихачи.

Въ сизомъ небѣ мерцаютъ одинокія звѣзды... На Караванной и Невскомъ зажигаются первые фонари... Весенніе шумы становятся смутными, болѣе мягкими и глухими...

КНЯЗЬ ЮРІЙ ГОРДЫЙ.

Князь Юрій Ивановичъ Трубецкой — бывшій командиръ императорскаго конвоя. Кто изъ старыхъ петербуржцевъ, а особенно изъ военныхъ, не помнитъ эту маленькую сухощавую фигурку, въ синей конвойной черкескѣ, въ бородкѣ французскаго короля Генриха IV, съ рыжеватыми, чуть приподнятыми кверху усами?..

Князь Трубецкой называлъ себя „опальнымъ" княземъ.

Не знаю, въ чемъ выражалась эта опала. Смутно припоминается, что послѣ какой-то незначительной исторіи въ ливадійскомъ дворцѣ, во время пребыванія тамъ государя и царской семьи, князь былъ уволенъ отъ должности командира конвоя и получилъ другое назначеніе.

Бывшій конногвардеецъ, богатый и знатный, онъ имѣлъ данныя сдѣлать большую карьеру. Но при дворѣ больше не состоялъ.

Война застала его въ должности начальника второй кавалерійской дивизіи или, какъ ее называли — „лейбъ-дивизіи". Князь не былъ звонкимъ военачальникомъ, но пользовался любовью и уваженіемъ. Подкупала его выдержка, тактъ, барственная манера.

Офицеры прозвали его „Юріемъ Гордымъ"...

Съ именемъ князя Юрія Трубецкого связаны довольно острыя воспоминанія. Они относятся къ первому періоду „великой — безкровной" и, въ частности, къ тѣмъ именно днямъ, когда по особому назначенію, два полка дивизіи — павлоградскіе гусары и казаки, были вызваны въ Петроградъ, для подавленія безпорядковъ.

Съ отреченіемъ царя, эти полки были тотчасъ возвращены обратно . . .

Штабъ дивизіи помѣщался въ Прилукахъ, въ роскошномъ замкѣ минскаго помѣщика, графа Чапскаго, въ которомъ, вмѣстѣ съ графомъ, жили и четыре молодыя ,,грабянки". Дивизія находилась въ резервѣ, въ личномъ распоряженіи главнокомандующаго фронтомъ, генерала Гурко, какъ единственная надежная, еще не разложенная пропагандою часть.

Впрочемъ, революціонная зараза вскорѣ перекинулась и на нее. Началось съ того, что солдаты потребовали снятія вензелей, тѣхъ императорскихъ вензелей, которыми еще такъ недавно гордились. Всѣ четыре полка были шефскими, въ томъ числѣ даже конная батарея.

Потомъ, заставили командировъ и офицеровъ, съ красными бутоньерками въ петлицахъ, принять участіе въ празднованіи дня 1 мая. Одинъ изъ офицеровъ, молодой уланъ, баронѣ Эльсенъ, растоптавшій бутоньерку ногами, едва не былъ растерзанъ на части.

Потомъ, солдаты вспомнили восточно-прусскій походъ 1914 года и потребовали выдачи имъ денежныхъ суммъ за ,,крупу", которую когда-то, объѣдаясь прусскою индюшатиной, выплескивали, вмѣстѣ со щами, изъ походныхъ кухонь на землю.

Наконецъ, дѣло дошло до неисполненія приказаній:

— Третій эскадронъ уланъ не вышелъ на боевую стрѣльбу!

— Пятый эскадронъ драгунъ не вышелъ на конное ученье!

— Первый эскадронъ гусаръ отказался нести службу на станціи!

Подобныя донесенія командиры полковъ направляли въ штабъ дивизіи почти ежедневно. Офицеры находились подъ угрозой террора. Драгунскій штабсъ-ротмистръ, Федоровъ 2, былъ убитъ выстрѣломъ черезъ окно. Главное вниманіе солдаты обратили всетаки на денежный ящикъ.

Въ тоже самое время, въ Минскѣ, рядомъ со штабомъ главнокомандующаго, извѣстный впослѣдствіе большевицкій комиссаръ Позернъ, устраивалъ на площади митинги и открыто призывалъ солдатъ къ бунту.

Главнокомандующій, генералъ Гурко, угрожая отставкой, требовалъ отъ правительства принятія рѣшительныхъ мѣръ. Правительство продолжало свою близорукую, самоубійственную политику. Катастрофа надвигалась неотвратимо. Это хорошо видѣли тѣ, на которыхъ правительство, еще болѣе бездарное нежели царское, смотрѣло, какъ на неисправимыхъ и опасныхъ реакціонеровъ.

Революція углублялась съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ.

Нужно было имѣть крѣпкіе нервы, чтобы не упасть духомъ, не потерять мужества и нести свой тяжелый крестъ...

Въ эти безотрадные дни, князь Юрій Ивановичъ Трубецкой, держалъ себя съ большимъ достоинствомъ. Только въ интимной бесѣдѣ сквозила порой горечь безсилія, разочарованіе въ русскомъ солдатѣ, опасеніе за печальный исходъ войны.

По личному приказанію Гурко, приходилось выполнять невѣроятныя задачи. Благодаря такту и выдержкѣ, князь выполнялъ ихъ удачно...

Особенно памятна поѣздка съ нимъ въ казачій полкъ, еще мѣсяцъ тому назадъ носившему, съ гордостью, вензеля цесаревича.

Въ день Благовѣщенія, сдѣлавъ верхомъ, по весенней распутицѣ, двадцать пять верстъ, князь прибылъ въ полкъ въ тотъ моментъ, когда съ минуты на минуту готова была пролиться кровь. Командиръ полка, полковникъ Упорниковъ, и всѣ офицеры были арестованы казаками. У каждой избы стоялъ часовой съ вынутой шашкой. Офицерамъ были предъявлены чудовищныя обвиненія. Бунтъ былъ поднятъ пріѣзжимъ агитаторомъ, умуд-

рившемся просидѣть всю войну въ психіатрической лечебницѣ.

Въ залѣ сельской школы собралась возбужденная толпа казаковъ, требовавшая немедленной расправы. Злоба, наглость, животная трусость — все прорвалось наружу. Толпа угрожала, подступала съ криками къ князю, въ своей обычной черкескѣ, съ бѣлымъ крестикомъ на груди, невозмутимо стоявшемъ въ кругу потерявшихъ голову людей.

— Станичники, успокойтесь!

Только два слова, произнесенные твердымъ, спокойнымъ голосомъ. Они произвели впечатлѣніе. Послѣ получасовой бесѣды, волненіе улеглось. Офицеры были освобождены. Агитаторъ исчезъ.

Въ маѣ князь покинулъ дивизію.

Онъ попалъ въ число генераловъ, подлежавшихъ, въ революціонномъ порядкѣ, исключенію со службы. Когда я доложилъ телеграмму, князь усмѣхнулся и произнесъ:

— Усѣкновеніе младенцевъ!... Это гучковскія штучки!...

Съ его отъѣздомъ, въ дивизіи начался полный развалъ...

Лѣтомъ тысяча девятьсотъ восемнадцатаго года, я посѣтилъ князя въ его петроградской квартирѣ, на Почтамтской 4.

Несмотря на начавшійся терроръ, князь продолжалъ, вмѣстѣ съ больною женой и двумя барышнями-дочерьми, оставаться въ столицѣ. Какъ и многіе, онъ еще не утратилъ надежды на то, что разумъ народа одержитъ верхъ, что пляска безумія прекратится, что паденіе кощунственной власти произойдетъ въ близкомъ будущемъ.

Вмѣсто обычной черкески, князь былъ въ сѣромъ статскомъ костюмѣ. Но такъ же тщательно была подстрижена маленькая бородка, и такъ же смотрѣли кверху сѣдѣющіе усы.

Князь былъ растроганъ, пригласилъ къ столу, из-

виняясь за скромный обѣдъ. Хлѣба не было и вмѣсто него подавались къ бульону маленькіе ломтики швейцарскаго сыра. Князь и, въ особенности, княгиня находились въ подавленномъ настроеніи. Сумбурные большевицкіе дни не располагали къ веселью. Но чувствовалось, что произошло нѣчто особенное, пошатнувшее равновѣсіе всегда спокойнаго, выдержаннаго, всегда владѣвшаго собой князя.

Послѣ обѣда князь отвелъ меня въ кабинетъ:

— Его величество вчера убитъ вмѣстѣ съ семьей!... Я получилъ свѣдѣнія изъ германскаго консульства!...

И „опальный" князь отвернулся, чтобы скрыть слезы.

На другой день, по приказу Урицкаго, князь былъ арестованъ. Черезъ двѣ недѣли, внеся крупный денежный выкупъ, былъ освобожденъ и выѣхалъ на Украину.

Я встрѣтился съ нимъ еще разъ.

Это было въ маѣ тысяча девятьсотъ девятнадцатаго года, на островѣ Халки. Съ занятіемъ Крыма большевиками, русская интеллигенція и аристократія были оттуда эвакуированы англичанами.

Неподалеку отъ пристани, виднѣлась группа — великая княгиня Ксенія Александровна, ея красавица-дочь Ирина Сумарокова-Эльстонъ, нѣсколько придворныхъ чиновъ, свитскихъ генераловъ, фрейлинъ, статсъ-дамъ.

На пристани чернѣлъ пароходъ, на которомъ находилась вдовствующая императрица и великій князь Николай Николаевичъ.

Князь Юрій Ивановичъ Трубецкой стоялъ на дорогѣ, взметавшейся въ гору, на которой бѣлѣли въ зелени нарядныя дачи.

Онъ былъ въ томъ же сѣромъ костюмѣ, осунувшійся, измѣнившійся, постарѣвшій на нѣсколько лѣтъ.

На придорожномъ камнѣ сидѣла княгиня. Тутъ же, взявшись за руки, стояли обѣ княжны.

— Конецъ!

И князь „Юрій Гордый", въ послѣдній разъ, пожалъ мнѣ руку...

КРАСНЫЙ ГЛАВКОМЪ.

Былъ май и варшавская весна была въ полномъ цвѣту, словно невѣста въ подвѣнечномъ уборѣ.

Штабъ I арміи стоялъ въ Яблоннѣ, а четыре корпуса — I сибирскій, I туркестанскій 26-ой и I кавалерійскій — занимали позицію, дугообразно охватывая фронтъ, отъ Прасныша до Вислы.

Кавалерійскій корпусъ, стоявшій на флангѣ, примыкая къ самой рѣкѣ, занималъ небольшой, но достаточно укрѣпленный участокъ. Уязвимымъ мѣстомъ былъ тылъ — пятнадцать верстъ рѣчного пространства, раздѣлявшаго обѣ стороны. Ибо Бзура, хорошо извѣстная Бзура, находилась сзади, на лѣвомъ берегу Вислы. Вѣтеръ доносилъ непрерывный грохотъ орудій, а по ночамъ, надъ Бзурой, полыхало жуткое зарево.

На фронтѣ же I арміи было затишье.

Противники глубоко зарылись въ землю. Маневренная война, съ марта мѣсяца уступила мѣсто войнѣ позиціонной. По временамъ трещали одиночные выстрѣлы. Иногда бухали пушки, больше такъ, для собственнаго успокоенія . . .

Въ воздухѣ чѣмъ-то запахло и, въ серединѣ іюня, начальники корпусныхъ штабовъ были вызваны, экстреннымъ порядкомъ, въ Яблонну.

Штабъ арміи помѣщался въ замкѣ графа Потоцкаго и въ цѣломъ рядѣ, утопавшихъ въ сирени, дворцовыхъ построекъ.

Начальникомъ штаба былъ генералъ Одишелидзе, человѣкъ не безъ странностей, а въ общемъ — добродушный, недалекій, отяжелѣвшій грузинъ. Впослѣдствіе, онъ занималъ должность главнокомандующаго грузинской арміей и былъ разстрѣлянъ большевиками.

Пригласивъ въ кабинетъ, Одишелидзе предложилъ занять мѣста и рѣзкимъ, мало свойственнымъ ему тономъ, сказалъ:

— Господа генералы!.. Отъ имени командующаго арміей предупреждаю!... Каждый изъ васъ отвѣтитъ мнѣ головой!...

Послѣ такого вступленія, не предвѣщавшаго ничего хорошаго, наштармъ изобразилъ положеніе на фронтѣ. Въ голосѣ его дрожали нервныя ноты. Каждая фраза сопровождалась ударомъ кулака по столу:

— Оборонительныя работы ведутся изъ рукъ вонъ плохо!.. Проволочныя загражденія отсутствуютъ!.. Нѣтъ блиндажей!... Батареи не маскированы!.,. Оборудованіе позицій ниже всякой критики!... Безобразіе!... Преступленіе!...

— Генералъ Зиборовъ, что вы скажете въ свое оправданіе? — раздраженно выкликнулъ Одишелидзе.

Наштакоръ I сибирскаго корпуса, впослѣдствіе звѣрски заколотый взбунтовавшимися солдатами, волнуясь и запинаясь, изложилъ положеніе на своемъ фронтѣ.

Наштакоръ I туркестанскаго, генералъ Януарій Циховичъ, маленькій лукавый полякъ, поблескивая голымъ черепомъ и георгіевскимъ крестомъ, обрисовалъ обстановку у туркестанцевъ:

— Всѣ мѣры приняты, ваше превосходительство!.. Тридцать рядовъ загражденій!.. Фугасы, засѣки, волчьи ямы!... Кромѣ того, имѣются особыя петли, въ которыя попадаетъ нога атакующаго!.. Позиція оборудована блестяще!.. За фронтъ туркестанцевъ можно быть совершенно спокойнымъ!.. Ручаюсь!..

Одишелидзе нѣсколько отошелъ.

— Что скажетъ конница? — обратился наштармъ ко мнѣ.

Я развернулъ планъ.

Наштармъ не позволилъ мнѣ высказаться:

— Впрочемъ, что конница можетъ сказать? — со смѣхомъ замѣтилъ наштармъ. — Конница ничего не скажетъ!.. Извѣстно, чѣмъ думаетъ конница!..

Это звучало грубо и даже нѣсколько оскорбительно. Начальникъ штаба поспѣшилъ тотчасъ добавить:

— Ну, не обижайтесь, полковникъ!... Я пошутилъ!... Во всякомъ случаѣ, господа, это послѣднее предупрежденіе!.. Даю вамъ недѣльный срокъ!.. Полковникъ Каменевъ, запишите!

Сидѣвшій въ сторонѣ, худощавый полковникъ, съ блѣднымъ, мрачнымъ лицомъ и свисающими книзу усами, набросалъ въ „мерзавкѣ" нѣсколько словъ.

Аудіенція кончилась...

Генеральнаго штаба полковникъ Сергѣй Сергѣевичъ Каменевъ занималъ должность начальника оперативнаго отдѣленія.

Каменевъ пользовался репутаціей добросовѣстнаго и усерднаго офицера. Особыхъ талантовъ въ немъ не усматривалось. Это былъ типичный „моментъ", не лучше и не хуже другихъ. Нѣсколько замкнутый, молчаливый, онъ не выдѣлялся изъ рядовъ сослуживцевъ...

Вспоминаю, какъ послѣ аудіенціи у начальника штаба, Каменевъ обратился ко мнѣ съ нѣсколькими словами, произнесенными интимнымъ, дружескимъ тономъ:

— Нашъ ишакъ рветъ и мечетъ!.. Вы вѣдь хорошо знаете нашего неврастеника?.. Я вамъ кое-что разскажу!.. Зайдемте ко мнѣ въ оперативную!..

Въ просторной комнатѣ, увѣшанной картами, работало нѣсколько человѣкъ. Каменевъ провелъ въ кабинетъ, развернулъ планъ и, бѣгая карандашомъ по цѣлому лѣсу красныхъ квадратиковъ и кружковъ, произнесъ:

—Нѣмцы готовятъ ударъ!.. Развѣдка обнаружила

переброску значительныхъ силъ!.. Вотъ причина неврастеніи!.. Вы теперь понимаете?

Дѣйствительность оправдала его слова.

Черезъ двѣ недѣли нѣмцы прорвали фронтъ I арміи, на участкѣ туркестанскаго корпуса. Того самаго корпуса, о неприступности позицій котораго такъ краснорѣчиво повѣтствовалъ Январій Циховичъ. Острый уголъ прорыва доходилъ почти до передовыхъ фортовъ Новогеоргіевска.

Въ спѣшномъ порядкѣ, подъ угрозой быть отрѣзаннымъ противникомъ, кавалерійскій корпусъ былъ принужденъ бросить насиженную позицію и быстро отойти на востокъ.

А затѣмъ, началась наревская операція, съ тяжелыми аріергардными боями, безъ патроновъ и безъ снарядовъ, безъ возможности задержать наступленіе густыхъ нѣмецкихъ колоннъ. Тяжелый, безрадостный откатъ вглубь страны, съ уступкой Варшавы и всего Передового Театра...

Въ періодъ великой войны, полковникъ Каменевъ не занималъ крупной командной должности. Сергѣй Сергѣевичъ сидѣлъ больше по армейскимъ штабамъ и, лишь подъ самый конецъ войны, въ порядкѣ старшинства, принялъ пѣхотный полкъ.

Тѣмъ удивительнѣе та неожиданная карьера, которую сдѣлалъ впослѣдствіе этотъ „человѣкъ съ большими усами и маленькими способностями", какъ называютъ его въ Москвѣ. Утверждаютъ, что этому онъ обязанъ случайности.

Генералъ Гофманъ стучитъ кулакомъ по брестскому столу. Троцкій бросаетъ свое „не война и не миръ" и, въ паническомъ ужасѣ, мечется между Брестомъ и красной столицей. Корпуса Эйхгорна топочутъ по Украинѣ, другіе наступаютъ на Бологое.

Вотъ тутъ, рядъ генераловъ, въ качествѣ „спецовъ", предложили красной власти свои услуги. Одни доброволь-

но, другіе по принужденію. Въ числѣ первыхъ оказались — бывшій драгомировскій фаворитъ Бончъ-Бруевичъ, Черемисовъ и сѣренькій Парскій, бывшіе гвардейцы — вылощенный хлыщъ Балтійскій, Гатовскій, Потаповъ, Павелъ Павловичъ Лебедевъ, пріятель и однополчанинъ разстрѣляннаго Духонина — Раттэль, наконецъ, свитскіе генералы — хитроумный Заіончковскій и Гуторъ.

На одномъ изъ засѣданій реввоенсовѣта, дѣлалъ докладъ молодой полковникъ. Докладъ касался вопроса объ усиленіи дивизій тяжелою артиллеріей. Докладъ былъ составленъ искусно, цыфры придавали ему убѣдительность. Троцкій заинтересовался фамиліей докладчика.

— Каменевъ! — отвѣтилъ бывшій полковникъ.

„Главковерхъ" усмѣхнулся:

— Хорошая революціонная фамилія, товарищъ Каменевъ! — замѣтилъ Троцкій. — Съ такой фамиліей можно далеко пойти!

Великая война кончилась.

Начиналась гражданская...

Товарищъ Каменевъ зашагалъ. Каменевъ принялъ участіе въ операціяхъ противъ Деникина. Борьба съ Колчакомъ выдвинула его на постъ командующаго арміей. Совѣтско-польская война сдѣлала главкомомъ и краснымъ инспекторомъ, наградивъ званіемъ „почетнаго коммуниста"...

Все же не совсѣмъ понятны причины этой карьеры.

Тѣмъ болѣе, что существуютъ же въ СССР люди несомнѣнно талантливые, изъ тѣхъ же спецовъ, изъ той же плеяды бывшихъ царскихъ полковниковъ и генераловъ?

Можетъ быть, по складу натуры, Каменевъ является наиболѣе подходящимъ?... Можетъ быть, онъ опасенъ меньше другихъ?...

Коммунистъ онъ, конечно, „липовый" и, при серьозномъ толчкѣ, отречется отъ „новаго міра" съ тою же легкостью, съ какой, въ свое время, отрекся отъ стараго...

ТАТИЩЕВЪ И ДОЛГОРУКОВЪ.

Въ сознаніи они встаютъ, какъ рыцари долга, какъ безвинныя жертвы чернаго русскаго лихолѣтья. Въ каждомъ изъ нихъ было много душевнаго благородства, неутраченной чистоты, вѣрности своимъ идеаламъ . . .

Илья Леонидовичъ Татищевъ служилъ въ лейбъ-гусарскомъ полку. Онъ не былъ графомъ, а просто — Татищевымъ, каковая фамилія, въ отличіе отъ подобной же, но титулованной, считалась старшею вѣтвью въ этомъ древнемъ родѣ.

Стройный, высокаго роста, съ тонкими чертами лица, съ маленькой острой бородкой, онъ производилъ пріятное впечатлѣніе. Его душевныя качества располагали къ себѣ послѣ перваго же знакомства. Онъ обладалъ привѣтливымъ и веселымъ характеромъ, простотой, исключительнымъ тактомъ.

Въ чинѣ штабсъ-ротмистра, Татищевъ сталъ личнымъ адъютантомъ главнокомандующаго великаго князя Владимира.

Это было въ девятисотыхъ годахъ, въ періодъ обостренныхъ отношеній великокняжескаго двора къ императорскому. Непріязнь великой княгини Маріи Павловны къ государю, а въ особенности, къ молодой государынѣ, выражалась порой въ нескрываемой формѣ.

Татищевъ, не въ примѣръ другимъ адъютантамъ, держалъ себя съ большимъ достоинствомъ. Это не былъ „безъ лести преданный царедворецъ". Онъ разбирался лучше другихъ въ слабостяхъ государя, въ ошибкахъ и промахахъ императрицы. Но исключительное благород-

ство натуры не позволяло ему принимать участіе въ придворной интригѣ...

Государь, служившій когда-то въ лейбъ-гусарскомъ полку и хорошо знавшій Татищева, приблизилъ его къ себѣ. Послѣ того, какъ германскій кайзеръ назначилъ своего генералъ-адъютанта, графа Дона Шлобиттенъ, состоять при особѣ царя, послѣдній былъ вынужденъ отвѣтить подобнымъ же актомъ.

Выборъ палъ на Татищева.

Пожалованный въ свитскіе генералы, Илья Леонидовичъ, чисто русскій человѣкъ по натурѣ, съ большой неохотой поѣхалъ въ Берлинъ. Это почетное назначеніе чрезвычайно его тяготило. Нѣмцевъ онъ не долюбливалъ и рвался въ Россію. Война положила конецъ этой миссіи...

Наступили революціонные дни.

Татищевъ проживалъ въ Петроградѣ. Время отъ времени, мы съ нимъ встрѣчались. Онъ удивлялъ своимъ оптимизмомъ:

— Это скоро пройдетъ!... Вѣрьте мнѣ, дорогой, все образуется!... Народъ не выдастъ царя!...

Татищевъ ошибся.

Арестованная императорская семья жила, какъ извѣстно, въ Царскомъ Селѣ. Приближенные, за небольшимъ исключеніемъ, разбѣжались. Когда возникъ вопросъ о переѣздѣ въ Тобольскъ, царь снова вспомнилъ Татищева.

Татищевъ, безъ колебаній, поѣхалъ въ Тобольскъ...

Князь Василій Александровичъ Долгоруковъ служилъ въ Конной Гвардіи.

Въ молодыхъ чинахъ былъ пожалованъ званіемъ флигель-адъютанта. Въ чинѣ полковника былъ назначенъ командиромъ одного изъ драгунскихъ полковъ, расположенныхъ на прусской границѣ.

Долгоруковъ, по натурѣ, не былъ военнымъ. Мягкій, скромный, застѣнчивый, онъ и по своимъ физическимъ

качествамъ не отвѣчалъ требованіямъ суровой строевой службы.

Блондинъ средняго роста, съ вялой походкою и движеніями, безъ малѣйшаго темперамента, съ слабымъ здоровьемъ, медлительный въ словахъ и поступкахъ. Строевая служба его утомляла. Управленіе полкомъ онъ передалъ всецѣло въ руки ближайшихъ помощниковъ. Дѣло отъ этого не страдало.

Лишеніямъ маневренной жизни князь предпочиталъ домашній покой. Горячимъ кавалерійскимъ ученьямъ на Пожайскомъ полѣ — уютъ кабинета, бесѣду съ друзьями, партію въ преферансъ или „тетку".

Ясно припоминаются эти зимніе провинціальные вечера, въ жарко натопленной княжеской квартирѣ, обставленной старинною мебелью и коврами, золоченою дѣдовскою посудой, и съ неизмѣннымъ старикомъ-камердинеромъ. Скромный ужинъ, бесѣда за стаканомъ вина, невинныя карточныя забавы . . .

Въ отношеніи служебныхъ достоинствъ, князь, какъ сказано выше, выдающимся не былъ. Да, впрочемъ, и не претендовалъ на карьеру. Въ полку его одинаково любили, и солдаты и офицеры, и разстались съ нимъ съ сожалѣніемъ.

Съ производствомъ въ генералы, послѣ непродолжительнаго командованія конными гренадерами, князь покинулъ строевую службу и состоялъ при дворѣ, въ должности гофмаршала. На этой должности, въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ царской семьей, его застала война и революція.

Его поѣздка въ Тобольскъ была вполнѣ естественной . . .

Послѣдняя встрѣча съ княземъ произошла въ мартѣ семнадцатаго года, на Дворцовой Набережной, возлѣ Зимней Канавки.

Князь шелъ съ своимъ отчимомъ, оберъ-гофмаршаломъ графомъ Бенкендорфомъ, и англійскимъ посломъ, сэромъ Бьюкененомъ.

Старый оберъ-гофмаршалъ, съ совсѣмъ заострившимся носомъ, сохранялъ все же въ глазу неизмѣнный монокль. На сухомъ лицѣ англійскаго сэра сквозило выраженіе скорбнаго недоумѣнія. У всѣхъ трехъ былъ совершенно разстроенный, удрученный, подавленный видъ.

Князь остановилъ меня и обмѣнялся нѣсколькими фразами:

— Что же дальше?... Есть-ли надежда?... Мнѣ кажется — все пропало!...

Князь былъ недалекъ отъ истины.

Въ Тобольскѣ князь окончательно упалъ духомъ. Мягкая женственная натура не выдержала суроваго испытанія. Въ противоположность Татищеву, князь нуждался самъ въ моральной поддержкѣ.

Съ переѣздомъ царской семьи въ Екатеринбургъ, Татищевъ и Долгоруковъ были заключены въ пермскую тюрьму и вскорѣ разстрѣляны.

Миръ ихъ чистой душѣ!...

АТАКА ЯМБУРГСКАГО ПОЛКА.

Не въ умаленіе заслугъ доблестнаго полка, тѣмъ паче не для злопыхательства или насмѣшки, вспоминается этотъ маленькій эпизодъ, не столько, впрочемъ, драматическаго, сколько комическаго характера.

Ничего нѣтъ скучнѣе фанфарной поэзіи, славословящей по одному и тому же шаблону боевые подвиги „чудо-богатырей“. Конечно, подвиги были. И не только тѣ, которые лежатъ въ основѣ пышныхъ и, очень часто, лживыхъ реляцій. Много истинныхъ подвиговъ и многихъ скромныхъ героевъ заслонили послѣдующія событія, оборвавшія столь трагическимъ образомъ титаническую войну.

Но кромѣ подвиговъ, было другое. Этаго не нужно скрывать. Хотя бы для того, чтобы извлечь, при случаѣ, пользу даже изъ фактовъ отрицательнаго значенія.

Іюль пятнадцатаго года былъ мѣсяцемъ тяжелаго испытанія.

Сдавивъ стальными клещами Передовой Театръ, колонны генералъ-полковника фонъ Гинденбурга съ сѣверо-запада, желѣзныя фаланги Макензена съ юга — упорно ползли, съ цѣлью прорыва, къ варшавско-петроградской дорогѣ, по которой день и ночь мчались эшелоны съ войсками, съ военнымъ имуществомъ, со всѣмъ добромъ, эвакуируемымъ изъ польской столицы.

Передовой Театръ отдавался врагу. Вопросъ заключался лишь въ томъ, чтобы задержать нѣмцевъ на нѣсколько дней, вывести варшавскую армію изъ огненнаго кольца, произвести въ порядкѣ эвакуацію...

Шестая кавалерійская дивизія дѣйствовала на наревскомъ фронтѣ. Въ ея составъ входили четыре полка съ двумя конными батареями и бригада „шпинатной“ дивизіи, съ Ямбургскимъ уланскимъ полкомъ. „Шпинатной“ дивизія называлась потому, что носила когда-то зеленый цвѣтъ. А Ямбургскіе уланы — тотъ самый полкъ, про который пѣлось въ веселой юнкерской пѣсенкѣ:

„А-а-а-фицеръ выходитъ въ ямбургцы,
Въ ямбургцы,
Въ ямбургцы!..

Словомъ, лихой, распропьяный, удалый полкъ...

Аріергардный бой — непріятная штука. Особенно, если на каждую пушку положено въ день всего три снаряда. Дивизія слѣзала съ коней и занимала позицію. Нѣмцы наступали колоннами. Подъ огнемъ кавалеріи, нѣмцы строили боевой порядокъ и наступали цѣпями.

Дивизія, какъ мячикъ, отскакивала назадъ, снова занимала позицію и снова заставляла противника терять время на перестроеніе. И такъ, вплоть до наступленія ночи.

Натискъ противника былъ упорный, безостановочный, методичный. Днемъ наступали. Ночью нѣмцы дѣлали остановку и ночевали на занятомъ рубежѣ. Казалось, что противникъ играетъ съ нами, какъ съ маленькими ребятами, какъ котъ съ мышенкомъ. И точно, что представляютъ собой шесть конныхъ полковъ, хотя бы и доблестныхъ, но безъ снарядовъ, противъ прусскаго армейскаго корпуса съ многочисленной артиллеріей и тяжелыми шестидюймовыми пушками?..

Былъ вечеръ, когда покидалась очередная позиція.

Двѣнадцатая конная батарея брала „въ передки“. Командиръ батареи, подполковникъ Кузьминскій, стоя на пригоркѣ съ цейссомъ въ рукахъ, едва не рыдалъ въ припадкѣ нервнаго бѣшенства.

— Сколько снарядовъ?

— Ни одного! — сказалъ командиръ двѣнадцатой конной. — Ни одного! — повторилъ командиръ, загнувъ крѣпкое слово. — Вотъ бы теперь окатить!.. Полюбуйся?

Въ бинокль была видна опушка лѣса. На опушкѣ, воткнувъ винтовки штыками въ землю, стояла рота, съ поднятыми кверху руками. А изъ лѣса перли колонны, въ знакомомъ „фельдграу", въ остроконечныхъ каскахъ съ сѣрыми парусиновыми чехлами.

Колонны перли и перли . . .

Падала ночь.

Полки отошли на три версты и заночевали. Аріергардомъ были Ямбургскіе уланы. Командиръ полка назначалъ эскадроны въ „сторожевку".

Тутъ же, на краю деревни Олдаки, ожидая послѣднихъ распоряженій, остановился штабъ конной дивизіи. У походной кухни штабной команды, съ котломъ дымящихся щей, сгрудились утомленные офицеры. Начальникъ дивизіи, въ сосѣдней хатѣ, докладывалъ по телефону командиру корпуса обстановку.

Ночь была тихая и беззвѣздная. Вдали полыхали зарева пожарищъ. Впереди, кое-гдѣ, на фонѣ багроваго пламени, виднѣлись отдѣльныя точки. Это нѣмцы ставили аванпосты . . .

Мною овладѣло грустное настроеніе:

— Варшава отдается врагу! . . Нѣтъ силъ остановить его натискъ! . . Мы безоружны! . . Врагъ вооруженъ, до зубовъ и, при малѣйшемъ сопротивленіи, засыпаетъ такимъ градомъ, который не выдержать при всемъ запасѣ стойкости и отваги . . . Какъ больно, какъ грустно! . . Затраченныя усилія, безсонныя ночи, тревожные дни, всѣ понесенныя жертвы — исчезли даромъ въ пасти кроваваго бога войны! . .

Размышленія прерываются.

Командиръ конвойнаго взвода, подхорунжій Колесниковъ, высланный, на всякій случай, для ближней развѣдки, выростаетъ точно изъ подъ земли:

— Ваше высокоблагородіе... Нѣмцы!

— Близко?

— Почитай сто шаговъ! — шепчетъ Колесниковъ съ растерянной, недоумѣнной улыбкой.

Что за исторія?..

Медлить нельзя ни минуты... Два слова — и командиръ полка поставленъ въ извѣстность... Штабъ, въ мгновенье ока, сидитъ на коняхъ...

Только начальникъ дивизіи, генералъ Владимиръ Христофоровичъ Роопъ, продолжаетъ въ хатѣ бесѣду съ комкоромъ. Онъ стоитъ передъ аппаратомъ, щелкаетъ шпорами, кланяется въ телефонную трубку:

— Все въ полномъ порядкѣ!.. Во исполненіе возложенной задачи, выдержалъ пять арьергардныхъ боевъ!.. Натискъ противника остановленъ!.. Алло!.. Пи-пи... Владимиръ Алоизіевичъ, ты слушаешь?.. Снарядовъ нѣтъ!.. Потери есть!.. Алло!.. Пи-пи... Ты слушаешь?.. Что?.. Ну, конечно... Ясно, какъ кофе!.. Сейчасъ выставлю сторожевку и отойду на ночлегъ... Спать можешь спокойно... Ручаюсь... Что?.. Да не можетъ быть?.. Ха-ха-ха-ха!.. Врэманъ?.. Сэ-т-энпоссибль!.. А она ему что сказала?.. Эт-то — женщина!.. Эт-то я понимаю!.. Ха-ха-ха-ха!..

Бесѣда видимо затягивается. Медлить нельзя. Подхожу и говорю три слова:

— Ваше превосходительство... Нѣмцы!

Только три слова... Но какихъ слова?.. Какой эффектъ производитъ ихъ скрытый смыслъ?..

Трубка выскальзываетъ изъ рукъ. Съ проклятіемъ на устахъ, Владимиръ Христофоровичъ выскакиваетъ изъ хаты. Черезъ мгновенье, уже сидитъ на своей вороной, рысистаго типа, конногренадерской кобылѣ...

А еще черезъ мгновенье, крайняя хата деревни Олдаки превращается въ огненный столбъ. Совершенно внезапно, молніеносно. Точно въ ней складъ бен-

зина, соломы и бездымнаго пороха, подожженныхъ чьей-то преступной рукой.

И одновременно;

— Трррахъ-трррахъ!

Два залпа съ самой близкой дистанціи прорѣзаютъ тишину ночи. Снопъ пуль свиститъ надъ самою головой. Рванулась походная кухня, перевернулась кверху ногами и исчезла во мракѣ. Храпя и вздымаясь на дыбы, рванулись кони и вынеслись въ чистое поле. Удержать ихъ нельзя. Топотъ тысячи конскихъ ногъ, отъ котораго загудѣла земля — гу-гу-гу, наполнилъ непроницаемый мракъ. А въ догонку неслось:

— Зыкъ-зыкъ!.. Зыкъ-зыкъ!.. Тра-та-та-та!..

Уже не залпы, а ураганная ружейная трескотня гремитъ сзади, провожая несущійся вскачь уланскій Ямбургскій полкъ и штабъ конной дивизіи. Храпъ и ржаніе лошадей, топотъ, звуки трубы, крики и выстрѣлы — все смѣшалось въ какой-то адскій, непередаваемо дикій аккордъ. — Зыкъ-зыкъ — свистятъ пролетающіе мимо стальные шмели и, въ эти мгновенья, гвоздитъ скверная мысль:

— Въ спину или въ затылокъ?

Тщетно взбѣшенный начдивъ, увлекаемый общимъ потокомъ, пытался остановить свою рысистую вороную конногренадерскую „Фрину", и тщетно, съ проклятіемъ на устахъ, прорѣзалъ тьму металлическимъ баритономъ:

— Ямбургскіе уланы, ко мнѣ!.. Полкъ стой — равняйсь!..

Это случай, когда тактическая оплошность вноситъ въ ряды разстройство совершенно стихійнаго, исключительнаго характера. Эта — паника, отъ которой едва-ли кто можетъ быть застрахованъ...

До разсвѣта продолжалась безпорядочная скачка Ямбургскаго полка. До разсвѣта уланы носились, во мракѣ ночи, по всему полю. А одинъ эскадронъ вскочилъ даже въ Замбровъ — штабъ-квартиру комкора, и надѣлалъ не мало переполоха.

Впрочемъ, команда корпусныхъ мотоциклистовъ, принявъ его за нѣмецкую кавалерію, отразила атаку дружнымъ огнемъ.

А комкоръ, генералъ Владимиръ Алоизіевичъ Орановскій, въ исподнемъ бѣльѣ, съ накинутымъ поверхъ походнымъ плащомъ, уже сидѣлъ на своемъ сорокасильномъ Роль-Ройсѣ.

Ибо не имѣлъ никакого желанія попасть позорнымъ образомъ въ плѣнъ...

ВАРЕНЬКА.

Апрѣльскій случай.

I.

Каждый понимаетъ, что значитъ командировка, при условіи двойныхъ суточныхъ и прогонныхъ.

Если командировка связана къ тому же съ прогулкой по желѣзной дорогѣ, въ вполнѣ комфортабельной обстановкѣ купэ второго класса, имѣя конечною цѣлью такой пунктъ, какъ Одесса — душевное настроеніе не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Короче сказать, покидая на двѣ недѣли столицу, для выполненія чрезвычайнаго служебнаго порученія, я думалъ не столько о немъ, сколько о ласкѣ, о смѣхѣ весенняго солнца, объ очарованіи южнаго города, въ свѣтлыхъ апрѣльскихъ одеждахъ:

— Одесса-мама!

Этимъ сказано все...

Въ купэ — пусто. Страстная недѣля не располагаетъ къ передвиженіямъ. Эти дни, каждый уважающій себя человѣкъ склоненъ проводить въ кругу семьи или близкихъ родныхъ, въ молитвенномъ созерцаніи или въ хлопотахъ по устройству праздничнаго стола, и только экстренный случай заставляетъ его поднять парусъ и, оторвавшись отъ тихой пристани, выйти въ открытое море.

Это касается, главнымъ образомъ, людей солидныхъ, уравновѣшанныхъ, съ положеніемъ.

Если же на плечахъ двадцать пять лѣтъ и тяжелый

жизненный якорь не приковалъ человѣка плотно къ землѣ — весъ міръ кажется ему пристанью, въ которую, всегда, съ одинаковымъ наслажденіемъ, могутъ заходить легкіе воздушные корабли . . .

Я курилъ и читалъ. Иногда, отрываясь отъ книги, съ какимъ-то давно не испытаннымъ любопытствомъ, кидалъ взоры въ окно, за которымъ плыло блѣдное апрѣльское утро.

Тянулись низкія торфяныя болота, перелѣски и пастбища, еще перекрытыя, клочьями послѣдняго снѣга, точно заплатами на рыжемъ тулупѣ. Мелькали убогія чухонскія мызы, березы и ели сѣвернаго ландшафта. Синѣли лѣса. Сѣрѣли кочковатыя пожни. И казалось, не будетъ конца этой пепельной пеленѣ, подъ скудной улыбкой такого же сѣраго неба.

Какъ птицы пролетали телеграфные столбы, по шестнадцати въ каждой верстѣ . . . Мелькали полустанки и станціи . . . Хрипло, простуженнымъ голосомъ, звенѣли звонки, проносился гулъ встрѣчнаго поѣзда, а колеса выстукивали мелкую дробь:

— Тратата-тратата . . .

И въ тактъ этой музыкѣ, звучали знакомыя рифмы и слышанный гдѣ-то мотивъ:

— На югъ! . . . На югъ! . . .

А черезъ сутки пахнуло настоящимъ тепломъ.

Какъ вспоминается эта станція, закинутая въ самомъ сердцѣ Полѣсья, станція Сарны — узловой пунктъ на рубежѣ двухъ культуръ, на границѣ сѣвера съ югомъ, отъ которой тянетъ запахомъ дымящейся влажной земли, медвяныхъ травъ и полыни! . . . Совсѣмъ особое солнце, яркое, жгучее, смѣется съ синяго неба . . . А въ станціонномъ садикѣ уже расцвѣтаетъ сирень — первые лепестки, голубые и бѣлые, привѣтъ южной весны . . .

На станціи обычная суматоха, которая увеличивается съ прибытіемъ скораго поѣзда прямого сообщенія.

Я гляжу въ растворенное окно и вдыхаю ласковый воздухъ . . . Весна, весна, какъ живителенъ твой бальзамъ! . . . Какъ ты прекрасна, плѣнительная богиня! . . .

И мнѣ грустно быть одному... Я хочу подѣлиться съ кѣмъ нибудь своимъ настроеніемъ.. . Съ мужчиной-ли, съ женщиной, молодой или старой, мнѣ все равно...

Я наблюдаю толпу, съ озабоченнымъ видомъ снующую по платформѣ, и останавливаю вниманіе на дѣвушкѣ. Она стройная, тоненькая. На ней темносиняя шубка, въ рукахъ кожаный чемоданчикъ и пледъ. Я встрѣчаюсь съ ней взоромъ и медленно шепчу про себя:

— Иди сюда!... Иди же сюда!...

Но дѣвушка проходитъ мимо. Я продолжаю упорно глядѣть ей вслѣдъ и повторяю ту же самую фразу. И дѣвушка неожиданно поворачивается и входитъ въ вагонъ. Черезъ минуту, она въ корридорѣ. Но я продолжаю ее гипнотизировать и довожу до самыхъ дверей купэ.

Тихо окрывается дверь. Два синихъ глаза смотрятъ на меня съ довѣріемъ и застѣнчивостью. Я отвѣшиваю полупоклонъ и, чтобы не отпугнуть излишней любезностью, говорю небрежнымъ тономъ:

— Здѣсь свободно, мадмуазель!

Моя спутница молода, лѣтъ восемнадцати, не больше. Хорошенькое полненькое лицо, свѣжія губки, ясные большіе глаза. На безымянномъ пальчикѣ перстенекъ съ недорогимъ камушкомъ. Синяя дорожная кофточка и такая же юбка, а на ногахъ высокіе башмачки, съ девятью пуговками. Типъ славной провинціальной барышни, которая пользуется цвѣтущимъ здоровьемъ и, между прочимъ, читаетъ надсоновскіе стишки:

„Только утро любви хорошо, хороши . . ."

2.

Въ отдѣльномъ купэ знакомство происходитъ съ необыкновенною быстротой.

Это подтвердитъ каждый желѣзнодорожный туристъ.

Короче сказать, далеко не доѣзжая Бирзулы или даже Вапнярки, я уже былъ въ курсѣ всѣхъ свѣдѣній.

Я узналъ, что мою спутницу зовутъ Варварой Николаевной Шейхашири или просто Варенькой... Что ей исполнилось двадцать лѣтъ... Что она учится въ музыкальной школѣ и живетъ съ матушкой на Карангозовской улицѣ... Что она, въ самомъ дѣлѣ, любитъ стихи, но предпочитаетъ Надсону Лермонтова и Пушкина...

Я не остаюсь въ долгу и, въ свою очередь, знакомлю милую спутницу съ кое-какими чертами изъ моей жизни, угощаю шоколадными вафлями, развлекаю шутками, забавными анекдотами и разговорами на разнообразныя темы, вызывая то искренній смѣхъ, то изумленіе, то восторгъ.

Въ двадцать пять лѣтъ, когда на дворѣ весна, а на погонахъ одна скромненькая полоска, при аксельбантѣ, впечатлѣнія бытія особенно живы и непосредственны. И я отдаюсь ихъ сладкому плѣну, безъ малѣйшаго сопротивленія...

Въ Винницѣ, въ купэ сѣла старушка.

Она, такъ же, какъ я, была необыкновенно словоохотлива.

Узнавъ изъ моихъ словъ, что Варенька моя жена, что у насъ двое славныхъ дѣтишекъ — мальчикъ и дѣвочка, старушка умильно оглядывала насъ своими добрыми слезящимися глазами. Чтобы утвердить старушку въ этомъ признаніи, мнѣ ничего больше не оставалось, какъ говорить Варенькѣ „ты", называть ее нѣжными именами.

А Варенька?...

Варенька, съ большими усиліями удерживаясь отъ душившаго ее смѣха, сидѣла въ своемъ уголкѣ, полузакрывъ лицо котиковою муфточкой...

Въ Вапняркѣ старушка простилась и мы снова остались вдвоемъ. Въ самомъ дѣлѣ, точно молодые супруги, совершающіе брачное путешествіе...

Вечеромъ, я сбѣгалъ въ буфетъ за бутылкой вина и сладкими пирожками. Потомъ, былъ веселый маленькій ужинъ въ купэ, освѣщаемомъ мягкимъ огнемъ стеарино-

вй свѣчки. Падала апрѣльская ночь и просторы широкой новороссійской равнины тихо тонули во мракѣ.

— Ну-съ, а теперь баиньки!

Варенька улыбнулась своей милой улыбкой. Я вышелъ на четверть часа въ корридоръ и когда вернулся въ купэ, Варенька уже лежала калачикомъ на диванѣ, подъ коричневымъ пледомъ. Въ ногахъ лежали аккуратно сложенная синяя кофточка и башмачки. Снявъ китель, я поднялся на верхнюю полку, пожелалъ спокойной ночи и закурилъ на сонъ грядущій...

Но сонъ не шелъ.

Апрѣль или впечатлѣнія дня или, можетъ быть, эта славная дѣвушка, покоящаяся въ двухъ шагахъ на диванѣ, волнующая меня интимною близостью, не позволяли уснуть. Варенька также не спала. Она вздыхала, спрашивала который часъ, кидала снизу вопросы, на которые я съ готовностью отвѣчалъ.

Черезъ десять минутъ я сидѣлъ возлѣ нее на диванѣ, обнявъ тонкое плечико, отъ котораго исходила ароматная теплота.

— Варенька, вамъ не спится?

— Нѣтъ! — говоритъ Варенька.

— Мнѣ тоже не спится...

— Почему?

— Право, не знаю!... Думаю, что весна...

Варенька улыбается:

— Разскажите мнѣ что нибудь?

Я оправляю коричневый пледъ и закутываю Вареньку по самую шею. Потомъ, взглядываю на башмачки о девяти пуговкахъ и на минуту задумываюсь. Въ голову рѣшительно ничего не приходитъ. Вмѣсто бесѣды, мнѣ хочется схватить Вареньку на руки, усадить на колѣни, впиться до боли въ алыя губки. По тѣлу пробѣгаетъ нервная дрожь.

Но я пересиливаю себя и начинаю разсказывать небылицы, нелѣпѣйшій вздоръ, отъ котораго Варенька покатывается со смѣха, а коричневый пледъ сползаетъ съ голенькаго плеча.

Потомъ, неожиданно наступаетъ молчаніе.

Я склоняюсь надъ дѣвушкой. Мои руки обхватываютъ ее за талію. Подбородокъ чувствуетъ маленькую упругую грудь. Мои губы тянутся къ ея губамъ...

— Варенька!... Милая!... Дѣтка!...

Передъ глазами ползетъ туманъ... Я готовъ забыть все на свѣтѣ... Командировку... Весну... Страстную Субботу...

Варенька обхватываетъ мою шею руками...

Еще мгновенье — и ея тоненькая фигурка сотрясается въ судорожныхъ рыданіяхъ...

3.

Это происходитъ такъ неожиданно, что въ первую минуту я растерялся.

Потомъ, начинаю ее успокаивать, заставляю выпить стаканчикъ вина, укрываю со всѣхъ сторонъ пледомъ и говорю строгимъ тономъ:

— Варенька, скажите мнѣ правду!... Я могу вамъ помочь!...

Мало по малу, Варенька успокаивается, но ея плечики еще продолжаютъ дрожать:

— Нѣтъ, вы не можете мнѣ помочь! — всхлипывая, говоритъ Варенька. — Вы славный, хорошій!... Никто не можетъ помочь!...

Въ сущности, ничего необычнаго не было въ этой исторіи.

Дѣло въ томъ, что у Вареньки былъ женихъ, молодой поручикъ въ N. уланскомъ полку. Были пламенные посланія, потомъ письма стали приходить рѣже и, наконецъ, прекратились.

Послѣдняя телеграмма сообщала, что поручикъ опасно боленъ и требуется пріѣздъ близкихъ людей...

— Я собралась и поѣхала! — говоритъ Варенька. — На станціи, въ полуверстѣ отъ мѣстечка, меня встрѣтила жена ротмистра Беклемишева... Вы Варенька Шейхашири?... Случилось несчастье... Александръ Михайловичъ заболѣлъ!... Переутомленіе... Неврасте-

нія... Впрочемъ, пока ничего серьезнаго... Вы переночуете у насъ, милая...

— Я провела тревожную ночь...

— А на утро, подойдя къ окну, увидѣла бѣжавшихъ офицеровъ съ траурными повязками на рукавѣ... Черезъ пять минутъ я знала все... Александръ Михайловичъ застрѣлился!... Застрѣлился въ „флигелѣ самоубійцъ", еще три дня назадъ...

Варенька затряслась снова въ рыданіяхъ:

— Шурка, что ты надѣлалъ?... Что я скажу теперь мамѣ?...

Варенька на мгновенье остановилась:

— Ахъ, вы не представляете, какъ это было ужасно!... Онъ лежалъ въ гробу совсѣмъ блѣдный, съ бѣлой повязкой на головѣ, съ прозрачными восковыми руками... Меня утѣшали, мнѣ пожимали руки, но я не плакала... Я не могла плакать... Я только глядѣла на него и повторяла, будто во снѣ:

— Шурка, что ты надѣлалъ, что ты надѣлалъ?...

Варенька призналась мнѣ въ томъ, что она не можетъ сейчасъ оставаться наединѣ съ своими тяжелыми думами... Что она ищетъ общества даже совсѣмъ незнакомыхъ людей... Что-то необъяснимое заставило ее войти въ мой вагонъ... Но она не раскаивается въ своей смѣлости... Въ моемъ лицѣ она нашла милаго и веселаго спутника...

Послѣднее признаніе, меня слегка укололо, но Варенька, съ удивительнымъ тактомъ, сказала по моему адресу еще нѣсколько простыхъ, искреннихъ словъ и, въ концѣ концовъ, я былъ растроганъ.

Нѣтъ, я былъ не только растроганъ... Мое сердце наполнилось невыразимою болью... Точно все горе дѣвушки, какимъ-то изумительнымъ образомъ, передалось мнѣ въ эту минуту... И одновременно — я почувствовалъ смущеніе, стыдъ... И готовъ былъ упасть къ ногамъ Вареньки, и умолять ее о прощеніи, и просить ее забыть мою легкомысленную шалость и болтовню...

Мы не спали всю ночь. Всю ночь я просидѣлъ возлѣ Вареньки на диванѣ, успокаивая ее бесѣдой, поправляя сползающій пледъ, дружески поглаживая по тоненькому плечу...

Утро было въ разгарѣ, когда мы мчались съ вокзала по Дерибасовской.

Ярко и радостно сверкало золотое одесское солнце.

Въ воздухѣ струился сладкій запахъ акацій. Улицы, скверы, кафэ Фанкони и Робина, наполненные оживленной толпой, смѣхъ, гулъ, весенніе туалеты — напоминали истинный праздникъ.

Весело, по весеннему, звучалъ праздничный благовѣстъ:

— Дирлинь-дирлинь!.. Донъ!.. Донъ!.. Донъ!..

На Карангозовской улицѣ, у небольшого бѣлаго дома съ акаціями, извозчикъ остановился.

Я проводилъ Вареньку до подъѣзда, взялъ съ нее слово быть молодцомъ и протянулъ руку. Варенька вскинула на меня свои большіе глаза, слегка утомленные, подернутые чуть замѣтнымъ колечкомъ послѣ безсонной ночи, подала ручку:

— Прощайте!.. Голубчикъ!.. Миленькій!..

И съ застѣнчивою улыбкой, какъ будто что-то неожиданно вспомнивъ, Варенька прошептала:

— Христосъ Воскресе!

Я обнялъ ее и трижды поцѣловалъ въ пухлыя щечки, пахнувшія миндальнымъ мыломъ и молокомъ..

Я встрѣчался съ Варенькой нѣсколько разъ...

Потомъ, поѣздъ жизни умчалъ насъ въ разныя стороны...

И теперь осталось только воспоминаніе объ одесской командировкѣ, объ отдѣльномъ купэ въ пасхальную ночь, и образѣ славной русской дѣвушки, которую звали Варенькой Шейхашири...

АРМЕЙСКІЙ ХЛЕСТАКОВЪ.

Это было подъ самой Варшавой, въ тоскливый ноябрьскій день, когда воспоминаніе о прежнемъ уютѣ и тихихъ радостяхъ петербургской квартиры, просыпается съ особою силой.

Дивизія стояла въ резервѣ.

Когда же прибылъ санитарный отрядъ, стало ясно, что дивизіи предстоитъ отвѣтственная боевая задача.

Загудѣлъ штабной телефонъ. Начальникъ штаба, оторвавшись отъ диспозиціи, съ недовольнымъ видомъ взялъ трубку и услыхалъ четкій, увѣренный голосъ:

— Алло!.. . У аппарата Иванъ Александровичъ Добрынскій!...

Представьте человѣка лѣтъ тридцати пяти, достаточно располагающей внѣшности, съ темнымъ бобрикомъ, въ пенснэ на блѣдносѣрыхъ, слегка близорукихъ глазахъ, въ защитномъ хаки земгусара, при савельевскихъ шпорахъ, парабеллумѣ и при шашкѣ.

Иванъ Александровичъ только недѣлю тому назадъ выѣхалъ изъ столицы на фронтъ, промѣнявъ маленькое, но теплое мѣстечко въ центральномъ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ на невзгоды боевой жизни.

Но въ часъ войны каждый обязанъ принести себя на алтарь отечества...

За окномъ сыплетъ дождь, мелкій, нудный, противный.

Въ жарко натопленной хатѣ накрытъ столъ на четыре персоны. На столѣ варшавскіе деликатесы — сардинки, омары, лабарданъ подъ томатовымъ соусомъ, гра-

финчикъ померанцовой водки, зубровка, мадера, абрикотинъ. За столомъ — двѣ сестрицы, Аня и Маня, въ бѣлыхъ косынкахъ, съ маленькимъ крестикомъ на груди, дѣвушки, пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ.

Иванъ Александровичъ подливаетъ въ рюмки абрикотинъ, угощаетъ англійскими сигаретами, суетится, хлопочетъ. Иванъ Александровичъ прекрасный хозяинъ и знатокъ души человѣческой.

Но прежде всего — патріотъ...

На что крутой генералъ, Владимиръ Христофоровичъ Роопъ, но тоже поддался, растаялъ, какъ воскъ.

„Ропкая" дивизія только что совершила удачный рейдъ къ самому Торну. Потомъ, какъ указывалось въ реляціи, „подъ давленіемъ превосходныхъ силъ противника, отошла на заранѣе подготовленную позицію", и засѣла въ окопы, въ піончинскомъ болотѣ.

За это время Иванъ Александровичъ успѣлъ дважды слетать въ столицу, прибывъ съ свѣжими новостями и закусками. За ужиномъ, обсасывая куриную косточку, дѣлится петербургскими впечатлѣніями:

— Настроеніе общества превосходное!.. Война до побѣднаго конца, съ занятіемъ проливовъ и Константинополя!.. Кстати, на раутѣ у графа Владимира Николаевича...

Начальникъ дивизіи высоко поднялъ черныя брови, переложилъ вилку въ правую руку, насторожился:

— У графа?.. Какого графа?..

Иванъ Александровичъ небрежно роняетъ:

— У графа Владимира Николаевича Коковцева.

— А!

— ...Иванъ Григорьевичъ мнѣ говоритъ...

Начдивъ снова переложилъ вилку въ лѣвую руку:

— Какой Иванъ Григорьевичъ?

— Этотъ... Какъ его?... Щегловитовъ! — отвѣчаетъ Иванъ Александровичъ, закуривая англійскую сигаретку.

Начдивъ барабанитъ четырьмя пальцами по столу и думаетъ:

— Чортъ его подери!.. По министрамъ шатается!.. Нужно быть съ нимъ поласковѣе!..

Къ рождественскимъ праздникамъ Иванъ Александровичъ заработалъ владимірскій крестикъ съ мечами и бантомъ.

Иванъ Александровичъ дѣлаетъ служебный скачокъ и попадаетъ съ санитарной летучкой въ штабъ I кавалерійскаго корпуса.

Бульково... Барскій домъ на берегу Вислы... Апрѣль, цвѣтущія яблони, благоухающая сирень... И никого, кромѣ лошадей и прокисшихъ, бородатыхъ солдатъ!..

И вдругъ?..

Очаровательный купидонъ, бѣлокурый, съ небесно-голубыми глазами, съ роскошными формами, полный весенней истомы, появляется на кавалерійской позиціи...

Да проститъ меня тѣнь безвременно погибшаго комкора, Владимира Алоизьевича Орановскаго!.. Всѣ мы грѣшные люди, а въ особенности на фронтѣ... Кто устоитъ передъ дьявольскимъ искушеніемъ?...

— Дивно!.. Безумно!.. Шарманъ! — говоритъ купидонъ. — Ваши окопчики — это же прелесть!.. Монъ женераль, я въ полномъ восторгѣ!

Владимиръ Алоизьевичъ молодцевато покручиваетъ сѣдѣющіе усы.

Наштакоръ, ядовитый Петръ Ивановичъ Залѣсскій, раскорячивъ короткія ноги въ широкихъ бриджахъ, щурится, какъ котъ на сало, поводитъ длиннымъ носомъ съ рыжими волосками, шипитъ:

— Ну и бабецъ!.. Не женщина, а крейцерова соната!

Иванъ Александровичъ потираетъ ладони, хихикаетъ, ободряюще смотритъ комкору въ глаза — смѣлѣй, ваше превосходительство!

— Моя жена отъ васъ въ полномъ восторгѣ!

Къ пасхальнымъ праздникамъ Иванъ Александровичъ нацѣпилъ на шею большого Владимира съ боевыми мечами.

Въ дни революціи Иванъ Александровичъ совершенно въ расходѣ.

Иванъ Александровичъ принимаетъ участіе въ сконструированіи временнаго правительства, ведетъ переговоры съ партійными лидерами, съ общественными дѣятелями, съ революціонной соціалистической демократіей...

Въ августѣ принимаетъ участіе въ переговорахъ Корнилова съ Керенскимъ, съ Львовымъ, съ Савинковымъ, съ комиссарами Станкевичемъ и Филоненко:

— Алло!.. Генералъ Корниловъ?.. Здравствуйте, ваше высокопревосходительство!.. У аппарата Иванъ Александровичъ Добрынскій!

Иванъ Александровичъ убѣждаетъ. Иванъ Александровичъ настаиваетъ. Тридцать тысячъ горцевъ обязуется выставить Иванъ Александровичъ, по первому требованію... Весь вопросъ только въ кредитахъ... Но что значитъ какихъ нибудь тридцать мильоновъ по сравненію съ великой государственной задачей?... Нѣтъ жертвы, которую нельзя принести на алтарь дорогого отечества!..

Это запечатлѣно въ анналахъ этой достаточно темной исторіи...

Иванъ Александровичъ принимаетъ участіе на московскомъ государственномъ совѣщаніи и въ предпарламентѣ. Сорокъ тысячъ курьеровъ скачутъ изъ Петрограда въ Москву. Сорокъ тысячъ курьеровъ скачутъ изъ Москвы въ Петроградъ...

Въ 1918 году Иванъ Александровичъ въ Кіевѣ.

Кіевъ окруженъ петлюровцами. Растерявшійся гетманъ вручаетъ командованіе генералу графу Келлеру. Трещитъ телефонъ:

— Алло!.. У аппарата начальникъ канцеляріи главнокомандующаго, Иванъ Александровичъ Добрынскій!

Гетманъ въ Берлинѣ. Графъ Келлеръ убитъ съ обоими адъютантами. Иванъ Александровичъ сгинулъ безслѣдно, провалился сквозь землю. Черезъ мѣсяцъ, въ Ростовѣ трещитъ телефонъ:

— Алло! .. У аппарата министръ иностранныхъ дѣлъ астраханскаго краевого правительства и Букѣевской Орды, Иванъ Александровичъ Добрынскій!

На этомъ исторія обрывается . . .

Не слѣдуетъ удивляться, если въ одинъ прекрасный день снова затрещитъ телефонъ и знакомый голосъ скажетъ съ увѣренной четкостью:

— Алло! .. У аппарата Иванъ Александровичъ Добрынскій, верховный правитель государства россійскаго!..

Къ сожалѣнію, этого не случится.

Не случится по той причинѣ, что Иванъ Александровичъ, несомнѣнно, покинулъ нашу планету. Ибо, въ противномъ случаѣ, давно бы уже далъ о себѣ вѣсточку. Если не мнѣ, если не вамъ, то своему другу — Тряпичкину . . .

РОСА ПОЛЕЙ.

1.

Тридцать мѣсяцевъ боевой работы въ рядахъ армейскаго стрѣлковаго полка нельзя не признать вещью въ достаточной степени героической.

Тѣмъ болѣе, если работа эта безпрерывна, а кратковременнымъ отдыхомъ служитъ форсированный маршъ или леченіе ранъ въ передовомъ лазаретѣ.

При этихъ условіяхъ, изученіе тактики и природы боя представляется дѣломъ совершенно пустяковымъ, по сравненію съ методами, примѣняемыми въ военныхъ академіяхъ, причемъ цифровыя данныя уставныхъ положеній варьируются самымъ широкимъ образомъ, въ зависимости отъ свиста пули.

Что же касается топографіи и теоріи военныхъ снабженій, то собственныя подошвы и желудокъ являются лучшими учебниками въ мірѣ . . .

Штабсъ-капитанъ Гребенюкъ, продѣлавъ съ полкомъ весь походъ отъ береговъ Балтійскаго моря до венгерской границы, на восьмомъ году службы могъ безспорно считать себя знатокомъ славной профессіи.

Полкъ восемь разъ перемѣнилъ свой составъ. Старослуживыхъ, за исключеніемъ обозныхъ и писарей, почти не оставалось. Кадровыхъ офицеровъ, напутствованныхъ торжественнымъ молебномъ въ день выступленія въ походъ, налицо было только четыре. Остальные, частью выбыли, въ порядкѣ постепенности, по различнымъ пунктамъ санитарнаго билета, а добрая половина, во славу царя и отечества, обрѣла вѣчный покой.

Штабсъ-капитанъ отдѣлался сравнительно удачно.

Въ его послужномъ спискѣ значились лишь двѣ штыковыя раны и контузія, что въ связи съ нѣсколькими, легко поврежденными ребрами, давало право на три нарукавныхъ нашивки.

Такимъ образомъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ соотвѣтствіи со всѣмъ вышеизложеннымъ, штабсъ-капитанъ, какъ настоящій баловень судьбы, уже командовалъ ротой на самомъ законномъ основаніи. А въ ближайшемъ будущемъ, могъ разсчитывать и на дальнѣйшее движеніе по іерархической ступени.

Въ этихъ случаяхъ, люди характера менѣе твердаго и упорнаго, но обладающіе извѣстнымъ опытомъ, или же просто почувствовавшіе признаки легкой тревоги въ груди, поступаютъ весьма осмотрительно, мѣняя родъ служебныхъ занятій и совершенно отрекаясь отъ дальнѣйшей карьеры. Военное начальство, оцѣнивъ по достоинству ихъ раны и заслуги, охотно предоставляетъ доблестнымъ воинамъ испрашиваемую должность, находящуюся внѣ предѣловъ не только ружейнаго, но весьма часто и артиллерійскаго огня.

Но штабсъ-капитанъ Гребенюкъ былъ упрямъ. А потому, не предаваясь выводамъ логики, спокойно, какъ истинный философъ, продолжалъ плыть по теченію волны . . .

2.

Участокъ былъ, какъ говорится, не важный.

Въ окопахъ стояла вода. Унылая мѣстность была болотиста, покрыта ржавымъ мохомъ и снѣгомъ,

Главное же неудобство заключалось въ томъ, что окопы сходились такъ близко, что не было возможности гулять по брустверу и разводить костры. Это раздражало солдатъ и дѣйствовало утомительно на нервы.

Вдобавокъ, противникъ держалъ себя крайне вызывающе и дерзко. Завладѣвъ „огнемъ", гвоздилъ безъ передышки артиллеріей, а изъ винтовокъ пристрѣлялся

столь мѣтко, что ежедневно нѣсколько стрѣлковъ, съ пробитымъ черепомъ, ночью выволакивались въ тылъ.

Съ другой стороны, близкое сосѣдство давало возможность перекидываться, ради шутки, ручными гранатами, прислушиваться къ нѣмецкимъ словамъ и цѣлый день зло и ядовито браниться.

На проволочномъ загражденіи висѣлъ нѣмецъ — толстый, здоровый нѣмецъ, съ коротко остриженной головой, въ сѣромъ мундирѣ, въ новыхъ сапогахъ желтой кожи. Онъ висѣлъ пятыя сутки, подъ солнцемъ и подъ полѣсскимъ туманомъ, и смердѣло отъ него ужаснымъ образомъ...

Когда начинало темнѣть и по всей непріятельской линіи зажигались ракеты и ярко свѣтили прожекторы, крики усиливались и слышались голоса:

— Русъ, русъ!... Ступай къ намъ водку пить!...

Солдаты смѣялись, ругались матерными словами и отвѣчали:

— Эй, ты, чортова колбаса!.. Не хочешь ли картошки съ саломъ?..

Всю ночь трещали отдѣльные выстрѣлы. Пули съ тонкимъ визгомъ, какъ надоѣдливыя, жадныя пчелы, летали по всѣмъ направленіямъ и чмокались въ сырую землю. Иногда перестрѣлка разгоралась по всей линіи и кипѣлъ настоящій бой. Бухали пушки. Съ тяжелымъ хорканьемъ летѣли снаряды, разрываясь снопами огненныхъ брызгъ. Пулеметы стучали, какъ барабанная дробь...

Въ этихъ случаяхъ, сейчасъ же начиналъ хрипѣть телефонъ:

— Хръ-хръ!..

Штабсъ-капитанъ Гребенюкъ, сидѣвшій въ землянкѣ съ субалтерномъ, прапорщикомъ Бергомъ, бралъ у телефониста трубку:

— Алло!.. Кто говоритъ?.. Иванъ Иванычъ?.. Это я!.. Здравствуйте, голубецъ!.. Что новенькаго?.. Командиръ полка безпокоится?.. Наступленіе?.. Не

нужно ли поддержки?.. Нѣтъ!.. Благодарствуйте!.. Все обстоитъ благополучно!.. На Шипкѣ все спокойно!.. Пріятныхъ сновидѣній!..

Потомъ, снова брался за кружку и иронически замѣчалъ:

— Изволятъ безпокоиться... Не привыкши... Да-съ, молодой человѣкъ, это вамъ не фунтъ изюму!..

Затѣмъ, приходилъ фельдфебель, подпрапорщикъ Иванъ Максимовичъ Суковатый. Слегка заикаясь, докладывалъ, что снарядомъ завалило землянку третьяго взвода, убило ефрейтора Рыжкова и ранило трехъ стрѣлковъ... Что двое больныхъ кровавымъ поносомъ отправлены въ околодокъ... Что люди не ужинали, такъ какъ походную кухню нельзя подвезти...

Въ заключеніе, Иванъ Максимовичъ добавлялъ тихимъ голосомъ, что безвѣстно отлучился стрѣлокъ Синица, захвативъ винтовку и шанцевый инструментъ...

Штабсъ-капитанъ выслушивалъ молча, барабаня пальцами по столу и сопровождая словами, вродѣ: „такъ-съ... правильно... понятно...”. Затѣмъ приподымался, надѣвалъ папаху и выходилъ изъ землянки...

3.

Когда огонь начиналъ постепенно ослабѣвать и вѣроятность ночной атаки съ проблесками разсвѣта, становилась менѣе возможной, солдатами овладѣвала нервная усталость и люди засыпали на ходу.

Землянки и окопы наполнялись людьми, лежавшими вповалку на сырой и грязной соломѣ, въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, хрипѣвшими, стонавшими дикими, болѣзненными криками.

Эти кучи человѣческихъ тѣлъ, съ землистыми лицами, хрипло дышавшіе среди испареній, съ судорожно сведенными, дрожавшими, раскинутыми и переплетшимися членами, казались клубками какихъ- то гигантскихъ червей, выкинутыхъ на поверхность. Въ эти короткія минуты

ничто не могло возмутить ихъ покоя и никакая сила въ мірѣ не была въ состояніи вернуть ихъ къ окружавшей дѣйствительности.

Впрочемъ, затишье продолжалось недолго.

Какъ только расходился жидкій туманъ и блѣдное солнце появлялось на сѣрой пеленѣ неба, противникъ начиналъ нащупывать батареи, билъ по тыламъ и ближнимъ резервамъ, и снова держалъ участокъ подъ методичнымъ огнемъ.

Иногда, совершенно неожиданно, онъ яростно обрушивался на какую нибудь точку и тогда, въ продолженіе цѣлаго часа, безъ перерыва и счета, засыпалъ ее очередями, словно желая освободиться отъ свинцоваго груза . . .

Согнувшись и прихрамывая, со слѣдами безсонницы на худомъ, блѣдномъ лицѣ, штабсъ-капитанъ Гребенюкъ шелъ по окопу, возвращаясь въ землянку. По дорогѣ, вполголоса здоровался съ одиночными людьми, мимоходомъ провѣрялъ работы.

Въ землянкѣ холодно, сыро. Черезъ окошко, наполовину затянутое оберточною бумагой, лился тусклый свѣтъ. На низкихъ нарахъ, укрывшись съ головой, спалъ молодой прапорщикъ. За досчатой перегородкой денщикъ ругался съ телефонистомъ и стучалъ желѣзной посудой.

Штабсъ-капитанъ чувствовалъ себя уставшимъ, разбитымъ. Не раздѣваясь, прилегъ на походную койку и пытался заснуть. Онъ долго лежалъ съ закрытыми глазами, стараясь ни о чемъ не думать, отгоняя отъ себя тягучія воспоминанія, однообразный свитокъ тяжелыхъ, напряженныхъ, мучительныхъ дней.

Но сонъ не шелъ. Сквозь полушубокъ пробирался холодъ. Назойливыя мысли не давали покоя . . .

Онѣ переносили почему-то къ тѣмъ днямъ, когда, въ порядкѣ встрѣчнаго боя, противники столкнулись, лицомъ къ лицу, на этомъ узенькомъ перешейкѣ среди болотъ и, быстро исчерпавъ наступательную энергію, зарылись тотчасъ въ землю . . .

Но нѣмцы „завладѣли" огнемъ и это давало имъ огромное преимущество... Они пользовались свободой передвиженія, имѣли возможность разгуливать по своей линіи и подвозить походную кухню, въ то время, какъ рота штабсъ-капитана Гребенюка лежала, прижавшись къ грязной, талой землѣ, не смѣя высунуть носа...

Пять сутокъ продолжалось это нечеловѣческое испытаніе, пока, наконецъ, отдѣльныя лунки, отрытыя каждымъ стрѣлкомъ, не превратились въ узенькую траншею, уравнявшую, до нѣкоторой степени, шансы обѣихъ сторонъ... А однажды, завладѣвъ въ свою очередь огнемъ, штабсъ-капитану удалось, въ теченіе одного вечера, заплестись жидкою проволокой и построить четыре землянки...

Двѣ недѣли противники лежатъ другъ передъ другомъ, готовясь, какъ звѣри къ очередному прыжку, истощая другъ друга свинцовымъ дождемъ, мелкими вылазками, нервной тревогой и ожиданіемъ... За это время противникъ изученъ до мельчайшихъ подробностей... Штабсъ-капитану извѣстно, что передъ нимъ 3 рота восьмого баварскаго короля Людвига-Леопольда полка... Что ротой командуетъ лейтенантъ Кранцъ... Что на дняхъ послѣдуетъ смѣна...

На этой мысли, вниманіе штабсъ-капитана пріостанавливается... Да, смѣна!... Черезъ сутки его ожидаетъ подобное же распоряженіе... Пройдетъ двадцать четыре часа, всего только двадцать четыре часа и, подъ прикрытіемъ ночи, онъ отойдетъ съ ротой къ штабу полка, въ Доброславку... На двѣ недѣли или, можетъ быть, лишь на одну?... Это не имѣетъ значенія... Хоть день да мой!... На остальное рѣшительно наплевать...

— Хай его чортъ!... Какъ мучительно тянется время!...

4.

На фронтѣ было спокойно.

Лишь изрѣдка, на самомъ правомъ флангѣ, раздава-

лись одиночные выстрѣлы, напоминая щелканье бича и звучнымъ эхомъ нарушая тишину полей:

— Та-ку!... Та-ку!...

Высокій теноръ, мучительно напрягая голосъ, тянулъ унылый, клейкій, незатѣйливый мотивъ:

„Ты взойди, взойди, солнце красное,
Обогрѣй ты насъ, сиротъ бѣдны—ихъ ...“

Затѣмъ, неожиданно обрывалъ его на серединѣ, пріостанавливался и, съ присвистомъ, переходилъ на плясовую...

На проволокѣ попрежнему висѣлъ нѣмецъ, въ сѣромъ мундирѣ, съ коротко остриженной головой. Онъ весь какъ-то осунулся и, вмѣсто ногъ, болтались двѣ отрубленныя по колѣно культяпки.

Въ тылу и съ обѣихъ сторонъ, лежало болото, съ можжевельникомъ, съ жиденькими березками, елями, съ одинокими соснами... Къ небу клубами подымался туманъ... Медленно выползало тусклое полѣсское солнце, освѣщая позицію скуднымъ розовымъ свѣтомъ...

Когда, пробившись черезъ окно, лучъ скользнулъ по землянкѣ, штабсъ-капитанъ Гребенюкъ вытащилъ изъ кармана бумажникъ и, копаясь въ немъ, сталъ перечитывать лоскуты измятой бумаги. Молодой прапорщикъ, забросивъ за плечо нѣмецкій карабинъ съ оптическимъ прицѣломъ, направился въ окопъ.

Это было незамѣнимое оружіе по мѣткости и силѣ боя.

Засѣвъ у пулеметнаго гнѣзда, въ томъ мѣстѣ, гдѣ траншея переходила въ исходящій уголъ, прапорщикъ впился въ даль своими ястребиными глазами, держа палецъ на спусковомъ крючкѣ.

Спортсменъ и хищникъ по природѣ, онъ въ совершенствѣ изучилъ всѣ повадки залегшаго передъ нимъ двуногаго звѣря, и на войну смотрѣлъ съ циничной простотой, какъ на опасную, но интересную охоту.

Это его забавляло.

Онъ зналъ, что въ этотъ часъ утренняго разсвѣта, послѣ тяжелаго, непродолжительнаго сна, обычная предосторожность забывается, и рѣдко ошибался.

— Тахъ!

Сухой, короткій трескъ прорѣзалъ воздухъ. Въ окопѣ у противника раздались крики, ругань.

— Двадцать два и одинъ!... Омельченко, видалъ?

Лежавшій рядомъ наблюдатель засмѣялся:

— Атъ, ловко это вы его, ваше благородіе!... Какъ есть, въ самый лобъ!...

Въ то же время, подпрапорщикъ Суковатый, растягивая фразы и по привычкѣ заикаясь, докладывалъ штабсъ-капитану о томъ, что снова заболѣло четверо стрѣлковъ, что вышелъ матеріалъ для блиндажей, и что Синица возвратился, съ винтовкой, инструментомъ и въ крѣпкихъ нѣмецкихъ сапогахъ:

— Совсѣмъ нестоющій солдатъ! — добавилъ съ легкою усмѣшкою фельдфебель. — А первый въ ротѣ фуражиръ!...

5.

Выстрѣлъ тяжелой батареи, стократнымъ эхомъ отдавшійся по всему участку, нарушилъ тишину.

Вторымъ снарядомъ, угодившимъ въ проволочное загражденіе, взмыло къ самому небу комья мерзлой земли.

Одну лишь минуту продолжалась томительная пауза, послѣ которой новый оглушительный ревъ, сотрясая окрестность, обрушился потокомъ чугуна и стали. Залпы слѣдовали безостановочно одинъ за другимъ и, взметая черные столбы земли и дыма, огромные снаряды ложились цѣлыми пучками на участкѣ. Одновременно, огонь какихъ-то дотолѣ скрытыхъ батарей билъ по тыламъ и артиллеріи.

Обстрѣлъ продолжался не болѣе пяти минутъ, но за это время успѣлъ разнести въ щепы наиболѣе прочный блиндажъ на правомъ флангѣ.

Огонь мгновенно смолкъ и лишь отдѣльные удары, точно запоздавъ принять участіе въ обстрѣлѣ, плюясь и негодуя, продолжали буравить землю...

Штабсъ-капитанъ Гребенюкъ выскочилъ изъ землянки.

Навстрѣчу бѣжало нѣсколько солдатъ. Въ воздухѣ пахло гарью и сладкимъ запахомъ бездымнаго пороха. А черезъ минуту, по всему фронту, направо и налѣво отъ участка, затрещали винтовочные выстрѣлы...

Штабсъ-капитанъ кинулся впередъ и, въ это мгновенье, услыхалъ рѣзкій голосъ прапорщика Берга. Онъ видѣлъ, какъ молодой офицеръ, размахивая карабиномъ, съ перекосившимся и злымъ лицомъ, бѣжалъ въ окопу. За нимъ, съ ружьями наперевѣсъ, бѣжало нѣсколько стрѣлковъ и среди нихъ, послѣднимъ, въ желтыхъ нѣмецкихъ сапогахъ, съ ручными гранатами у пояса, неуклюже путаясь въ складкахъ длинной шинели, бѣжалъ Синица.

Онъ видѣлъ, какъ вскочивъ въ окопъ, молодой прапорщикъ появился тотчасъ на брустверѣ и, опустившись на колѣно, приложился изъ ружья.

— Та-та-та-та!...

Сквозь развороченное окно амбразуры бѣлѣлъ кусокъ поля. Виднѣлись люди въ темно-сѣрыхъ шинеляхъ. Люди подходили ближе и ближе. Цѣлые ряды ихъ, точно колосья подъ ударами гигантскаго серпа, падали на землю. Но, на смѣну имъ, выростали все новыя человѣческія волны, въ могучемъ и безостановочномъ движеніи, катившіяся стремительно впередъ...

6.

Упала ночь и въ черносинемъ небѣ уже сверкали звѣзды, когда штабсъ-капитанъ Гребенюкъ неожиданно очнулся.

Пытаясь встать, онъ приподнялся на рукахъ, но тотчасъ, съ глухимъ стономъ, повалился на бокъ. Его трясло, какъ въ лихорадкѣ. Зубы выстукивали мелкую дробь. Во рту горѣло и чувствовалась мучительная жажда.

Кровь продолжала течь густыми медленными струйками и схваченная морозомъ лужа крѣпко припаяла его истерзанное тѣло, вмѣстѣ съ овчиной полушубка, къ землѣ.

— Пить! — простоналъ штабсъ-капитанъ.

Голосъ его прозвучалъ одиноко. Кругомъ было тихо, пустынно. Только вѣтеръ свистѣлъ, пролетая по низкимъ яругамъ, да трещалъ временами ледъ.

Взошла луна и освѣтила бѣлую поляну съ чернѣющими тамъ и сямъ неподвижно-странными пятнами. Размотанными кругами блестѣла проволока загражденій. Коегдѣ еще торчали развороченные, покосившіеся колья. Вокругъ валялись въ безпорядкѣ бревна, доски, винтовки, консервныя коробки, аммуниція. А въ сторонѣ, на самомъ краю неба, виднѣлось зарево далекаго пожара.

Штабсъ-капитанъ лежалъ безъ чувствъ.

Когда же сознаніе снова вернулось къ нему и съ неуловимой четкостью возстановило въ памяти прерывчатую вереницу впечатлѣній, онъ заметался, какъ подстрѣленная птица, забился въ судорожныхъ корчахъ по землѣ, цѣпляясь ослабѣвшими руками за мерзлый снѣгъ и льдистые сугробы.

— Спасите! — закричалъ штабсъ-капитанъ, нечеловѣческимъ усиліемъ пытаясь приподняться и чувствуя, какъ тлѣющая въ груди искра, еще несетъ ему надежду:

— Спасите, братцы!...

Онъ звалъ фельдфебеля и субалтерна Берга, стоналъ, кричалъ и вѣтеръ разносилъ его охрипшій голосъ. Онъ грозилъ окостенѣвшимъ кулакомъ, трясъ головой и жадными глазами смотрѣлъ на сверкавшія надъ нимъ холоднымъ блескомъ звѣзды.

Когда же выбился изъ силъ, смирился и притихъ.

Въ затуманенномъ мозгу пронесся на мгновенье рой воспоминаній, знакомыхъ образовъ, видѣній, встрѣчъ...

Горячая волна залила его тѣло неизъяснимымъ ощущеніемъ... Улыбка появилась на его лицѣ...

Какъ очарованный, онъ продолжалъ глядѣть на небо, въ которомъ сіяли дивные огни, звенѣли серебряные колокольчики и раздавались стройные, могучіе, торжественные звуки...

ГАНКА.

I.

Сестрацинъ — самая обыкновенная деревня на Волыни, возлѣ австрійской границы.

Закутанная изумрудной чащей коноплянника и хмѣля, она стоитъ на крутогорьѣ, среди волнисто-желтыхъ зрѣющихъ полей, и есть въ ней все, что краситъ Украину: вишневые сады, и сонный ставъ, и тополи, и хаты, и чернобровыя дивчата, и бравые, осанистые паробки...

Когда къ деревню прибылъ взводъ летучей почты и люди, спѣшившись, ведя усталыхъ, запотѣвшихъ лошадей, стали размѣщаться по дворамъ, поручикъ, стоя у криницы, нѣкоторое время еще бесѣдовалъ съ подпрапорщикомъ, по поводу хозяйственныхъ вопросовъ — о фуражѣ, о банѣ, водопоѣ и другихъ вещахъ. Потомъ, сопровождаемый шустрымъ квартирьеромъ, ефрейторомъ Онипко, направился къ себѣ.

Пройдя кусокъ укатаннаго шляха, убогую церковку и прудъ, съ кривыми ветлами и стадомъ гогочущихъ гусей, онъ повернулъ въ тѣнистый переулокъ, съ изсохшимъ тыномъ и пыльными кустами будяка. Изъ за плетня сквозили тихіе сады, виднѣлись грядки тыквъ, арбузовъ, пятна мака и низенькія хаты, съ огородами и желтыми кругами подсолнуха.

Словоохотливый ефрейторъ уже успѣлъ сообщить, что „деревня знатная, богатая и размѣститься можетъ, почитай, что цѣльный полкъ и даже съ антелеріей“... Точь въ точь его родная кіевская Малеванка!... Что

помѣщенье у попа недавно занялъ армейскій комиссаръ, а для его благородія отведена халупа у сотскаго, Миколы Примака . . .

— Квартера — лучше не сыскать! . . . Мужикъ сурьозный, домовитый, клоповъ ни-ни, а горница сухая, чистая, пригожая! . . . Все въ аккуратѣ и для коней, коль пошукать, знайдется добрая стодола . . . Эвона, вертайте вашебродь! . . . Минете садъ, а тамъ и хата! . . .

Поручикъ толканулъ калитку и узенькой тропой, вьющейся среди крапивы, мяты, лопуха, склоняясь подъ вѣтвями заткавшихся густою паутиной яблонь, направился къ бѣлѣвшей хатѣ.

Денщикъ Назаровъ раздуваетъ самоваръ. Возлѣ него, съ лозовой хворостиною въ рукѣ, стоитъ маленькій Ивась. Хозяинъ, съ морщинистымъ лицомъ, въ бараньей шапкѣ, въ высокихъ порыжѣвшихъ сапогахъ, копается у клуни . . .

2.

Поручикъ Булацель стоитъ въ деревнѣ третьи сутки.

Кто знаетъ службу на летучей почтѣ, тотъ предпочтетъ не быть въ отдѣлѣ, какъ ни почтенна эта благодарная задача. Три раза въ сутки пакеты отправляются по линіи. Уланскій взводъ работаетъ не хуже телеграфа — ни перебоевъ, ни сучка. Поручикъ отмѣчаетъ почту, заноситъ номера въ журналъ, доноситъ рапортами командиру эскадрона о происшествіяхъ на линіи. Работа легкая, разъ плюнуть да и только . . .

Но скука, но тоска! . . .

Въ открытое окно дрожитъ и льется пѣсня.

„Ой, ма-а-ты, маты,
Мо-о-скаль у хаты,
Жартуе, пильнуе,
Не дае спаты . . .

Это — Ганка!...

Поручикъ слышитъ смѣхъ... Потомъ, онъ слышитъ шумъ, возню и негодующій дѣвичій голосъ...

— Отчепысь!... Цуръ тоби пекъ, чертяка!... Геть!...

Это — Назаровъ... Какая бестія!... Поручикъ высовывается изъ окошка и видитъ денщика... Назаровъ обнимаетъ Ганку... А Ганка раскраснѣлась, лицо горитъ, глаза сверкаютъ... Ну и дивчина!... Прямо на ять!... Необходимо обратить вниманіе...

— Назаровъ, что за безобразіе! — кричитъ поручикъ. — Ты у меня смотри, каналья!...

Къ обѣду приходитъ Иванъ Иванычъ, армейскій комиссаръ.

Обѣдаютъ вдвоемъ и выпиваютъ графинчикъ водки. Иванъ Иванычъ разсказываетъ анекдоты. Поручикъ оглушительно смѣется. А послѣ переходятъ въ садъ, лежатъ въ разстегнутыхъ рубашкахъ на травѣ, пьютъ чай съ вареньемъ, медомъ, съ коньякомъ и дуются, отъ нечего дѣлать, по гривеннику, въ банчокъ.

Иванъ Иванычъ — необыкновенный человѣкъ. И дѣло знаетъ и выпить не дуракъ. А въ общемъ — душа-парень, компанейскій человѣкъ...

— Ну, что, голубушка?... Не тяпнуть-ли еще?... Какъ это?...

„И кто два раза въ день не пьянъ —
Тотъ, извините, не уланъ!..."

запѣлъ Иванъ Иванычъ и слегка дрожащей рукой наполнилъ стаканы:

— Хорошо сказано!... Михалъ Михалычъ!... Миша!... Голубецъ!... Твое здоровье!... За свободу!... За уланскій полкъ!...

Они чокаются и пьютъ снова. Потомъ расходятся, съ тяжелой головой, съ опухнувшими вѣками...

Сквозь сладкую дремоту, поручикъ слышитъ голосъ денщика.

Назаровъ — резонеръ. Онъ поучаетъ старика-хозяина, разсказываетъ о войнѣ, о службѣ, о поручикѣ:

— Баринъ мой — орелъ!... Мово барина не то что командеръ — дивизіи начальникъ уважаетъ... Во какъ!... Потому — ерой!...

Старикъ молчитъ. Онъ куритъ трубку и вздыхаетъ. Потомъ, кидаетъ пару словъ о жизни, о заботахъ, вспоминаетъ покойную жену:

— А яка хвороба — то незвістно... Хиба жъ я знаю?...

Тяжело... Все валится изъ рукъ... Кабы не Ганка — все пропало...

Поручикъ улыбается:

— Какая бестія, этотъ Назаровъ!... Да, Ганка, Ганка... Такъ кажется бы обхватилъ да впился въ алый ротъ...

Подъ вечеръ, поручикъ Булацель выходитъ въ садъ.

Жужжитъ пчела, толкутся комары... Ззззъ-зззъ... Въ малинникѣ онъ видитъ стараго лохматаго Рвача, а рядомъ — Ганку...

— Тебя Назаровъ обижаетъ, Ганка?.,. Не бойся... А ловко ты его сегодня отчитала... Цуръ тоби пекъ, чертяка, геть!... Ха-ха-ха-ха!... А на меня ты не разсердишься?...

И неожиданно склонившись къ Ганкѣ, цѣлуетъ ее въ губы...

3.

Черезъ недѣлю комиссаръ уѣхалъ.

Поручикъ получилъ приказъ снять почту и вернуться въ полкъ.

Въ пригожій ясный день онъ выступилъ со взводомъ, проѣхалъ ставъ, рядъ тихихъ, сонныхъ улицъ и выѣхалъ на шляхъ...

Когда случайно, въ октябрѣ, полкъ проходилъ черезъ деревню, направляясь въ тылъ на усмиреніе

бунтующей пѣхоты, поручикъ на минуту задержался у криницы и крупной рысью свернулъ въ узенькій про-улокъ.

Навстрѣчу, съ лаемъ, выкатился Рвачъ, узналъ и завилялъ хвостомъ. Старый Микола, въ бараньей шапкѣ и въ тѣхъ же рыжихъ сапогахъ, стоитъ у хаты. Маленькій Ивась гоняется за пестрымъ пѣтухомъ...

Микола выглядитъ больнымъ, уставшимъ... И хата посѣрѣла... Сталъ рѣже садъ, и листья пожелтѣли, и нѣтъ красивыхъ маковъ...

— А Ганка гдѣ?...

— Нэма Ганки! — бормочетъ старый Микола и смотритъ въ сторону. — Ганки нэма!... Хиба я знаю... Утопла Ганка!...

— Утопла Ганка! — повторяетъ маленькій Ивась...

Поручикъ возвращается и крупнымъ шагомъ нагоняетъ полкъ. Его щемитъ тяжелое невѣдомое чувство. Онъ вспоминаетъ ласковую ночь, волнуется какой-то смутною догадкой и чувствуетъ невыразимую тоску..

Когда же, черезъ годъ, приговоренный къ высшей мѣрѣ, поручикъ Булацель стоялъ подъ дулами десятка наведенныхъ на него винтовокъ, онъ съ рѣзкой четкостью вспомнилъ далекую волынскую деревню, знакомый смѣхъ и дѣвичью улыбку:

— Ганка!

И спокойно взглянулъ на лицо смерти...

ЖАНЕТТА ЛОВИЧЪ.

Изъ стараго прошлаго.

Въ серединѣ варшавской зимы, на балу у намѣстника, стараго князя Заіончека, появилась дѣвушка, обратившая на себя вниманіе красотой и необыкновенной граціей въ танцахъ.

Она была довольно высокаго роста, стройна и изящна. Черты лица были тонки. Носикъ нѣсколько вздернутый. Большіе голубые глаза смотрѣли ласково изъ подъ длинныхъ темныхъ бровей. Свѣженькое личико было обрамлено роскошными русыми локонами. Простота и изящество сказывалось во всемъ — въ движеніяхъ, въ походкѣ, въ костюмѣ.

Это была — графиня Жанетта Грудзинская.

Грудзинскіе не принадлежали къ родовитымъ польскимъ магнатамъ.

Старый графъ проживалъ въ отставкѣ, въ усадьбѣ, близъ мѣстечка Венгжовецъ.

Графъ былъ женатъ на извѣстной, въ свое время, красавицѣ Дерповской, отъ которой имѣлъ трехъ дочерей. Графъ не былъ счастливъ въ супружеской жизни. Красота жены и дикая ревность мужа были главной причиной семейныхъ раздоровъ. Бракъ закончился формальнымъ разводомъ. Графиня уѣхала съ дочерьми въ Варшаву, гдѣ вскорѣ вышла замужъ за своего обожателя, графа Бронница.

Молодыя дѣвушки были отданы на воспитаніе въ варшавскій пансіонъ французской эмигрантки, мадамъ Воше. Окончательное образованіе было довершено въ

Парижѣ, подъ руководствомъ умной и талантливой гувернантки, миссъ Коллинсъ.

Графиня Бронницъ вернулась изъ Парижа въ Варшаву въ 1815 году. Въ это время, ея старшей дочери Жанеттѣ шелъ двадцатый годъ.

На балу у Заіончека ее увидѣлъ цесаревичъ, великій князь Константинъ.

Цесаревичъ, достигшій уже сорокалѣтняго возраста, почувствовалъ къ молодой графинѣ Грудзинской неодолимую страсть, пылкую, какъ первая любовь юноши. Графиня стала его единственною мечтой. Великій князь все болѣе и болѣе увлекался Жанеттой Грудзинской.

Однако, послѣдняя держала себя съ такимъ тактомъ и съ такой осмотрительностью, что даже злоязычныя варшавскія кумушки ничего не могли сказать въ ея осужденіе.

Убѣдившись, что дѣвушка не поддастся никакимъ обольщеніямъ, великій князь рѣшилъ вступить съ нею въ бракъ. Къ этому времени, цесаревичъ добился, кстати, развода съ великой княгиней Анной Феодоровной.

Бракъ произошелъ 12 мая 1820 года.

Великій князь обвѣнчался съ Жанеттой Грудзинской въ церкви королевскаго замка, сперва по православному обряду, потомъ, въ капеллѣ того же замка, по католическому, въ присутствіи небольшого числа приближенныхъ лицъ, какъ генералы графъ Курута, Нарышкинъ, Альбрехтъ, Кноррингъ.

Женихъ пріѣхалъ изъ Бельведера въ кабріолетѣ, запряженномъ парою лошадей, которыми, какъ всегда, правилъ самъ. Какъ ни старались сохранить въ тайнѣ день свадьбы, молва быстро распространилась по городу, и всѣ улицы были наполнены любопытной толпой.

Вскорѣ цесаревичъ показался на Краковскомъ Предмѣстьѣ, въ томъ же самомъ кабріолетѣ. Но теперь ѣхалъ онъ не одинъ. Рядомъ съ нимъ сидѣла избран-

ная имъ подруга жизни. Варшавяне встрѣтили новобрачныхъ кликами радости и восторга.

Поляки чрезвычайно обрадовались женитьбѣ цесаревича на ихъ соотечественницѣ. Они не сомнѣвались видѣть въ супругѣ правителя Польши заступницу своихъ интересовъ, какъ политическихъ, такъ и личныхъ, не упоминая о томъ, что выборъ цесаревича льстилъ національному самолюбію.

Но поляки ошиблись. Княгиня сразу же отклонила отъ себя всякое вмѣшательство въ дѣла мужа. Съ удивительнымъ тактомъ, оставаясь неизмѣнно любезною со всѣми, она сумѣла придавать своимъ отказамъ самый мягкій характеръ. Уклонившись отъ вмѣшательства въ политическія дѣла, княгиня стала на путь широкой благотворительности.

Оффиціальное положеніе княгини опредѣлялось манифестомъ императора Александра I. Въ манифестѣ было указано, что титулъ великаго князя не можетъ быть переданъ ни его супругѣ, ни дѣтямъ. Затѣмъ объявлялось, что великому князю пожаловано имѣніе Ловичъ, и въ заключительныхъ словахъ говорилось:

„Положили мы удостоить и симъ удостоиваемъ нынѣшнюю супругу возлюбленнаго брата нашего, великаго князя Константина, графиню Іоанну Грудзинскую, къ воспріятію и ношенію титула свѣтлѣйшей княгини Ловичъ“...

Личность княгини Ловичъ не выступаетъ въ исторіи. Но въ жизни цесаревича Константина оставила огромный слѣдъ.

Княгиня пользовалась общей любовью, сочувствіемъ и уваженіемъ. Даже въ разгаръ политическихъ страстей, ни поляки, ни русскіе, не коснулись Жанетты Ловичъ клеветой или порицаніемъ.

Всѣ члены императорскаго дома оказывали ей вниманіе. Не взирая на морганатическій бракъ, княгиня, во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, появлялась вмѣстѣ съ царской фамиліей.

Что касается императора, Александръ I не только не противился женитьбѣ цесаревича на графинѣ Грудзинской, но оцѣнивъ рѣдкія достоинства этой дѣвушки, желалъ, чтобы она стала женою брата. Есть основанія предполагать, что самъ императоръ былъ неравнодушенъ къ Жанеттѣ Ловичъ. Знавшій лучше другихъ тяжелый нравъ Константина, императоръ въ слѣдующихъ короткихъ словахъ опредѣляетъ натуру его жены:

— Княгиня Ловичъ — ангелъ по характеру!

Со времени брака съ княгиней Жанеттой Антоновной, какъ называли ее по русски, цесаревичъ Константинъ замѣтно перемѣнился. Цесаревичъ, при своемъ вспыльчивомъ, неукротимомъ характерѣ, съ радостью несъ супружескія узы. Въ молодой женѣ онъ видѣлъ залогъ домашняго счастья.

— Я счастливъ въ своемъ семейномъ быту...

— Я обязанъ ей счастьемъ и спокойствіемъ...

— Я счастливъ у себя дома и главная тому причина — жена...

Таковы неизмѣнныя фразы цесаревича въ письмахъ къ своему старому воспитателю Лагарпу.

Цесаревичъ до такой степени любилъ молодую княгиню, что не могъ разстаться съ нею на самое короткое время. Если она куда нибудь выѣзжала, онъ обнималъ, цѣловалъ руки, лицо и, нашептывая молитву, крестилъ ее нѣсколько разъ.

Молодая княгиня имѣла чрезвычайное вліяніе на кипучій характеръ и неудержимую порывистость мужа. Она нерѣдко предотвращала неудовольствія и непріязнь, которыя онъ возбуждалъ среди поляковъ и русскихъ своею необузданною горячностью. Постояннымъ внушеніемъ ея были слова:

— Константинъ, надобно прежде подумать, а потомъ дѣлать... Ты же поступаешь наоборотъ!..

Она сдерживала его въ минуты самой страшной запальчивости. Цесаревичъ смирялся, сознавалъ ошибки,

просилъ прощенія. По мѣткому выраженію современниковъ:

„Левъ былъ побѣжденъ голубицей!"

Бракъ съ княгинею Ловичъ не лишалъ цесаревича правъ на русскій престолъ. Онъ только исключалъ его дѣтей изъ состава императорской фамиліи. Впрочемъ, бракъ этотъ былъ бездѣтенъ.

Кто знаетъ, чѣмъ бы разрѣшился вопросъ объ окончательномъ отреченіи Константина, если бы въ ту пору его супругою была не Жанетта Ловичъ, а другая, высокомѣрная, честолюбивая женщина, побуждавшая его принять императорскую корону?

Со смертью стараго князя Заіончека, цесаревичъ сталъ полновластнымъ распорядителемъ края. Своимъ высшимъ призваніемъ онъ считалъ взаимное примиреніе обѣихъ національностей, русской и польской.

Однако, не взирая на многія цѣнныя качества — довѣрчивость, искренность, прямоту, цесаревичъ, по свойствамъ своей натуры, совершенно не подходилъ къ роли примирителя. Тѣмъ болѣе, что вся его дѣятельность и заботы сосредоточивались попрежнему на одномъ, на любимомъ дѣтищѣ — на польской арміи, которою онъ чрезвычайно гордился.

29 ноября 1830 года вспыхнуло польское возстаніе. Подробности этаго историческаго событія — избавленіе, граничащее съ чудомъ, цесаревича отъ смерти въ Бельведерскомъ дворцѣ, длительные переговоры съ мятежными властями, отходъ, во главѣ вѣрныхъ войскъ, изъ предѣловъ Царства Польскаго, трогательныя заботы о больной женѣ, сопровождавшей его въ этомъ тяжеломъ походѣ, представляютъ исключительный интересъ.

Цесаревичъ находился въ подавленномъ настроеніи. Мысль о примиреніи съ поляками не покидала его ни на минуту. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, нахо-

дясь при главной квартирѣ, онъ всячески умѣрялъ пылъ главнокомандующаго, фельдмаршала графа Дибича. Въ рѣшительномъ сраженіи подъ Гроховымъ, былъ только въ качествѣ зрителя.

Очевидцы передаютъ, что когда польскій уланскій полкъ лихо понесся въ атаку на русскую кавалерію, великій князь оживился и настолько увлекся этимъ смѣлымъ маневромъ, что захлопалъ въ ладоши и закричалъ:

— Славно, славно, ребята!..

Въ Витебскѣ, великій князь внезапно заболѣлъ холериной и, черезъ нѣсколько дней, 15 іюня 1831 года, скончался.

Набальзамированное тѣло было положено въ гробъ, а сердце въ особый ящикъ, залитый воскомъ.

Прощаясь на вѣки съ супругомъ, княгиня Ловичъ обрѣзала свои роскошные локоны и положила ихъ подъ изголовье усопшаго. Стоя на колѣняхъ у гроба, сложивъ на груди руки накрестъ, княгиня часами молилась и, по словамъ очевидцевъ, была „прекрасна, какъ ангелъ".

Тѣло цесаревича было перевезено въ Петербургъ.

Въ Петропавловскомъ соборѣ, среди траурнаго убранства, гробъ былъ поставленъ на высокомъ катафалкѣ, окруженномъ лицами свиты. Княгиня не отходила отъ гроба. Ея душевныя страданія были такъ велики, что временами казалось, она лишилась разсудка.

Послѣ погребенія цесаревича, княгиня Ловичъ, по приглашенію императора Николая I, переселилась въ Царское Село.

Здоровье ее, и безъ того хрупкое, подъ гнетомъ испытанныхъ потрясеній, совсѣмъ пошатнулось. Она угасала съ замѣтною быстротой. 29 ноября 1831 года, въ первую годовщину возстанія, ея не стало...

Въ Царскомъ Селѣ, противъ александровскаго парка, стоитъ католическая часовня св. Іоанна Крестителя. Въ склепѣ подъ этой часовней погребена Жанетта Ловичъ. Надъ ея могилой, помѣщающейся подъ алтаремъ, поставленъ саркофагъ, съ бронзовою доской:

„Здѣсь почиваетъ ея свѣтлость княгиня Іоанна Ловичъ, супруга его императорскаго высочества цесаревича и великаго князя Константина Павловича. Родилась въ Познани 29 мая 1795 года, скончалась въ Царскомъ Селѣ 29 ноября 1831 года“.

ВОСКРЕСШІЯ ТѢНИ.

Дѣдъ умеръ въ самомъ началѣ войны, не дотянувъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ до ста лѣтъ.

До послѣднихъ дней сохранилъ бодрость и ясную память. До самой смерти, послѣдовавшей отъ легкой простуды, дѣлилъ заботы по хозяйству съ старымъ швейцаромъ, бывшимъ семеновскимъ унтеромъ, котораго пріобрѣлъ вмѣстѣ съ домомъ, вскорѣ по окончаніи турецкой кампаніи.

Впереди — приближающаяся могила . . .

Сзади — сплошное кладбище . . .

Одиноко, какъ кряжистый дубъ посреди чистаго поля, доживалъ старикъ свою долгую жизнь. Онъ не страшился смерти и покорно ее ожидалъ, съ тихимъ спокойствіемъ.

Иногда, снималъ свой халатъ и, надѣвъ сюртукъ и золотую шпагу, выѣзжалъ, по старой привычкѣ, съ „визитами“. Навѣщалъ древнихъ старушекъ, своихъ давнихъ пріятельницъ, съ которыми перекидывался въ безикъ. Въ абонементные дни посѣщалъ балетъ въ Маріинскомъ театрѣ. Вкусъ къ драмѣ и къ оперѣ, за ослабленіемъ слуха, постепенно утратилъ.

Обычно же сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, за письменнымъ столомъ чернаго дуба, роясь въ бумагахъ и старыхъ рукописяхъ. Или, погруженный въ воспоминанія, дремалъ въ кожаномъ креслѣ, передъ каминомъ...

Ясно помнится этотъ дѣдовскій кабинетъ, съ сборною мебелью стариннаго стиля, заполненный выцвѣтшими отъ времени акварелями и дагерротипами, въ скромныхъ рамахъ, съ бронзовыми курантами англійскаго мастера временъ королевы Елизаветы, съ старенькими альбомами, хранившими не мало интересныхъ и, въ нѣкоторомъ родѣ, даже историческихъ лицъ.

Первое, самое почетное мѣсто, занималъ близкій другъ — генералъ-адъютантъ князь Италійскій графъ Александръ Аркадьевичъ Суворовъ-Рымникскій, внукъ знаменитаго полководца. На карточкѣ былъ изображенъ красивый старикъ, съ привѣтливыми чертами лица. Внизу стояла трогательная надпись.

Тутъ же можно было увидѣть Милютина, въ скромномъ мундирѣ капитана генеральнаго штаба, и генерала Столыпина, отца будущаго премьера. Министра внутреннихъ дѣлъ, всего только еще поручика, князя Святополкъ-Мирскаго, и лейбъ-уланскаго корнета, впослѣдствіе финляндскаго генералъ-губернатора Бобрикова. Участника наваринской битвы, адмирала Фельдгаузена, полковника Курлова — отца будущаго шефа жандармовъ, и драматурга Невѣжина, продѣлавшаго въ штабсъ-капитанскомъ чинѣ турецкій походъ.

Авторъ „Второй молодости" сохранилъ къ своему старому командиру теплыя чувства и часто его навѣщалъ, будучи уже самъ старикомъ, полубольнымъ, обрюзгшимъ, съ огромнымъ пунцовымъ носомъ, что чрезвычайно его огорчало, ибо былъ человѣкомъ непьющимъ.

Въ альбомахъ попадались лица еще болѣе интересные, какъ напримѣръ — лейбъ-гусарскій ротмистръ Іосифъ Гурко и юнкеръ кавалергардскаго полка — Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, инженерный капитанъ Тотлебенъ и капитанъ Федоръ Федоровичъ Радецкій, будущій герой Шипки, про котораго, впослѣдствіе, сложено было четверостишіе:

„Ты прямъ и смѣлъ, какъ штыкъ твой молодецкій,
Хвала тебѣ, герой Радецкій!"

На почетномъ мѣстѣ висѣли двѣ акварели. На одной былъ изображенъ наполеоновскій маршалъ Ожеро, приходившійся родственникомъ по женской линіи, на другой — фельдмаршалъ Паскевичъ . . .

Старикъ былъ вторымъ изъ восемнадцати дѣтей, на много лѣтъ всѣхъ пережилъ, прошелъ суровую жизненную дорогу. Едва не захватилъ отечественную войну. Десятилѣтнимъ мальчикомъ засталъ бунтъ декабристовъ. На военную службу поступилъ семнадцати лѣтъ, принявъ участіе въ подавленіи польскаго мятежа 1831 года.

Въ то отдаленное время армія состояла всего изъ пяти корпусовъ. Служба была безсрочная. Корпуса были расквартированы по всей имперіи и, время отъ времени, мѣнялись своими стоянками, чтобы „не прирастать къ землѣ".

Форма одежды — точная копія съ грибоѣдовскаго полковника Скалозуба. Стоячій тугой воротникъ и короткій мундиръ съ фрачными фалдами. Длинныя брюки въ обтяжку. На головѣ черная каска съ султаномъ. Вмѣсто погонъ — эполеты. Вмѣсто пальто — длинная шинель съ капюшономъ. Плацпарады, шагистика, муштра, чистка оружія и аммуниціи — „купи мѣлу, купи клею, чистить себѣ портупею!", какъ пѣлось въ старой солдатской пѣснѣ.

И войны, походы, усмиренія безъ конца . . .

Жалованье было ничтожное и служба почиталась почетною. Даже въ армейской пѣхотѣ служило, по преимуществу, столбовое дворянство. Въ кавалеріи, особенно въ гусарахъ, которые, между прочимъ, единственные имѣли право носить усы, служили богатые люди, проводившіе иногда цѣлые годы въ безсрочныхъ отпускахъ и командировкахъ.

Кавалерійскіе полки нерѣдко давались въ видѣ награды, для поправленія финансовыхъ обстоятельствъ. Казармъ въ арміи не существовало. Эскадроны раз-

мѣщались по обывателямъ, въ деревняхъ и въ усадьбахъ. Продовольствіе людей и конскаго состава во многомъ зависѣло отъ находчивости командировъ.

При всемъ томъ, господа офицеры были желанными гостями хлѣбосольныхъ помѣщиковъ, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ предметами тайныхъ грезъ всѣхъ Ольгъ и Татьянъ того добраго стараго времени.

Офицеры вели праздную, веселую жизнь. Кутили съ помѣщиками и волочились за ихъ женами и дочерьми. Рубились на сабляхъ за оскорбленную честь. Варили жженку и осушали въ изрядномъ количествѣ „романею". Или же, посасывая длинныя черешневыя трубки, набитыя жуковскимъ табакомъ, напролетъ рѣзались въ карты . . .

Дѣдъ, кстати, породнился впослѣдствіе съ фамиліей Жуковыхъ. Старикъ Жуковъ, на склонѣ лѣтъ, былъ обвѣнчанъ съ молоденькой фрейлиной — Маріей Парижской, особой загадочнаго происхожденія, родившейся въ Парижѣ въ 1815 году, спустя годъ послѣ посѣщенія французской столицы тремя императорами, во главѣ съ Александромъ I.

Припоминается акварельный портретъ этой черноглазой красавицы. Съ ея дочерью, почтенной старухой, матерью моей тещи, я былъ когда-то близко знакомъ...

Какой древностью вѣетъ отъ этихъ старенькихъ выцвѣтшихъ фотографій? . . Какимъ архаизмомъ кажутся всѣ эти формы, наряды, прически? . . Какими странными представляются всѣ эти люди, кости которыхъ уже давно истлѣли въ гробахъ? . .

Послѣ турецкой войны дѣдъ вышелъ въ отставку полнымъ пансіонеромъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, выслуживъ всѣ награды, вплоть до пенсіи за свой первый орденъ — святую Анну третьей степени съ короной, полученную во время венгерской кампаніи. Въ то время это считалось большою наградой.

Въ особенности же гордился правомъ безплатнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ въ вагонѣ перваго класса, каковое было даровано оставшимся еще въ живыхъ ветеранамъ Севастопольской обороны. Этимъ правомъ, за дряхлостью лѣтъ, пользовался, впрочемъ, не часто . . .

Два лѣтнихъ мѣсяца проводилъ неизмѣнно въ усадьбѣ.

На немъ штатскіе брюки, длиннополый, доходившій до колѣнъ, бѣлый китель, старенькіе обтрепанные погоны съ вензелемъ саксонскаго короля Альберта I. На головѣ ветхая, напоминавшая грибъ, фуражка съ темнымъ околышемъ.

Волосы уже не сѣдые, а пепельно-желтаго цвѣта, тщательно выбритый подбородокъ и нафабренные фиксатуаромъ усы, причемъ коричневые пятна переходятъ на носъ и щеки.

Послѣ обѣда, дѣдъ выходитъ въ садъ, садится на любимую скамью, смотритъ слезящимися глазами на яблони въ бѣломъ цвѣту, грѣетъ на солнцѣ старое изсохшее тѣло, переносится въ воспоминанія . . .

Есть о чемъ вспомнить!

Передъ глазами проходитъ далекая молодость, наполненная походами.

Старые друзья, сверстники, сослуживцы . . . Никого рѣшительно не осталось . . .

Одинъ, какъ столбъ, на погостѣ! . .

Вспоминается венгерскій походъ и осада крѣпости Комморна.

Комморнъ — крѣпкій орѣхъ! . . Не сразу раскусишь! . . Коммъ моргенъ! . . Приходи завтра! . . Вотъ какъ!

Главное дѣло, армію косила холера . . . Изъ шестидесяти офицеровъ полка — десять скончалось отъ ранъ, тридцать шесть умерло отъ холеры . . . Уцѣлѣли только непьющіе . . .

— Венгрія у ногъ вашего величества! — доносилъ императору главнокомандующій, фельдмаршалъ Паскевичъ, послѣ плѣненія Гергея подъ Виллагошемъ. И получилъ за это Георгія I степени и майоратъ въ гомельскомъ уѣздѣ...

Въ крымскую кампанію дѣдъ былъ майоромъ.

Вспоминая неудачную войну, незлобиво вышучиваетъ распоряженія главной квартиры, въ частности, пресловутаго генерала Липранди:

„Гладко писано въ бумагѣ,
Да забыли про овраги!"

Это было допотопное время, когда еще въ силѣ была команда:

— Скуси патронъ!

Оригинальная манипуляція заключалась въ томъ, что солдатъ, въ дѣйствительности, откусывалъ зубами край бумажной гильзы, изъ которой порохъ насыпался въ дуло и шомполомъ забивалась круглая свинцовая пуля...

Въ томъ же полку командовалъ батальономъ подполковникъ Іосифъ Гурко. На время войны онъ перевелся изъ лейбъ-гусарскаго полка въ армію и вернулся обратно флигель-адъютантомъ.

Дѣдъ зналъ его близко по одновременной службѣ въ Царскомъ Селѣ. Гурко жилъ очень скромно. Рѣдко принималъ участіе въ гусарскихъ пирушкахъ, предпочитая манежъ, казармы или партію въ шахматы за стаканомъ вечерняго чая. Бывало нагрянетъ компанія веселыхъ друзей:

— Жозефъ, ѣдемъ къ Борелю!

— Опять въ этотъ кабакъ? — отвѣчалъ будущій фельдмаршалъ и продолжалъ прерванную игру.

Борель впослѣдствіе перешелъ къ Кюба. Царскосельская вѣтка, первая желѣзная дорога въ Россіи, уже была проведена нѣсколько лѣтъ и прогулка въ столицу не производилась, какъ обычно, на тройкахъ...

Турецкая война застала дѣда командиромъ брига-

ды и дивизіи. Съ особеннымъ удовольствіемъ, передаются воспоминанія о сраженіяхъ подъ Аблавой и Карахасанъ-Кіойемъ. За эти бои старикъ получилъ высокую награду и почетное приглашеніе на высочайшій завтракъ, въ походномъ шатрѣ.

— А гдѣ были бы турки, если бы не твоя бригада? — обратился Александръ II. — Гдѣ были бы турки? — повторилъ царь, обнялъ дѣда и поцѣловалъ въ обѣ щеки...

Дѣдъ хорошо помнилъ варшавскаго намѣстника, графа Берга.

Въ корсетѣ, съ вставной челюстью, въ кудрявомъ парикѣ, нарумяненный и нафабренный — въ такомъ видѣ появлялся фельдмаршалъ на смотрахъ и парадахъ, производя издали впечатлѣніе юноши.

Въ дѣйствительности же былъ живой трупъ, до смерти боялся своей жены и прятался отъ нее подъ диванъ...

Съ особымъ благоговѣніемъ дѣдъ вспоминалъ свѣтлѣйшаго князя Варшавскаго графа Ивана Федоровича Паскевича-Эриванскаго.

Не всѣ разсказы запомнились. Но одинъ эпизодъ крѣпко держится въ памяти.

Это было давно, при осадѣ Силистріи.

Въ сопровожденіи многочисленной свиты, престарѣлый фельдмаршалъ, въ коляскѣ, выѣхалъ на позицію. Долго смотрѣлъ въ трубу на турецкія линіи, пока турки не открыли огонь.

Одна изъ бомбъ упала приблизительно въ полуверстѣ. Фельдмаршалъ прекратилъ дальнѣйшую рекогносцировку, сѣлъ въ коляску и повернулъ назадъ. Потомъ, былъ парадный обѣдъ, „послѣ котораго“, какъ говорилось въ пышной реляціи, „его свѣтлость почувствовалъ контузію...“

Въ августѣ восемнадцатаго года, упорхнувъ изъ совѣтской Россіи, я направлялся въ гетманскій Кіевъ.

Въ Гомелѣ, въ ожиданіи парохода „Петръ Великій“, остановился на одинъ день и, блуждая по городу, случайно набрелъ на усадьбу Паскевичей.

На крутомъ берегу Сожа раскинулся величественный дворецъ. Старинный паркъ окружалъ его съ трехъ сторонъ. Передъ дворцомъ стояли боевые трофеи — двѣ турецкія пушки, пирамида круглыхъ чугунныхъ ядеръ и великолѣпная конная группа работы знаменитаго Торвальдсена, изображавшая польскаго короля, Станислава Понятовскаго.

Старыхъ владѣльцевъ уже не было.

Сынъ фельдмаршала, генералъ-лейтенантъ графъ Паскевичъ, умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Гдѣ находилась вдова — неизвѣстно. Въ старомъ дворцѣ помѣщался военный госпиталь.

Толпы чумазыхъ, расхристанныхъ, оголтѣлыхъ солдатъ болтались по загаженному парку...

На дорожкахъ, въ кустахъ и на зеленыхъ газонахъ валялись клочки газетной бумаги...

Вѣковые каштаны шуршали пожелтѣвшими листьями...

Было грустно, тоскливо...

АБРАКАДАБРА.

Изъ приморскихъ эскизовъ,

I.

На владивостокской Свѣтланкѣ, въ театрѣ „Золотой Рогъ“, держалъ антрепризу Евфимій Долинъ. Незадолго до прихода большевиковъ, онъ сдалъ театръ подъ кинематографъ.

Изъ фойе одна дверь вела въ театральную залу, другая — въ подвалъ „Би-Ба-Бо“, пріютъ владивостокской богемы.

Это происходило въ концѣ девятнадцатаго года, когда колчаковскій фронтъ уже трещалъ по всѣмъ швамъ и неудержимо, подъ натискомъ красной арміи, откатывался все дальше и дальше къ востоку.

Въ тылу и въ читинскомъ царствѣ атамана Семенова было также весьма неспокойно. Красный и бѣлый терроръ разливался широкой волной. И только въ Владивостокѣ, подъ охраной англійскихъ, американскихъ и, главнымъ образомъ, японскихъ штыковъ, жизнь протекала еще болѣе или менѣе нормально, если не считать общаго нервнаго пульса.

Въ „Би-Ба-Бо“ біеніе этого пульса ощущалось съ особою силой.

Неизмѣнными посѣтителями этаго учрежденія были, по преимуществу, люди „свободныхъ профессій“ — сотрудники двѣнадцати владивостокскихъ газетъ, поэты, артисты, подпольные политики, авантюристы всѣхъ ма-

стей и дезертиры съ сибирскаго фронта. Всѣ устремились въ Владивостокъ, предпочитая переждать здѣсь надвигавшiйся политическiй шквалъ.

Случайно очутилось здѣсь и нѣсколько персонажей московскаго футуристическаго Олимпа и верховный жрецъ его — небезызвѣстный Давидъ Бурлюкъ. Какимъ вѣтромъ его занесло — чортъ его знаетъ! Но появленiе на Свѣтланкѣ не могло пройти незамѣченнымъ...

Представьте ражаго парня, съ круглымъ бабьимъ лицомъ, съ размалеванной красками физiономiей, съ тяжелой переливающейся походкой. На головѣ — казанская тюбитейка, взамѣнъ пиджака — бархатная пижама съ отложнымъ воротомъ, на ногахъ — полосатые панталоны: одна штанина зеленаго, другая лиловаго цвѣта.

Прибытiе знаменитаго „метра" было тотчасъ отмѣчено. Появились замѣтки, запестрѣли портреты. Въ „Би-Ба-Бо" состоялись немедленно перевыборы и предсѣдателемъ литературной секцiи былъ избранъ Бурлюкъ. А черезъ нѣсколько дней, зайдя въ редакцiю „Голоса Родины" или, какъ ее называли — „Голосъ Уродины", метръ вручилъ редактору привѣтственные стихи:

„Въ кошницѣ горъ Владивостокъ,
Когда лишеннымъ перьевъ свѣта,
Еще дрожа, въ ладьи востокъ
Стрѣлу вонзаетъ Пересвѣта.
Домъ модъ, рогъ горъ, потопъ, потопъ,
Суда, объятые пожаромъ,
У мыса Амбръ гелiотропъ
Клеятъ къ стеклянной кожѣ рамъ..."

Въ маскарадномъ костюмѣ, привлекая вниманiе толпы и милицiи, онъ разгуливалъ по Свѣтланкѣ, посѣщая кабаки и редакцiи. А вечеромъ, въ окруженiи поклонниковъ и поклонницъ, сидѣлъ въ подвалѣ и, гнусавымъ голосомъ, на-распѣвъ, читалъ поэзы...

Топъ-топъ!..

Вбѣгаетъ Сергѣй Третьяковъ, длинный, лысый, поджарый, въ пенснэ на ястребиномъ носу. Тоже поэтъ-футуристъ и будущій товарищъ министра „внудѣлъ" правительства Приморской Земской Управы.

Его „Желѣзная Пауза" неподражаема:

„Улюлюкай, арапникъ травли,
Зубомъ воздухъ прокусишь авось,
Молчаливѣй китайскихъ каули
Рычагую земную ось.
А когда заревымъ салютомъ
Запылаютъ пылища нутръ —
Я отдамъ плечистымъ Малютамъ
На растлѣнье малютку утръ!,."

Вотъ — Николай Асѣевъ... Премированный поэтъ, служившій въ „сибобалкопѣ" — сибирскомъ областномъ кооперативѣ — по отдѣлу транспорта селедки, стоитъ у колонны въ позѣ глубочайшей задумчивости, разрѣшая два важныхъ вопроса: во первыхъ, долго-ли еще продержится висящая на ниточкѣ единственная пуговица пиджака, и во вторыхъ — на чемъ растутъ соленыя сельди?

Этотъ, по крайней мѣрѣ, искрененъ и талантливъ. Въ его „Заржавленной Лирѣ" попадаются звучныя строфы:

„Оксана, жемчужина міра!
Я воздухъ на волны дробя,
На днѣ Малороссіи вырылъ
И въ пѣсню оправилъ тебя.
А если не солнцемъ, медузой
Ты станешь во тьмѣ голубой,
Я всѣ корабли поведу за
Блѣднымъ сіяньемъ — тобой..."

Это — три, такъ сказать, столпа приморскаго футуризма. А за ними идутъ нѣсколько второстепенныхъ — Арсеній Несмѣловъ, посвятившій „Генію Маяковскаго" книжку недурныхъ стиховъ, поэтъ „изысковъ" — харбинскій Алымовъ и, наконецъ, цѣлая фаланга мелкихъ,

бездарныхъ, безповоротно свихнувшихся эротомановъ-кокаинистовъ — Бенедиктъ Мартъ, Варвара Статьева, Далецкій, Рябининъ:

„Горбатые ландыши задушили горло —
Маленькіе дѣтики, поцѣлуйте въ оскалъ . . .“

Въ январѣ двадцатаго года, съ крушеніемъ Колчака и эрою краснаго помѣшательства, футуристы распоясались окончательно. Кое-кто вынырнулъ изъ „подвала“ и занялъ посты на „командующихъ высотахъ“.

Бурлюкъ преуспѣлъ, кажется, больше всѣхъ.

Получивъ отъ антоновскаго „правительства“ изрядный кушъ въ іенахъ, онъ организовалъ, съ пропагандною цѣлью, выставку своихъ картинъ въ Токіо — научить уму-разуму бѣдныхъ японцевъ. Но предварительно, оборотистый парень устроилъ выставку въ Владивостокѣ.

На стѣнахъ того же самаго „Би-Ба-Бо“ было развѣшано до пятидесяти холстовъ. Въ глазахъ рябило отъ красочнаго неистовства. Кубическія рожи, ромбическія тѣла, геометрическія „композиціи“ и потоки безжалостно изведенной охры. Словно, по полотну прошлась гигантская швабра. А на нѣкоторыхъ „холстахъ“, для большей яркости впечатлѣнія, приклеены клейстеромъ окурки и спичечныя коробки.

Публика, съ недоумѣвающимъ видомъ, бродила по выставкѣ. Особа въ каракулевомъ, несомнѣнно краденомъ сакѣ, въ сопровожденіи незнакомца въ кожаной курткѣ, съ наганомъ за поясомъ, щурилась и томно бросала:

— А знаешь, Ванечка, здѣсь что-то есть?..

Ванечка икалъ и буравилъ публику острыми сѣрыми щелками. Бурлюкъ, въ тюбитейкѣ и полосатыхъ штанахъ, разгуливалъ съ видомъ хозяина по подвалу и давалъ объясненія.

Бурлюковская выставка не имѣла успѣха, ни въ Владивостокѣ, ни въ Токіо. Японцы оказались темными дикарями.

Огорченный Бурлюкъ, на остатки антоновскихъ іенъ, уплылъ на Бонинскіе острова. Раза два-три отозвался экзотической абракадаброй и — пропалъ...

II.

Чжанзолинъ!..

Это не мукденскій диктаторъ, завоеватель Пекина, некоронованный манчжурскій король.

Чжанзолинъ — король ногъ...

Возлѣ Семеновскаго базара, рядомъ съ китайскими лавками и барахолкой, расположена баня. Ее посѣщаютъ „лучшіе люди города". При банѣ состоитъ операторъ, здоровенный китаецъ, лѣтъ тридцати. Его зовутъ — Чжанзолинъ. Это кличка, которую ему дали кліенты.

Въ банѣ то и дѣло слышутся голоса:

— Чжанзолинъ, скоро ты кончишь?

— Мозоля, иди сюда!

— Чжанка, скорѣй!

Чжанзолинъ не можетъ пожаловаться на кліентуру. Чжанзолинъ — артистъ своего дѣла. Торговаться онъ не позволяетъ. Взявъ кліента за ногу, старательно вырѣзаетъ мозоли и занимается болтовней. Публика любитъ слушать его белиберду, хохочетъ навзрыдъ, но самъ разсказчикъ строгъ и серьозенъ:

— Мозоля есть — денегъ нѣту!.. Чиво буду дѣлай?.. Чиво буду кушай?.. Собаку буду кушай?.. Мозоля буду кушай!..

Паціенты хохочутъ и нѣкоторые даже отказываются отъ сдачи.

Иногда паціентъ вскакиваетъ, какъ ужаленный, дергается, будто его колятъ иголками, кричитъ на всю баню:

— Ой-ой-ой!.. Будетъ тебѣ, проклятый китаецъ!.. Да будетъ тебѣ, окаянный!..

Чжанзолинъ не обращаетъ вниманія и сильнѣе стискиваетъ ногу:

— Ничего, не кирчи...

Но вотъ изъ женскаго отдѣленія раздается тоненькій голосокъ:

— Чжанзолинъ!.. Мозоля!.. Скоро придешь?

Чжанзолинъ не удостаиваетъ отвѣтомъ. За него отвѣчаетъ кто нибудь изъ кліентовъ.

Кое-кто изъ посѣтителей, незнакомый съ обычаемъ, спрашиваетъ, хлопая себя по голымъ ляжкамъ:

— Какъ?.. Онъ и въ женскомъ отдѣленіи рѣжетъ мозоли?

— А отчего бы нѣтъ? — отвѣчаетъ сразу нѣсколько голосовъ.

— Да вѣдь тамъ... голыя?

Баня дрожитъ отъ хохота. Но кто-то уже спрашиваетъ китайца:

— Чжанзолинъ, а что мадамы красивыя?.. Хао?

— Есть хао, есть и пухао! — спокойно отвѣчаетъ китаецъ. — Старыя мадамы шибко пухао и мозоля его шибко пухао...

— А тебя, черта, онѣ не стѣсняются?

Но Чжанзолинъ не понимаетъ вопроса или просто не хочетъ понять. За него опять отвѣчаютъ другіе:

— А чего тамъ стѣсняться?.. Ихъ много, а онъ одинъ!

И въ подтвержденіе этихъ словъ, Чжанзолинъ беретъ инструменты и идетъ въ женское отдѣленіе...

III.

Мы сидѣли въ скверѣ адмирала Завойки.

Плылъ медленный вечеръ. Въ скверѣ еще рѣзвились дѣти, гуляли молодые люди и барышни. Аметисты

дымчатыхъ сопокъ горѣли въ бронзовой оправѣ заката. Тихо дремалъ заливъ.

По дорожкѣ шелъ человѣкъ. Онъ шелъ, опираясь на палку, слегка волоча правую ногу.

— Это „Черная Маска“! — сказалъ фельетонистъ Кокъ и закричалъ:

— Эй, капитанъ!.. Пожалуйте-ка сюда!

Проходившій остановился, посмотрѣлъ въ нашу сторону, махнулъ рукой. Черезъ минуту, однако, сидѣлъ на нашей скамьѣ. Онъ былъ въ затрепанномъ френчѣ изъ солдатской матеріи, въ военной фуражкѣ, въ грубыхъ, стоптанныхъ англійскихъ башмакахъ-танкахъ. Лицо его, худое и изможденное, не представляло ничего особеннаго. Такія лица, во времена революціи, встрѣчаются на каждомъ шагу.

Капитанъ Королевъ — „охотникъ за черепами“.

Капитанъ не скрываетъ своей профессіи. Онъ знаетъ съ кѣмъ можно быть откровеннымъ. На этотъ путь онъ сталъ, впрочемъ, совершенно случайно. Нужда заѣла. Если бы не большевицкій переворотъ, онъ былъ бы теперь батальоннымъ и имѣлъ вѣрный кусокъ:

— Жена, дѣти... Работишки никакой... Сами понимаете, что будешь дѣлать?..

Съ наступленіемъ ночи, капитанъ Королевъ отправляется на „охоту“.

Медленно ковыляя, онъ подымается по Китайской, туда, гдѣ меньше народу и глуше, сворачиваетъ въ проулокъ, останавливается и выжидаетъ. Ждетъ часъ, другой, пока не клюнетъ.

У капитана глазъ острый, наметанный, а чутье, какъ у лягаваго кобеля. Прошмыгнетъ рогульщикъ-каули, проплетется старая нищенка, пройдетъ случайно японскій солдатъ, съ винтовкою на плечѣ. Капитанъ стоитъ, прижавшись въ тѣни у забора. Его не видно. Только краснѣетъ огонекъ папиросы-крученки.

Но иногда, озираясь пугливо по сторонамъ, стараясь не издавать лишняго звука мягкими улами, проскользнетъ въ переулокъ китаецъ-лавочникъ съ Семе-

новскаго базара. Онъ только что изъ опіекурильни, а можетъ быть совершилъ удачную сдѣлку или выигралъ въ кости въ китайской харчевкѣ.

Еще лучше, когда изъ Корейской слободки, гдѣ живутъ веселыя женщины, возвращается хмѣльной артельщикъ, комиссіонеръ, загулявшій свѣтланскій купчикъ.

Капитанъ Королевъ бьетъ навѣрняка.

Онъ выхватываетъ изъ кармана кусокъ плотной марли, окутываетъ имъ голову, выходитъ изъ тѣни и говоритъ сдавленнымъ шопотомъ:

— Деньги!

Въ правой рукѣ поблескиваетъ наганъ...

— И что же... Даютъ?..

— Обязательно!

— А если нѣтъ?..

— Такого случая еще не бывало... Богъ миловалъ, пока не бывало!.. Ну, мнѣ пора...

Поднявшись съ скамейки, капитанъ козырнулъ и тяжело направился къ выходу...

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМѢРЕНІЕ.

1.

Мы шли изъ Адена въ Коломбо . . .

Четвертый день рѣжемъ грудь застывшаго въ нѣмой дремотѣ океана. Четвертый день колючій мертвый, зной расплавленнымъ свинцомъ вливается сквозь поры въ кровь, туманитъ мозгъ и чувства.

Изъ глубины бездонной синей чаши струится огненный потокъ. Безбреженъ горизонтъ, а въ фіолетовой пустынѣ, спокойной, пышной, величавой, трепещущей томительнымъ дыханіемъ, сверкаютъ золотыя краски.

На палубѣ натянутъ парусинный тентъ. На койкахъ и въ лонгшезахъ, въ уродливой и странной неподвижности, лежатъ распластанные люди. Все дремлетъ и молчитъ. Ни звука, ни малѣйшаго движенія. И только сонные удары склянки, съ получасовымъ, однообразно-точнымъ промежуткомъ, на мгновенье нарушаютъ тишину . . .

Облюбовавъ укромный уголокъ, за бухтою просмоленныхъ канатовъ, на спардекѣ, гдѣ, какъ казалось мнѣ, проносится порой воздушное теченіе, я перечитывалъ произведеніе Мирбо.

На этотъ разъ, я былъ имъ увлеченъ съ особой силой.

Во первыхъ потому, что дѣйствіе или, вѣрнѣй, завязка этаго тропически-волшебнаго романа, происхо-

дила въ условіяхъ столь неожиданно переживаемою мною обстановки — на палубѣ стараго французскаго пакетбота, на этихъ самыхъ зыбкихъ и невѣрныхъ волнахъ, подъ жгучимъ и пылающимъ огнемъ девятой параллели.

А во вторыхъ... А во вторыхъ, таинственная незнакомка, въ бѣломъ англійскомъ костюмѣ и въ шляпѣ съ голубой вуалью, ступившая на бортъ „Жанъ-Барта" четыре дня тому назадъ, мнѣ безсознательно напоминала героиню.

Я говорю опредѣленно: эти глубокіе глаза, не то зеленаго, не то фіалковаго цвѣта, обрамленные пушистой радугой рѣсницъ, сверкающая золотомъ коса, тяжелымъ перепутаннымъ узломъ скрученная на затылкѣ, движенія, чарующая грація походки и манеръ и, наконецъ, внезапность появленія ея изъ нѣдръ аденской огнедышащей пустыни — все вмѣстѣ взятое напоминало „Клару"...

Четвертый день я пристально слѣжу за нею, пытаясь разгадать ея таинственную сущность.

Кто она?... Какой національности и соціальной группировки?... Американка, шведка, англичанка?... Графиня или опереточная дива?... Вдова, быть можетъ, дѣвушка или молодая дама?... Обыкновенное-ли это существо съ достоинствами и пороками столь хорошо изученнаго мною и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда загадочнаго, всегда манящаго неотразимой новизною пола?...

Куда, зачѣмъ, какой мотивъ, какой капризъ или тяжелая необходимость заставили ее пуститься въ этотъ дальній путь?...

Отвѣта я не нахожу.

Она всегда одна. Всегда задумчива и странно молчалива. Съ утра выходитъ изъ каюты, изящная, нарядная, благоухающая свѣжестью какихъ-то незнакомыхъ, особенныхъ духовъ и, провожаемая пламенными взорами мужчинъ, съ надменной неприступностью

гуляетъ по дечному настилу или, полузакрывъ глаза, лежитъ въ соломенномъ лонгшезѣ, на бакбортѣ.

Я заинтригованъ ею не на шутку. Меня болѣзненно влечетъ къ ней острое и любознательное чувство, какая-то мучительная и сладко-ноющая страсть. Порой я замѣчаю на себѣ ея недоумѣвающій и нѣсколько тревожный взглядъ...

Что предпринять?

Четыре дня промчались безвозвратно. И мною даже не сдѣлано попытки завязать знакомство. А, между тѣмъ, предлогъ отыщется всегда. Салонная бонтонность неумѣстна... Побольше смѣлости, побольше предпріимчивой рѣшимости — и можно быть увѣреннымъ въ успѣхѣ...

А женщины — о, кто не знаетъ, что во-время проявленная смѣлость, кидаетъ ихъ порой, какъ мошекъ на огонь, въ объятья!...

Желтый томикъ фаскеллевскаго изданія выскользнулъ изъ рукъ... Я зѣвнулъ, лѣниво потянулся на лонгшезѣ, зажмурился и улыбнулся...

И когда я медленно открылъ глаза, передо мной стояла — „Клара“...

2.

На этотъ разъ она была въ простомъ японскомъ кимоно, а голубая шаль, запутавшаяся въ золотистыхъ прядяхъ, небрежно обвивала шею.

— Какая странная случайность! — произнесла она, слегка картавя прелестною парижскою манерой, заставившей меня затрепетать отъ внутренняго восхищенія. — Какое удивительное совпаденіе!...

Она остановилась, наклономъ головы поблагодарила за уступленное мѣсто и продолжала:

— Мы незнакомы, но это не играетъ роли... Повѣрьте, еслибъ не сознаніе, что я, Елизавета Кроунъ, всего два мѣсяца тому назадъ похоронившая своего мужа... Что вотъ сейчасъ, на томъ же „Жанѣ-

Бартѣ", возвращаюсь въ Калькутту, къ отцу... Я бы могла думать, что это — наше свадебное путешествіе... Какое изумительнае сходство?... Миражъ!... Фатаморгана!... Mon Dieu, какая странная, непостижимая игра!...

Она откинулась на спинку и отдалась внезапно охватившимъ размышленіемъ.

— Прекрасно! — засмѣялся я. — Миражъ или фатаморгана заставили васъ выйти, наконецъ, изъ состоянія душевной каталепсіи... Я очень радъ!... Какое счастье быть удостоеннымъ вашего вниманія!...

Охваченнный шутливымъ настроеніемъ и ощутивъ приливъ необъяснимаго экстаза, я быстро наклонился и сказалъ:

— Да, счастье!... Безумное и упоительное счастье!... Послушайте, я буду такъ же откровененъ!... Вы такъ же воскресили мнѣ знакомый образъ!... Четвертый день я поглощенъ, я опьяненъ, я очарованъ вами! Я мучаюсь въ таинственныхъ догадкахъ!... Вы—божество!.. Мечта!... Какой небесный рокъ поставилъ васъ на моемъ пути?...

Въ моихъ словахъ звучало искреннее чувство. Она глядѣла неподвижно на меня. Глаза наполнились блестящими огнями:

— Ахъ, бѣдный Джорджъ!...

— Забудемъ о несчастномъ Джорджѣ! — сказалъ я строгимъ тономъ. — Къ чему тревожить тѣнь убитаго героя?... Миръ его праху!... Но если вамъ угоденъ непремѣнно Джорджъ — такъ вотъ, другой, его счастливый замѣститель, который...

И не закончивъ фразы, мгновеннымъ и порывистымъ движеніемъ, я привлекъ ее къ себѣ и обхватилъ горячими руками.

Вуаль упала съ головы. Роскошная коса разсыпалась сверкающимъ потокомъ по плечамъ, а кимоно внезапно распахнулось. И на одно мгновенье передо мной раскрылось, во всей божественной и яркой на-

готѣ, ея трепещушее тѣло, упругая дѣвическая грудь и маленькая родинка на лѣвой сторонѣ.

Я продолжалъ сжимать ее въ объятьяхъ и покрывать безудержною лаской. Я въ изступленьи цѣловалъ ея горящія уста, пылающія щеки, грудь. Я называлъ ее чудесными, волнующими именами. Я закидалъ ее каскадомъ пѣвучихъ, нѣжныхъ словъ:

— Люблю тебя, Бетси!... Я люблю тебя! — шепталъ я, пламенѣя отъ несказаннаго восторга.

Ея сопротивленіе слабѣло... Она стыдливо уступала... Она сдавалась подъ натискомъ стихійно клокотавшей страсти...

Но въ этотъ мигъ, гигантская волна, мохнатою стѣной поднявшись надъ спардекомъ, закрыла горизонтъ.

Раздался крикъ.

И мы исчезли въ безднѣ...

3.

Проснулся я внезапно и въ тревогѣ.

Палящій зной спадалъ... Горѣлъ закатъ... Пурпурные, лиловые, оранжевые облака пылали въ утомленномъ небѣ...

Спускалась ночь, катились волны, вѣялъ легкій бризъ...

Я чувствовалъ томительную слабость. Кружилась голова, въ вискахъ стучало. Я медленно спустился внизъ и принялъ освѣжающую ванну. Привелъ себя въ порядокъ и вскорѣ, по звонку, сошелъ къ табльдоту...

Я тотчасъ отыскалъ ее.

Она была блѣдна, глядѣла на меня тревожными и подкупающе покорными глазами. Я познакомился съ ней тотъ же вечеръ...

Я разсказалъ ей свой чудесный сонъ.

Волнуясь и стыдливо улыбаясь, она мнѣ, въ свою очередь, дополнила его такими странными, необъяснимыми деталями.

Мы долго съ ней сидѣли на кормѣ, завороженные великой тайной . . .

Ее, дѣйствительно, зовутъ Бетси. Она, дѣйствительно, вдова погибшаго на Марнѣ лейтенанта Джорджа Кроунъ, моего таинственнаго двойника, и направляется сейчасъ къ отцу, богатому негоціанту изъ Калькутты.

Ей двадцать лѣтъ. Она слегка мечтательна и романтична. Она отлично образована, прекрасно сложена и обладаетъ превосходною фигурой.

И наконецъ, въ чемъ непосредственно я убѣдился, на прощальномъ переходѣ до Коломбо — у лѣвой, нѣжной и упругой груди, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ такъ четко бьется маленькое седрце, у нея, дѣйствительно, имѣлась очаровательная родинка, величиной не болѣе трехпенсовой серебряной монеты.

ЛУЛУ.

Лулу — тирольскій пѣвецъ, пѣвецъ милостью Божьей, несравненный мейстерзингеръ изъ Гарца, съ золотымъ брюшкомъ и коричневой спинкой. На его лѣвой ножкѣ — кольцо и на немъ цыфра „55“...

— Это прима!.. Мой лучшій артистъ! — говоритъ продавецъ, почтовый чиновникъ Янъ Циритъ.

Янъ Циритъ говоритъ правду. Можно еще добавить, что Лулу состоитъ въ роли „профессора консерваторіи“. Это выпадаетъ не каждому. „Профессоровъ“ имѣется только четыре на весь классъ — на восемьдесятъ четыре ученика...

Въ комнатѣ стоитъ большой темный шкафъ. Шкафъ, точно соты, разбитъ на клѣточки. Ученики, въ различныхъ костюмахъ — желтые и золотисто-зеленые, красно-сѣрые и коричневые, аристократы съ чернымъ бархатнымъ хохолкомъ, въ видѣ графской короны, и короткохвостые, широкогрудые демократы — чинно сидятъ на жердочкахъ и ожидаютъ сигнала.

И когда зимній разсвѣтъ проползаетъ въ окно сѣраго дома на Рыцарской улицѣ, урокъ начинается.

Лулу бросаетъ, какъ камертонъ, первую ноту, высокую, пронзительную, длинную ноту, звенящую какъ верхнее до на флажолетѣ, возвѣщающую наступленіе дня. Потомъ, выдержавъ короткую паузу, командуетъ:

— Пить-пить-пить-пить!

Стройнымъ хоромъ отвѣчаютъ ученики:

— Пью-пью-пью-пью!

А затѣмъ, то разсыпаясь серебрянымъ колокольчикомъ, то переходя на виртуозныя кнорры, вассерроле

и басовые эффекты, вытанцовывая за однимъ колѣномъ другое, увѣренно, словно неподражаемый концертмейстеръ, Лулу ведетъ за собой классъ.

Въ комнатѣ стоитъ стонъ отъ восьмидесяти восьми глотокъ.

Восемьдесятъ восемь пѣвцовъ, полузакрывъ въ экстазѣ глаза, раздувъ зобикъ, даютъ такой концертъ, передъ которымъ рапсодія Листа совершенно блѣднѣетъ.

И первою скрипкой въ этомъ концертѣ — Лулу...

Лулу перешелъ въ мои руки и помѣстился въ большомъ домѣ на Бульварѣ Аспазіи.

Лулу сталъ солистомъ и замѣняетъ собою оркестръ.

Онъ передаетъ самостоятельно романсы и сюиты, самыя фантастическія симфоніи и ораторіи. Его музыкальныя средства неисчерпаемы. Съ каждымъ днемъ онъ вводитъ все новые и новые инструменты.

Кромѣ скрипки, въ его оркестрѣ звучитъ віолончель и кларнетъ, валторна и флейта, пиколо, гобой, саксофонъ и даже маленькій барабанъ.

Но самое замѣчательное это — фаготъ.

И когда онъ передаетъ а-мольную фантазію Дворжака, я заставляю его бисировать:

— Ро-ро-ро-ро!.. Ри-ри-ри-ри!.. Рль-рль-рль-рль!..

Отъ окна дуетъ. Несмотря на двойныя рамы, у окна холодно. Лулу — тропическій житель.

Домикъ Лулу, по этому случаю, виситъ на боковой стѣнкѣ шкафа...

Рано утромъ, когда я лежу въ постели, меня будитъ неясный шорохъ. Потомъ, начинается чистка инструментовъ:

— Тукъ-тукъ-тукъ-тукъ!..

Это Лулу чиститъ свой носикъ о жердочку.

Потомъ, начинается настройка. И черезъ какую нибудь минуту, словно опасаясь нарушить мой сонъ, звучитъ нѣжное, какъ журчанье ручья, модерато — „Quasi una fantasia“.

Это — утренняя молитва...

Потомъ, начинается туалетъ. Я слышу, какъ Лулу плещется въ ванночкѣ, трепыхается — фръ-фръ-фръ, чиститъ перышки. Потомъ, наступаетъ утренній завтракъ. Лулу аппетитно щелкаетъ сѣмячки и шелуха сыплется на полъ.

Его любимое блюдо — зерна конопли, толстыя, жирныя, вкусныя, какъ орѣшки. Но это отражается на его тенорѣ и злоупотреблять этимъ блюдомъ не слѣдуетъ. Обычное же меню — канареечное и черное горчичное сѣмя. На дессертъ бѣлый сухарикъ, кусочекъ яблока, листикъ салата...

Два раза въ день я выпускаю Лулу на прогулку.

Съ радостнымъ щебетомъ онъ выскакиваетъ изъ своего домика и садится на письменный столъ. Росписавшись на темномъ бюварѣ, оставивъ визитную карточку и автографъ, Лулу взмахиваетъ пестрыми крылушками и садится на шкафъ. Но вскорѣ его вниманіе привлекаетъ цвѣтокъ. И черезъ мгновенье, онъ сидитъ уже на горшкѣ и щиплетъ зеленые листочки глоксиніи.

Я полагаю, здѣсь что-то отъ атавизма. Его отдаленные канарскіе предки жили когда-то среди цвѣтовъ, подъ полуденнымъ солнцемъ, среди волшебной природы...

Потомъ, Лулу садится на палецъ, на голову, на плечо. Когда я работаю, онъ садится на пишущую машинку и безплатнымъ пассажиромъ катается на ней взадъ и впередъ. Стукъ машинки его не пугаетъ.

Брать Лулу въ руки не слѣдуетъ. Самое легкое прикосновеніе причиняетъ ему боль. Но иногда я трогаю его за коричневый хвостикъ. Онъ начинаетъ сердиться, принимаетъ свирѣпый видъ, машетъ забавно пестрыми крылушками и, съ крикомъ, переходитъ въ атаку:

— Цыцъ-цыцъ-цыцъ! ...

Я убѣжденъ, что Лулу считаетъ меня отъявленнымъ трусомъ ...

Послѣднее время, онъ пристрастился къ зеркалу.

часто сидитъ передъ нимъ, на кожаномъ несесерѣ и, словно щеголь съ Бульвара Свободы, не можетъ собою налюбоваться.

А вечеромъ, когда падаетъ снѣгъ и за окномъ воетъ ноябрьская вьюга, Лулу привлекаетъ электрическій свѣтъ. Онъ садится на лампу, подъ абажуръ, и, прижавшись къ огню, размышляетъ. О чемъ онъ думаетъ неизвѣстно. Можетъ быть, о веснѣ, о любви, о своей родинѣ, въ которой солнце круглый годъ не заходитъ?...

Все можетъ быть...

Потомъ, забирается въ домикъ, скокъ — прыгаетъ на верхнюю жердочку и, помолившись на сонъ грядущій, начинаетъ дремать. Его черные блестящіе глазки закрываются вѣками. Черезъ минуту, крѣпко обхвативъ жердочку правою лапкой, засунувъ голову подъ крыло, образовавъ мохнатый желтый клубочекъ, спитъ крѣпкимъ сномъ, безпробуднымъ сномъ, точно младенецъ...

Когда наступила весна и повѣяло первымъ тепломъ, дворъ, напоминавшій узкій, бездонный колодецъ, ожилъ.

Въ верхніе этажи забирается майское солнышко. Слышутся женскіе голоса. Днемъ, по карнизамъ щебечутъ и кружатся ласточки. Ночью, на крышахъ дерутся коты.

Лулу поетъ цѣлый день. Поетъ, какъ пѣвецъ милостью Божьей, какъ артистъ самаго изумительнаго таланта. Увертюра „Легкая Кавалерія", сюита „Танецъ Анитры" и „Пробужденіе весны" Баха — не выходятъ изъ его репертуара...

Но теперь въ его пѣснѣ томленье и грусть.

Когда же ласточки садятся на подоконникъ, Лулу совершенно преображается. Онъ скачетъ по клѣткѣ, бьетъ крылушками, свиститъ особымъ пронзительнымъ свистомъ.

Мнѣ кажется, онъ влюбленъ. Влюбленъ въ одну бѣлогрудую фею, въ темной испанской мантильѣ, съ отдѣлкой изъ синяго атласа...

И однажды, когда майскій полдень былъ такъ тепелъ и ясенъ, когда небо такъ голубѣло и манило къ себѣ, Лулу прыгнулъ изъ клѣтки и очутился на форточкѣ.

— Лулу, назадъ! — приказалъ я.

Лулу усмѣхнулся и что-то прощебеталъ.

— Лулу, назадъ!... Ты вѣдь не покинешь меня, мой несравненный Карузо?... Тамъ — смерть!... Черный котъ, словно пантера, въ одно мгновенье перегрызетъ твое золотистое горлышко!... Воробьи, эти неудачливые сѣренькіе статисты, изъ зависти заклюютъ тебя!...

Лулу усмѣхнулся вторично.

— Лулу, назадъ!... Здѣсь ожидаетъ тебя моя ласка, моя любовь и конопляное сѣмя, которое ты такъ любишь... Клянусь, а насыплю его въ твою чашечку до самаго верха!...

И я поманилъ его пальцемъ.

— Прощай! — чирикнулъ Лулу и взмахнулъ крыльями.

Онъ перелетѣлъ дворъ и сѣлъ напротивъ, на подоконникъ... Солнце освѣщало верхушку дома... Солнце манило его... На карнизѣ щебетали бѣлогрудыя феи въ темныхъ атласныхъ мантильяхъ... Онѣ кокетливо прихорашивались и звали его къ себѣ... Тысячи голосовъ, какъ незримыя волшебныя арфы, звенѣли въ горячемъ небѣ...

Лулу взмахнулъ крыльями и исчезъ навсегда...

Конецъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. ИМПЕРАТОРСКІЕ ФАЗАНЫ. Разсказы. Распродано.
2. ЗОЛОТЫЕ КОРАБЛИ. Скитанія.
3. ОРХИДЕЯ. Тропическія рифмы.
4. ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРІЯ. Разсказы.
5. КИТАЙСКІЯ ТѢНИ. Романъ. Книга первая.
6. ОСТРОВЪ ЖАСМИНОВЪ. Романъ. Книга вторая.
7. ПАРИЖСКІЯ НОЧИ. Ром. Книга третья. Въ печати.
8. КРАСНЫЙ ХОРОВОДЪ. Повѣсть. Въ печати.
9. ИНТЕРМЕЦЦО У МОРЯ. Эскизы. Въ печати.
10. ГУСАРСКІЯ СКАЗКИ. Разсказы. Въ печати.
11. ЭДЕМЪ. Повѣсть. Въ печати.
12. РОМАНЪ ЦАРЕВИЧА. Приморскій ром. Въ печати.

Вышедшія книги „Библіотеки Новѣйшей Литературы“.

(Книги выходятъ ежемѣсячно 5-го и 20-го числа)

„БИБЛІОТЕКА НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ“:

1. Викт. Бриджъ „Человѣкъ ниоткуда“ романъ 240 стр. (распродано).
2. Уильямъ Локкъ „Слава за любовь“, романъ 280 стр. (распродано).
3. Мих. Зощенко „Разсказы“, 224 стр. (распродано).
4. М. Арцыбашевъ „Санинъ“, романъ 240 стр. (распродано).
5. А. Ландсбергеръ „Эмиль“, романъ 240 стр. (распродано.
6. Мих. Зощенко „О чемъ пѣлъ соловей“, повѣсти 224 стр. (распродано).
7. Пьеръ Бенуа „Прокаженный Король“, романъ 240 стр.
8. Алексѣй Тверякъ „Передѣлъ“, романъ 240 стр.
9. Стефанъ Цвейгъ „Гибель сердца“, новеллы 256 стр.
10. Роменъ Ролланъ „Мать и сынъ“, романъ 224 стр.
11. Пантел. Романовъ „Право на любовь“, разсказы 224 стр.
12. Генрихъ Маннъ „Свѣтскіе люди“, романъ 240 стр.
13. Викторъ Маргеритъ „Тѣло твое принадлежитъ тебѣ“, романъ 272 стр.
14. Роменъ Ролланъ „Мать и сынъ“ II часть, романъ 168 стр.
15. Ник. Брешко-Брешковскій „Принцъ и танцовщица“, романъ 224 стр.
16. Гербертъ Уельсъ „Сонъ“, романъ 272 стр.
17. Пант. Романовъ „Русь“ ч. I, романъ 286 стр. (распрод.).
18. Илья Эренбургъ „Въ Проточномъ переулкѣ“, ром. 208 стр.
19. Гансъ Доминикъ „Лучи смерти“, романъ 224 стр.

20. Пант. Романовъ „Русь" ч. I, романъ 239 стр.
21. Алексѣй Толстой „Хожденіе по мукамъ", романъ 221 стр.
22. Питигрилли „Кокаинъ", романъ 180 стр.
23. А. Амфитеатровъ „Лиляша", романъ 207 стр.
24. Левъ Гумилевскій „Собачій переулокъ", романъ 224 стр.
25. Пант. Романовъ „Русь" ч. III, романъ 224 стр.
26. Н. Огневъ „Дневникъ Кости Рябцева", 208 стр
27. А. Амфитеатровъ „Лиляша" книга II, ром. 176 стр.
28. А. Амфитеатровъ „Лиляша" книга III, ром. 320 стр.
29. М. Зощенко „Надъ кѣмъ смѣетесь", разсказы и повѣсти 192 стр.
30. Стеф. Цвейгъ „Фантастическая ночь", новеллы 224 стр.
31. Юрій Галичъ „Легкая кавалерія", разсказы 194 стр.

2010381951